

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
28–29 ОКТЯБРЯ 2013 Г.

МОСКВА
2013

ББК 63.2
УДК 913.1
П 27

В рамках проекта
«Географическая концептуализация государственного пространства:
От Средневековья до Новейшего времени»
Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.)
д.и.н. М.А. Липкин
д.и.н. Е.А. Мельникова
д.и.н. Ар.А. Улунян
к.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь)

П 27 Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. — 164 с.

В сборнике помещены материалы научной конференции «Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования», состоявшейся в Институте всеобщей истории РАН 28–29 октября 2013 г. В представленных на конференции докладах на широком историческом материале от средних веков до наших дней рассмотрены вопросы, связанные с феноменом столичного города как такового, множественностью столиц (национальных, субнациональных, глобальных, временных, неформальных, символических), образами столичных городов, а также с мировым опытом переноса столиц. Издание представляет интерес для историков, историко-географов, политологов, культурологов.

Научное издание

© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Институт всеобщей истории РАН, 2013
© Издательство «Аквилон», оригинал-макет,
компьютерная верстка, 2013

ISBN 978-5-94067-397-2

В.А АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

К ВОПРОСУ О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНСТАНТАХ ДРЕВНИЕ СТОЛИЦЫ АРМЕНИИ

Армения находится в средней части Армянского нагорья (от 37°30' до 41°15' северной широты и от 38° до 47° восточной долготы), которое расположено между Анатолийским нагорьем на западе и Иранским — на востоке, ограничено с севера Понтийским хребтом, а с юга — Армянским Тавром, его ландшафт определяют высокогорные хребты, каменистые склоны, горные плато и глубокие речные долины. Армянское нагорье является водоразделом самых больших рек Передней Азии (Тигр, Евфрат, Чорох, Галис, Гайл-гет). Связь с миром осуществлялась через речные долины и горные клисур, где проходили военные и торговые пути Древнего и Средневекового мира. Геополитическое положение Армении между великими державами Востока (Рим и Парфия, Византия и Иран, Византия и Арабский халифат и т.д.), а также на путях международной караванной торговли определяло основные (первичные) причины появления городов в Армении (в особенности, столичных), их дислокацию, статус и функции их населения на протяжении столетий: от царства Арташесидов (II в. до н.э.) до государства Багратидов (X–XI вв.).

Арташес I (189–160 до н.э.) — основатель династии Арташесидов и собиратель земель с армяноязычным населением (от Северной Месопотамии до р. Куры и от Атропатены до Малой Армении) в 166 г. до н.э., основал столицу Великой Армении г. Арташат на р. Аракс в Араратской долине. Арташат — укрепленный город-крепость — находился на магистрали Великого шелкового пути, связывавшего Китай и Средиземноморье, и стал одним из крупнейших торговых и культурных центров не только Армении, но и всего эллинистического Востока. Арташат более тысячелетия занимал значительное место в жизни Армении даже после утраты им статуса царской резиденции.

Тигран II (95–55 до н.э.) расширил границы Армении, захватив значительную часть Передней Азии (от р. Куры и Каспийского моря до р. Иордан и Средиземного моря, от Киликийского Тавра до Мидийских гор). Расширение государства сдвинуло Арташат на северо-восточную окраину царства Тиграна, и в 77 г. до н.э. в области Алдзник, входившей в царский домен, на берегу притока Тигра был основан г. Тигранакерт, расположение которого отвечало политическим и экономическим задачам нового царства. В строительстве Тигранакерта принимали участие мастера, переселенные в него Тиграном из Киликии, Сирии, Месопотамии и Каппадокии. Новая столица стала центром политической и торговой жизни, и даже после разорения города римским полководцем Лукуллом и крушения царства Тиграна Тигранакерт оставался, благодаря географически точно выбранному местоположению, «великим городом», вторым после Арташата. Следует отметить, что в числе прочих реформ, Тигран озаботился безопасностью торговых путей и сбором пошлин, он учредил специальные посты в труднодоступных горных проходах и на речных переправах.

При Аршакидах (с III в. до 428 г.) столица возвращается в Араратскую долину, но магистрали международной торговли сдвигаются на северо-запад от Арташата из-за изменения русла р. Мецмор и заболачивания почвы. На берегу р. Азат в Араратской долине была основана царская резиденция г. Двин, который и стал новой столицей. Вскоре Двин превзошел Арташат, как узловой пункт на караванных путях. Анания Ширакаци в «Ашхарацуйц»-е (VII в.) называет семь торговых магистралей, из которых шесть проходят через Двин: Двин — Карин — Колония — Константинополь; Двин — Хлат — Эдесса — Иерусалим; Двин — Партав — Каспийское море; Двин — Нахчаван — Гандзак Урмийский — Шахастан (Иран); Двин — Гандзак — Нисибин — Эдесса; Двин — Кохб — Тбилиси. В течение нескольких столетий Двин был административным центром Армении.

В VIII–IX вв., в период арабского владычества, Двин стал резиденцией остиканов Халифата в провинции Арминийа. Арабские географы X в. оставили подробные описания города. Ал-Мукаддаси пишет, что Двин (*Дабиль*) — «значительный город, в нем неприступная крепость и большие богатства; имя его древнее; сукна его знамениты; река в нем многоводна; окружают его сады;

город имеет предместья; крепость его надежна; площади его крепостобразны; пашни его восхитительны; соборная мечеть на громадном холме, а рядом с мечетью церковь; курды наблюдают за городом; при городе есть цитадель; постройки жителей из глины и камня; у города много ворот». И даже после землетрясения 893 г., благодаря своему выгодному расположению, Двин продолжал оставаться крупнейшим городом Армении.

В периоды как персидского, так и арабского владычества в Армении города и, в том числе ее древние столицы, в результате разрыва коммуникаций теряют, по большей части, свое международно-торговое значение и, в основном, являются административными центрами и крепостями. Двин был мощной крепостью, которую арабы долго не уступали Багратидам, потеснившим в союзе с Византией Арабский халифат и возродившим в конце IX в. Армянское царство.

В 885 г. Ашот Багратуни (885–890) был коронован царем Великой Армении, и его столицей ненадолго стал Багаран в Аршарунике, а затем Еразгаворс (Ширакаван) в Шираке. Освободительная война против арабов завершилась в 923 г., при внуке Ашота I Багратуни Ашоте II (914–928), а при его брате и преемнике, правителе Вананда Абасе I (928–953) начинается экономический подъем страны, восстановление сельского хозяйства, развитие внешней и внутренней торговли и рост городов. Карс (царская резиденция Аббаса I в Араратской долине) активно участвовал в международной караванной торговле. От Карса торговые пути вели в Артанудж в Кларджии (крупнейший торговый город ивирских Багратидов) в Арцн, в Трапезунд, а также в Лори, Дманис, Самшвилде и Тбилиси. В XI в. Карс был одним из самых богатых городов Армении. Армянский историк XI в. Аристакес Ластивертци пишет, что жители Карса «богатели, копя щедроты моря и суши». Преемник Абаса Ашот III Милостивый (953–977) предпринимает меры по централизации государственной власти и переносит столицу из Карса в город-крепость Ани в Шираке, также расположенный на оживленной магистрали транзитной торговли. Центр царства Багратидов находился на перекрестке дорог как внутренней торговли, так и торговли с другими странами: Ани — Лори — Тбилиси; Ани — Ахалцих — Кутаис — Черноморское побережье; Ани — Багаран — Валаршапат — Ма-

назкерт — Багеш (Битлис) — Месопотамия; Ани — Трапезунд — Константинополь; Ани — Трапезунд — юг России и др. Через Ани шли пряности и благовония из Ирана, Индии и Аравии, ткани, одежда и ковры — из Сирии. Армения вывозила на международный рынок зерно, скот, лес, оружие, серебряную и золотую утварь, ковры, шерсть, керамику, краски, соль, вино и фрукты. Ани достигает расцвета в начале XI в. как официальная столица Великой Армении, узел торговых магистралей и центр ремесленного производства (около 40 ремесел и, среди них, кузнечное, оружейное, ювелирное, гончарное и др.). С конца X в. Ани становится самым крупным городом Армении (около 100 тыс. жителей) и отстраивается в соответствии со статусом столицы Багратидов (кафедральный собор, царский дворец, дома знати, караван-сарай, постоянные дворы, большая рыночная площадь и здания торговых рядов, многокилометровая широкая сеть водопровода). Город Ани состоял из трех частей: цитадели, собственно города (шахастан) и предместья, цитадель и шахастан были обнесены крепостными стенами. В городе действовало городское самоуправление — совет старейшин при участии представителей знати и духовенства, а управлял городом назначенный царем савновник (*мутасиб* от араб. *мухтасиб*). Он контролировал сбор налогов, торговлю и ремесла. Ани как и другие крупные города Армении (Карс, Ван, Востан и др.) был построен и управлялся подобно большим городам Ближнего Востока того же периода.

Геополитическое положение Армении требовало, прежде всего, стратегически выгодной для войны и торговли дислокации городов. Это была постоянная (на протяжении тысячелетия) составляющая местоположения и статуса города, позднее на этот субстрат накладывались социально-административные, конфессиональные и культурные характеристики городской жизни. Местом дислокации стольных городов Армении чаще всего были Араратская и Ширакская долины — центр экономического, политического и культурного единения Армении.

Краткий обзор местоположения столиц Армении на широком отрезке времени позволяет сделать заключение, что они неизменно были вписаны в пути международной торговли и военно-политический контекст эллинистического, византийского и ближневосточного миров.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока VII–XIII вв. М., 1984.
- Еремян С.Т.* Армения по «Ашхарһацуц»-у (Армянской географии VII в.). Ереван, 1963 (на арм. яз.).
- История Армянского народа. Ереван, 1976 (на арм. яз.).
- Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.
- Саркисян Г.Х.* О путях социально-экономического развития древней Армении. Ереван, 1962.
- Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К.* Потомки Хайка. Ереван, 1998.
- Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2008.

Т.И. ГЕРАСИМЕНКО

РОЛЬ СТОЛИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Территориальная (пространственная) структура географического пространства — это взаиморасположение взаимодействующих пространственно выраженных элементов. По Э.Б. Алаеву, для выражения структуры геопространства необходимо пользоваться двумя понятиями: составом и взаимосвязанностью элементов (Алаев 1983: 102). К таким элементам относятся как простые объекты, так и их совокупности. Это поселения и их системы, производственные и непроизводственные центры, узлы и районы, объекты инфраструктуры и их сети и др. Важнейшими, определяющими географический рисунок, элементами являются поселения и транспортная сеть. Территориальная структура присуща объектам разного таксономического ранга.

Территориальная структура формируется и трансформируется под воздействием целого ряда факторов. Это может быть колонизация, промышленное или иное развитие, распад страны или империи, изменение геополитических или геоэкономических приоритетов государства и др. Немаловажную роль в ряде случаев играет географическое положение и роль столицы, что, в свою очередь, тесно связано с ролью государства в управлении страной. Там, где развит рынок, функционирует реальный федерализм, роль столицы не очень велика. Чем централизованнее государство, чем сильнее его роль в экономике страны, чем ярче выражена вертикаль власти, тем мощнее и компактнее столица, тем больше она связана с регионами, и «центром» становятся пристоличные территории независимо от её локации. В этих государствах столица трансформирует территориальную структуру страны таким образом, что последняя ориентируется на столицу.

В этом заключаются главные причины гипертрофированной роли Москвы¹. Москва формировала территориальную структуру, благодаря чему смогла собрать вокруг себя земли, и продолжает играть значительную роль в её трансформации на современном этапе. Верно и обратное утверждение. Современная роль и диктат Москвы возможны в значительной степени благодаря сложившейся нуклеарной территориальной структуре. Сильное централизованное ядро, не имеющее никакого отношения к географическому центру, концентрируется на западе страны, что обусловлено не только историко-географическими причинами, но и доминирующей прозападной политикой государства. Геополитические причины лежали в основе переноса российской столицы на запад во времена Петра I, который в своей политике ориентировался на Европу. Это требовало значительных ресурсов, и ему пришлось отказаться от планов укрепления южных российских рубежей. Однако западная столица ещё больше усиливала территориальные диспропорции, она не могла контролировать всю российскую территорию.

Современная ментальная географическая картина россиян деформирована. Мало кто задумывается над тем, что районы, которые мы называем центральными, в действительности с большим основанием следует считать приграничными. Это, впрочем, характерно и для других централизованных стран. Ярким примером является Казахстан: многие СМИ пишут о том, что его столица была перенесена в центр страны, а не на север, как в действительности.

Для многих периферийных регионов Москва в ряде случаев более доступна в транспортном отношении, чем центры соседних или даже населённые пункты в пределах своего субъекта федерации. Кратчайшее реальное географическое расстояние между некоторыми периферийными по отношению к столице региональными центрами играет меньшую роль, чем кратчайшее экономическое (оцениваемое, по И.М. Маергойзу, по времени либо по стоимости перевозок), которое в большинстве случаев проходит через Москву. Например, из Оренбурга в Красноярск,

¹ Существуют страны, где роль столицы ещё больше. Такова, например, Аргентина, где в столице концентрируется треть населения и половина промышленного потенциала страны.

Иркутск, Ставрополь, Белгород и другие восточные, южные и западные города путь через столицу короче, надёжнее и дешевле других вариантов. Нередко путь до соседнего субъекта федерации оказывается длиннее и / или дороже, чем даже за границу, куда можно добраться чартерным рейсом. Этому парадоксальному явлению способствовало сокращение в постсоветские годы внутрироссийских авиарейсов и железнодорожных маршрутов.

Столица объединяет и цементирует социально-экономическое, политическое, культурное, научное пространства России. Однако пределы её влияния существуют, полностью подчинить и контролировать регионы не удаётся. Процесс регионализации — объективная реальность. Всё больше российских территорий, не имея лёгкого транспортного доступа к столице, становятся самодостаточными. В отдалённых регионах формируется региональное социально-экономическое пространство, имеющее всё ту же моноцентрическую структуру. Научные и культурные центры, утратив связи с Москвой, нередко развиваются независимо от нее. В регионах — свои кумиры, неизвестные столицы, свои политические деятели, свои рекреационные предпочтения. За границей, куда направляется всё больше российских отдыхающих, редко пересекаются дальневосточники и жители европейской части страны.

Современная структура российского геопространства иерархична и многоступенчата. На региональном и локальном уровнях функционируют свои собственные центры, вокруг которых формируются в большинстве случаев нуклеарные частично изолированные структуры. Связи между этими территориями ослаблены, вследствие чего границы ярко выражены в ландшафте разросшимися растительными массивами, на что справедливо обратил внимание Б.Б. Родоман (Родоман 2004).

Регионализация приводит к разделению российского пространства, что может стать реальной основой для сепаратистских настроений. Центральная власть вынуждена реагировать: предпринимаются попытки формирования точек роста в виде федеральных университетов, а также регулирования цен на авиабилеты — например, через дотирование полётов на Дальний Восток и в Калининградскую область, чтобы не потерять связь с этими регионами.

Такая ситуация порождает дискуссию о необходимости переноса столицы. Именно боязнь утраты контроля над регионами и сецессии ряда территорий, а отнюдь не проблема гипертрофированного роста Москвы является главной причиной подобных идей. Вопрос заключается в том, насколько оправдан и результативен подобный шаг и каковы его последствия, в том числе географические. Какие бы цели ни преследовал перенос столиц в централизованных государствах — закрепление новых территорий, усиление власти в регионах, экономическое развитие глубинных территорий, изменение геополитических или геоэкономических приоритетов, — в той или иной степени он затрагивал территориальную структуру геопространства страны, а иногда и сопредельных государств. Несомненно, перенос столицы и трансформация социально-экономического пространства страны взаимосвязаны. Об этом говорит имеющийся опыт, в том числе недавний (Бразилия, африканские, азиатские страны, Казахстан и др.).

Цели и ожидаемые результаты проектов переноса российской столицы понятны. Главные — децентрализация власти, развитие периферийного российского пространства в результате ослабления влияния Москвы, а также сохранение и даже упрочение целостности российского государства. Второй вариант — частичный перенос и рассредоточение столичных функций — имеет аналогичные задачи. Их достижение кажется, на первый взгляд, реальным: перенос столицы ближе к географическому центру приведёт к формированию новых транспортных и других связей, социально-экономическому и культурному развитию новых территорий, позволит разгрузить Москву и улучшить её имидж в глазах россиян. Однако парадокс заключается в том, то перенос столицы либо части столичных функций может не только не дать желаемых результатов, но и привести к прямо противоположным результатам. Любой из этих вариантов неизбежно предполагает, во-первых, большие затраты на инфраструктурное и прочее обустройство, а даст ли это экономический и социальный эффект — большой вопрос. Велика вероятность того, что это приведёт к снижению уровня жизни населения. Неизбежный рост чиновничьего аппарата также потребует дополнительных расходов. Во-вторых, ослабление Москвы может привести к усилению не страны в целом, а отдельных регионов и к их сецессии, а возможно и

к распаду государства. В России нет демократических традиций и подлинного федерализма, зато существует конкуренция за бюджетные средства, которые перераспределяются Москвой. Большой вопрос, не захотят ли регионы-доноры приобрести как можно больше самостоятельности.

Лучшим решением этих проблем стал бы не перенос столицы, которая неизбежно будет оттягивать на себя ресурсы, а создание новых «полюсов роста» в регионах России, развитие их инфраструктуры, особенно транспорта. Непременно в каждом субъекте должен быть свой университет, чтобы предотвратить утечку умов из периферийных регионов. Одним из полюсов роста могло стать размещение инновационного центра в каком-либо периферийном регионе. Однако Сколково развивается в центре. Со всей очевидностью происходит дальнейшее укрепление Москвы и усиление её влияния. В столице увеличивается концентрация руководства многих региональных производственных компаний, банков и других предприятий. В результате реформы системы образования увеличится концентрация образовательных учреждений и учащейся молодёжи, что неизбежно приведёт к снижению образовательного уровня и качества населения регионов. Усиливается поляризация по линии «центр-периферия» по всем направлениям. Это политика федеральных органов государственной власти. Именно поэтому можно утверждать, что вопросы, связанные с переносом российской столицы, скорее всего, не имеют практической подоплёки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
- Родоман Б.Б.* Экологическое значение административных границ // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГ РАН, 2004. С. 82–85.

И.А. ДОБРИЦЫНА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СТОЛИЧНОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

Предмет анализа — стратегическая модель архитектуры, сложившаяся в условиях урбанистического поворота, инициированного экономикой неолиберального капитализма. В XXI в. выпукло обозначился альянс архитектуры с неолиберальной экономикой — новой властной силой, структурно противостоящей власти государства, что породило новые профессиональные проблемы. Со своей стороны, экономика делает ставку на город, на систему городов, на их бизнес-связи, на выгодное для бизнеса преобразование среды города. «То, что принято сегодня понимать как всемирный управленческий вызов, становится горячей проблемой непосредственно в городах» (Sassen 2011: 124). Представители бизнес-структур (девелоперы, будущие владельцы, арендаторы, заказчики) ценят и используют притягательность формальной архитектурной новизны, слитой сегодня с небывалой степенью комфорта и технологичности. Урбанистический поворот породил термины «глобальный город», «неолиберальный город», «корпоративный город».

В развитых и развивающихся странах интенсивная трансформация городской структуры и самого образа города происходят на фоне размыкания секторов экономики — рынка, считающегося с законами государства, и рынка неолиберального, ускользающего от гласности и контроля, — за каждым из которых стоит своя философия, политика, история. Доминирующее положение в неравном диалоге занимает неолиберальная экономика. Архитектура существует и действует между двух властных сил — государственной (плановой) и неолиберально-рыночной. Тенденция имеет планетарный характер, и в различных странах архитектура занимает несходные позиции.

Итак, неолиберальная экономика градоцентрична. И такой сложный механизм, как город, переходит в иное состояние, заменяя или обновляя главные функционально-структурные элементы. Встает вопрос о новой природе процессов, происходящих в городе. Сдвиги постиндустриальной экономики, открытия электронной технологии, активизация когнитивной сферы в целом ускорили мутации внутренних процессов города, воздействуя на его внешний облик. Все вместе объективно видится как ступенька в эволюции системы человеческого общежития.

Геоэкономист А.И. Неклесса утверждает: «Если раньше мировая экономика была ареной, на которой действовали суверенные государства, то теперь она — достаточно автономный персонаж, оперирующий на поле национальных государств» (Неклесса 1999: 72). Наступательный характер неолиберализма, сопровождающийся усилением контроля общества, создает ситуацию крайнего напряжения в социуме. Фантомный характер корпоративной власти неуловим и мало осознан. Признаки перемен озадачивают, традиционные способы существования претерпевают реконструкцию. Новая элита внушает новые мифы. Согласно политологу Полу Тренору, неолибералы видят мир как метафору рынка. В неолиберальной региональной политике сами города как бы «продают» себя на национальном и глобальном рынке. Они оцениваются как некий товар или подразделения «национальных фирм». «Разумеется, города не могут быть товаром, как не могут быть и фирмами, в этом неолиберализм проявляет себя скорее как философия, а не как экономическая реальность. Работа рыночных структур рассматривается как *этический императив*, определяющий все действия человека и способный заменить едва ли не все ранее существовавшие этические убеждения и ценности» (Treanor 2005).

Город как выгодный объект вложения капитала был распознан давно. В теории *спациализации* Анри Лефевр объясняет пространственные формы как формы, в которые воплощается социальная активность и материальная культура социума. Согласно Лефевру, общество «производит» пространство. Городское пространство Венеции XV в., например, было таким продуктом социальных усилий и творчества. И потому Лефевр предлагает мыслить окружающее человека пространство не только как тво-

рение архитектора, но как пространство социальное, которое всегда «производилось», *то есть как некий продукт*. «Творение и продукт можно различить только через ретроспективный анализ. Абсолютно их разграничивать, отсекал друг от друга — значит убивать то изменение, которое *их обоих порождает*» (Лефевр 1974). Городское пространство корпоративного города предстает в этом свете как развитие исторического архетипа.

С 1980-х годов большие города становятся стратегическими точками мирового развития. Транснациональные корпорации (ТНК) фокусируют здесь невиданные прежде информационные мощности в комфортабельных зонах. *Глобальные, или корпоративные* города позволяют производить информационный обмен в настоящем времени и в глобальном масштабе. «Еще одна причина восхода глобальных городов как стратегических пространств — это глубокие структурные трансформации всей геоэкономики, небывалый взлет сервисной экономики» (Sassen 2011: 124).

В ХХI в. экономика неолиберализма рассматривается едва ли не как главная энергетическая пружина, встроенная в городскую ткань. Меняется значимость города — он становится стратегическим оружием неолиберальной экономики. Меняется структура городского проекта. Архитектор работает в связке с девелопером и технологами маркетинга и принимает реальность так называемого *хаба* — территории выгодного бизнеса. В ХХI в. господствует модель транснационального производства бизнес-пространства в городе, опирающаяся главным образом на американскую практику. Еще в 1913 г. манхеттенский небоскреб Вулворт-билдинг — огромный и как бы бестелесный — был признан «храмом коммерции» (Колхас 2013:104). Небоскреб в 1930-е годы — главный паттерн Манхеттена, созданный теоретиками и архитектором Рэймондом Худом, доказавшим энергетическую мощь союза бизнеса и будоражащего активность вертикального пространства. К концу ХХ в. модель дополняется новейшим паттерном динамичного нелинейного пространства, обладающим энергетикой магического аттракциона, что дает возможность сводить вместе высокую и низкую культуры. К началу ХХI в. новый ландшафт власти активно использует два формальных кода архитектуры — элитарный (кластеры строгих деловых высоток)

и иконический, наполненный гедонистическими соблазнами (Добрицына 2012: 217). И если первый строится на повторении однородных форм (строгой модернистской вертикали), то второй поражает многообразием и формальной изощренностью.

Рассмотрим трансформацию образа столицы на примере Лондона. Сегодня «Лондон является “лабораторией и испытательным полигоном” неолиберального капитализма, перетягивающим инвестирование от Среднего Востока, России, Индии, Дальнего Востока и Австралии, как и от США» (Fraser 2012: 14). За последние лет тридцать Лондон во все большей степени становился центром деятельности финансового мира. Корпоративный город активно внедрял в свою структуру зоны элитарного предпринимательства, как и зоны туризма. Как же вырабатывалась регенерационная программа «места по модели бизнес-предприятия»?

В 1970-е годы в Лондоне началась ведомая рынком переделка исторической застройки в эксклюзивную застройку с новыми городскими функциями современного музея или шоппинга — замысловато названная «маркетинг места». Идея, импортированная из США, поначалу была осуществлена в Ковент Гарден.

В 1980-е годы корпоративный город активно внедряет в свою структуру зоны элитарного предпринимательства, как и зоны туризма, рассчитанные на привлечение путешественников. В этот период особо показательным стал опыт с деловой зоной Кэнэри Уорф, возникшей на территории старых доков Доклендс после их банкротства. Правительством была создана особая корпорация по реабилитации зоны. Разработка плана стратегического развития района Кэнэри Уорф была поручена американской проектной компании SOM и ряду крупных архитекторов. Появилась зона, привлекательная для работодателей и комфортная для работников с удобной инфраструктурой (легкое метро), с продуманной до деталей структурой релаксации (зеленые зоны, замощение и т.п.).

Если в 1980-е годы такого рода особые «места» строились по программам, рассчитанным на 20–30 лет, то сегодня метод отработан, и сроки внедрения корпоративных новшеств сокращены. Так, к 2012 г. Лондон радикально меняет скай-лайн ради нового самоутверждения города как одной из столиц мира — едва ли не

первой. Допуская новые высотные акценты в центре, Лондон демонстрирует энергетически усиленное звучание самой сердцевины города. К примеру, Квартал Лондонского моста активно воплощает регенерационную программу по модели Кэнэри Уорф. Здесь на одном из важнейших транспортных пересечений Лондона создан новый коммерческий район. «Проект оказался экономически эффективным, он передвинул основные корпоративные ценности из Лондонского Сити в южный Лондон и предстал теперь как первый по значимости в городе. Было создано то, что и требовалось — третий бизнес-район Лондона» (Fraser 2012: 15). Высотное сооружение Шард возшло над Лондоном в экономическом единении с этим регенерируемым районом. Шард — самое высокое здание в Европе — содержит в себе офисные пространства мирового класса, собрание эксклюзивных резиденций, пятизвездочный отель Шангри-Ла, интернациональные рестораны и публичные смотровые площадки. Упрочение корпоративного капитализма в этом новейшем коммерческом квартале Лондона достигается благодаря еще одному сооружению — Плейс — 17-этажному зданию инновативной штаб-квартиры. Задуманное, как и Шард, девелоперским бюро Селлар Проперти, это престижное здание обеспечивает 40 тыс. м² сверхсовременного офисного пространства. По сравнению с «классическим» решением бизнес-района Кэнэри Уорф Квартал Лондонского моста эклектичен. В качестве высотного акцента здесь выступает иконическое по сути здание Шард, с намеренно смешанными функциями. Деловой вариант штаб-квартиры Плейс, напротив, снизил энергетику высотности офисных зданий. «Делайте различия» — вот пафос инновационности, который присутствует здесь как важная часть экономической политики и гибкой эстетической программы. Помимо деловых функций корпоративный хаб города озабочен привлечением туристов. Лондон становится центром современной индустрии развлечений. Здесь возникают откровенно развлекательные сооружения, совмещенные с торговой функцией. Таков торговый центр Вестфилд Стратфорд Сити, расположенный рядом с Олимпийским парком. В целом же можно констатировать сложное столкновение американских паттернов с традиционными европейскими ценностями города как жизненной среды.

При том, что корпоративный город с помощью политики регенерации привлекает в свои программы энергетические силы архитектуры и происходит заметное экономическое продвижение городов, одновременно наблюдается ряд тревожащих негативных явлений, задевающих культурные основы городского общежития. Так, очевидно не прямое, но типологическое сходство городов-генериков, все заметнее явление пустующих городов-призраков, процессы джентрификации оттесняют малоимущих на периферию. Более того, сверхбыстрый экономический прорыв всегда грозит обернуться нестабильностью.

Казалось бы, Лондон — вершина коммерческого успеха. Но и здесь неолиберальная модель переживает кризис. При том, что альтернатива неолиберальному капитализму сегодня не просматривается, ряд явлений можно расценивать как поиск противовеса господствующей модели, социально и экологически более устойчивого. Сопrotивление назревает еще и потому, что проверенные американские паттерны рассматриваются как навязывание единой пространственной и образной схемы всему миру. И такая принципиальная повторяемость сходной конструкции реальности видится как тупиковый вариант, пригодный для неразвитых сообществ. Современному человеку необходим мир с разнообразием публичного пространства, в котором у него возникает возможность реализовать себя, «пространства публичной явленности миру» (по Х. Арендт). Однообразие губительно: богатый «общий мир исчезает, когда его видят только в одном аспекте, мир живет только в многообразии своих перспектив» (Arendt 1958). Но, возможно, самый острый вопрос — образ города, новая непривычная эстетика, которая «празднует различия, эфемерность, спектакль и коммодификацию всех форм культуры» (Harvey 1989: 156)

Понятны сегодня и бурные дебаты по поводу двух архетипов городского ландшафта — «город-корпорация» и «город-деревня». Архетип города-деревни (предложен Джейн Джекобс) — малоэтажная застройка, невысокий доход жителей, тесные общинные связи — безусловно уступает место высотному корпоративному городу, в худшем случае становится его симулятивным фасадом (Харламов 2008: 72). Локальная стратегия как бы отодвинута из-за неэффективности, инертности. Инвестици-

онный климат не в ее пользу. Город — не комьюнити, утверждал Льюис Мамфорд, город — кастовое общество (Mumford 1961). Стоит иметь в виду и предупреждение историка Фернана Броделя: в игре стихий более инертные структуры становятся скорее «объектами, нежели субъектами действий» (Бродель 1993: 12). Тенденции, однако, имеют свойство меняться. И тот же Бродель настаивает на «постоянной игре глубинных тенденций и к равновесию и к его нарушению в длительной исторической перспективе» (Бродель 1993: 12).

Уловить игру тенденций — проблема архитектуры, вынужденной практически постоянно включать в свой анализ инновационных явлений все новые переменные, часто расположенные за пределами круга профессиональных представлений, ради своевременного и оперативного переосмысления механизма роста города.

Рис. 1.
Ковент-Гарден. К проекту «Маркетинг места».
Лондон, 1970-е.

Рис. 2.
Фирма SOM. Деловой район Кэнэри Уорф. Лондон, 1980–90
<http://www.telegraph.co.uk>

Рис. 3.
Ренцо Пиано. Небоскреб Шард.
Квартал «Лондонский мост». Лондон 2012.

Рис. 4.
Бюро Renzo Piano Building Workshop. Штаб-квартира Плейс.
Квартал «Лондонский мост». Лондон, 2012.

Рис. 5.
Бэттерси. Квартал Лондонский мост. Лондон. 2012
<http://www.telegraph.co.uk>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бродель Ф.* Динамика капитализма / Пер. с фр. Смоленск: Полиграмма, 1993.
- Добрицына И.А.* Два кода архитектуры. Репрезентация символической власти глобальной экономики // Архитектура и социальный мир / Сб. статей под ред. д. арх. И.А. Добрицыной. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 213–228.
- Колхас Р.* Нью-Йорк вне себя: Ретроактивный манифест Манхэттена / Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2013.
- Левевер А.* Социальное пространство / Пер. с фр. А. Лазарева // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>, дата обращения — 22.07.2013].
- Неклесса А.И.* Рах Eсоnотісаnа: геоекоnоміска система мироустроїства // Екоnоміска наука сoвременной России. 1999. № 1 (5). С. 71–76.
- Харламов Н.А.* Ландшафты глобального урбанизма: Власть, маргинальность и креативность. Промежуточная конференция 21-го комитета Международной социологической ассоциации // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 70–74.
- Arendt H.* The Human Condition. Chicago, ID: University of Chicago Press, 1958 (2nd ed. — 1998).
- Fraser M.* The Global Architectural Influences on London // Architectural Design. 2012. No. 1. P. 14–21.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. London: Wiley-Blackwell, 1992.
- Mumford L.* The City in History. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1961.
- Sassen S.* When Cities Become Strategic // Architectural Design. 2011. No 3. P. 124–127.
- Treanor P.* Neoliberalism: origins, theory, definition. 2005. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/-neoliberalism.html>, дата обращения — 22.07.2013].

Д.Н. ЗАМЯТИН

ФЕНОМЕН / НОУМЕН СТОЛИЦЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВООБРАЖЕНИЯ

Столица — образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом государства и государственности. Однако, если брать немного шире, то мы несомненно можем говорить о различных множественных вариантах феноменологии центра мира. Это подразумевает, кроме всего прочего, обращение к космогоническим контекстам архетипического мифа об основании столицы. Так или иначе, миф о столице / столичный миф оказывается онтологической границей, соединяющей и одновременно разъединяющей феномен божественной воли и божественного указания и ноумен непосредственного властного целеполагания и решения.

Фундаментальная традиция власти состоит в утверждении пространства и пространственности как аутентичной собственности. Пространство есть власть, реализованная и осмысленная онтологически. Вместе с тем, метафизика любой власти является топосом пространственной трансценденции (трансцендентальности). Парадокс онтологии власти заключается в безусловной локальности, конкретной топографичности её претендующей на «абсолютную» пространственность метафизической устремлённости. Всякое место власти бытийствует самодовлеющей пространственностью «центра». Таким образом, власть и властность осуществляют себя как долговременная (в идеале — вечная) топографическая традиция хорологической трансцендентальности; в этом смысле, власть есть непреходящая онтологическая граница места с его потенциальной пространственностью. Столица, вернее, её образ и миф, выступают в таком случае как устойчивые политические и социокультурные репрезентации имманентной самой себе топологичности власти.

Столичные репрезентации, начиная с древности, связаны, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Столица, выступая как «горизонтальное» средоточие и сгущение земной и во многом ещё как бы профанной власти, в то же время представляет себя как пограничный метафизический «узел», в котором в рамках сакральной вертикали соединяются власть земная и власть небесная. Именно с данными процедурами эксклюзивной властной сакрализации пространства связана постоянно расширяющаяся, образно и мифологически, топографическая метафизика столицы и столичности. Столичность места / города становится онтологическим атрибутом, преобразующим, трансформирующим внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива или озера и т.д.) в мощный — иногда единый, а иногда дуалистический — мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы.

Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение, упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц. Всякий раз, когда мы наблюдаем или анализируем подобные исторические и историко-географические факты, от нас не должны укрываться и собственно ноуменальные обстоятельства и свидетельства. Покинутое место столичности, утраченная столица или бывшая столица, руины древней столицы — все эти топографические модусы имеют несомненную метафизическую ауру. Мы можем рассматривать и исследовать параллельные миры разных исторических географий — безусловно, связанных между собой, но обладающих, по Фоме Аквинскому, разной контингентностью, и, следовательно, проявляющихся в принципиально различных репрезентациях. Конечно, действительность сама по себе предлагает нам в итоге очень сложные ментально-стратиграфические построения, в которых столично-топографические перерождения формируют порой изощрённые

совместные историко-географические слои (случаи Нары, Киото и Токио, Киева и Харькова, Константинополя — Стамбула, Вильнюса и Каунаса, Кракова и Варшавы, Москвы и Петербурга). В качестве особого случая приходится изучать так называемые «мировые столицы», порождающие мощные ментально-силовые поля и цивилизационное «эхо» (например, Рим, Париж, Нью-Йорк).

Властные устремления и «поползновения», фиксируемые в том числе основаниями, утверждениями, назначениями и переносами государственных и национальных столиц, формируют также своего рода метагеографию столиц, в которой на первоначальный фактографический слой (традиционная географическая карта с обозначением столиц, сопровождаемая простейшим анализом их размещения, включая физико-, политико- и экономико-географическое положение) накладывается слой метафизический, где речь идёт уже о соотношении, конфликтах, симбиозах и взаимодействии различных столичных репрезентаций — образных, мифологических, дискурсивных. Мы можем наблюдать здесь своеобразные волновые процессы, турбулентности и «точки бифуркации», которые могут обнаруживать возникновение, возможно, отдельных транс-столичных пространств, обладающих собственной образно-мифологической и сакральной энергетикой. Наряду с этим, стоит учесть и специфические столичные процессы Нового и Новейшего времени (эпоха зрелого Модерна и начального Постмодерна), заключающиеся в текучих дифференциациях власти политической, экономической, финансовой, культурной. Стало возможным и нужным говорить об экономических, финансовых, культурных столицах — причём не только на национальном, но и на международном уровнях. Интенсивно развивающийся в конце XX – начале XXI в. маркетинг и брендинг городов использует образ и понятие столичности как некий феноменологический институт, позволяющий «делать» столицу чего-либо (чего-нибудь) практически из любого города. Метафора столицы и столичности оказывается в связи с этими ментальными процессами непосредственной частью реальности, формирующейся как сеть достаточно гибких когнитивных представлений.

Онтологические модели воображения применительно к феномену / ноумenu столицы должны, на наш взгляд, учитывать

следующее базовое предположение: столичность есть феноменологическое выражение исходной пространственной трансценденции власти, однако при этом сам феномен столицы может формировать, создавать, irradiровать ноуменальность столичного пространства. Воображение столицы опирается на очевидную онтологическую синергию конкретного места (местности) и специфики пространственно-властного дискурса. Пространство столицы может рассматриваться как метагеографическое: оно собирает, трансформирует, фокусирует масштабные образы, символы и мифы, развёртывающие концентрированный историко-географический дискурс страны, государства, территории, иногда и вне зависимости от господствующих властных представлений.

Пространственно-онтологическая двойственность, пограничность столицы проявляется в её назывании. Уже сам процесс называния, именования или же переименования столицы означает и оконтуривает дискурсивно-перспективное поле власти. Непосредственное онтологическое расхождение «места здесь-и-сейчас» (наличная феноменология) и пространства как желаемого метафизического «удвоения» власти (столица не только «за-столбляет» пространство, но и как бы удваивает его в акте сакрализации, что является парадоксальным образом «видимым» ноуменом). Имя столицы, даже если она была «выбрана» властью из уже существующих городов, оказывается как бы готовой дискурсивной моделью, в рамках которой происходят дальнейшие образно-мифологические трансформации, превращения, расширения и интерпретации. Следует подчеркнуть, что мы имеем в виду не только и не столько разнообразные лингвистическо-этимологические интерпретации, сколько процедуры семиотического расширения через соответствующую метафорику, метонимизацию столичного имени, ведущих затем и вместе с тем к формированию автономных мифологических нарративов.

Перенос столицы как геополитический проект и акт по своему онтологическому наполнению является попыткой власти переосмыслить свою пространственную трансценденцию. Как правило, подобные проекты и акты чаще всего связаны с известными политическими, идеологическими, экономическими кризисами. Но если попытаться «заглянуть» немного глубже, то мы можем увидеть здесь исторически редкие властные действия, «претен-

дующие» в метафизическом плане на слияние феноменологических и ноуменологических коннотаций в столичных репрезентациях. Иначе говоря, в данном случае происходит онтологическое отождествление конкретного выбранного места и «приписываемого» ему пространственного дискурса с соответствующими перспективными образно-мифологическими расширениями. Искомый ноумен столицы становится идеологическим «ва-банком» власти и приравнивается, по сути, к феномену повсеместности властного пространства, пространства-как-власти. Постоянный перенос, передвигание столиц при сборе дани и воспроизводстве ритуалов господства над государственной территорией (циклическое передвижение двора и дружины монарха), хорошо известное для ранних этапов человеческой истории и связываемое главным образом с недостаточным развитием коммуникаций, на наш взгляд, может служить всё же и прообразом общего онтологического анализа процесса переноса столицы. Пространство в этом случае выступает как тотально столичное; властное господство лучше всего может быть репрезентировано феноменом текучей, подвижной столичности, ассоциированной с образом монарха-владельца (столица там, где властитель, осуществляющий непосредственный контроль над собственным пространством в ходе циклических передвижений). Итак, перенос столицы есть в онтологическом смысле выход за пределы существующего пограничного разделения феномена и ноумена — ноуменальность властного решения о переносе столицы (мы никогда не сможем узнать всех обстоятельств и факторов, способствовавших этому решению) выражается в буквальной феноменальности властного пространства (грубо говоря, центр будет там, где его «назначат»). В акте переноса столицы пространство власти отождествляется с властью пространства, понятой чисто метафизически; следствием такого подхода онтологическое «расслоение» пространства на пространство-как-место и пространство-без-места (пространство-вне-места, пространство-не-место).

Н.Ю. ЗАМЯТИНА

ПОЛОЖЕНИЕ СТОЛИЦЫ КАК ИНДИКАТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Перенос столицы России в последние 15 лет обсуждался не раз. Разговоры о переносе столицы отчетливо вскрывают фундаментальные основы формирования структуры российского пространства: *«неслучайность» административно-территориального деления страны*, его укорененность в сложившейся институциональной модели, в культуре, и в целом — взаимосвязь экономической дифференциации территории с ценностными установками людей.

Применительно к теме переноса столицы *закрепленные в культуре ценности* определяют, *какой должна быть столица, приемлемая, признаваемая легитимной именно в данном сообществе* (то есть в России). Так, в частности, важно знать ответы на следующие вопросы. Понимается ли столица «просто» как политический центр страны или она, как подспудно считается, должна нести также некую сакральную функцию («душа России», место национальных святынь и т.д.)? Должна ли столица быть крупным экономическим центром или для России приемлем вариант типичной для федеративных стран «моно-столицы» вроде Вашингтона, Оттавы, Канберры (и в прошлом — Бонна)? Должна ли столица располагаться в пределах основной зоны расселения страны или допустимо ее размещение в геополитически важной периферийной зоне? В общем случае, ответы на данные вопросы коренятся в *нормативной модели столичности*.

Когнитивные категории — детали мысленного «конструктора», которыми оперируют в процессе мышления. Общеизвестно, что набор и качество таких категорий культурно обусловлен: пример о том, что эскимосы — в отличие от более южных народов — выделяют десятки видов снега, уже стал азбучным. Уровень *когнитивных категорий рассматривается нами здесь ис-*

ключительно в пространственном аспекте: речь идет о том, из каких вообще элементов мыслится состоящим российское пространство. Какими пространственными элементами оперируют российские политики? «Видят» ли они, допустим, как самостоятельные регионы страны Север, Дальний Восток, Урал, или рассматривают их в рамках единого концепта «периферии»? Равновесна ли Центральной России Сибирь — или Европейской России равновелика Западная Сибирь (как это представлено в школьных учебниках), наряду с Восточной Сибирью, Уралом и Дальним Востоком? Или вообще Россию делят лишь на Центральную Россию и Зауралье? Наконец, сакраментальный вопрос: Россия — страна «западная» или «особая евразийская» (или актуальны другие варианты цивилизационного самоопределения)? В общем случае, речь идет о *когнитивной модели пространства страны*.

Таким образом, *нормативная модель столичности определяет тип столицы (большая/маленькая, новый город / старинный город и т.д.); преобладающая в обществе когнитивная модель российского пространства — тип ее местоположения (в Европейской части/в Сибири и др.).*

«Нормы» столичности. Различия в понимании «нормы» столицы России строятся, в основном, на различии в отношении к «сцеплению» политики и экономики, а также культуры. В первую очередь, речь идет о самой возможности разнесения политического и экономического центра страны, инспирированного представлением о пагубно гипертрофированной роли Москвы в политической и экономической жизни России.

Модель 1 соответствует нормативным представлениям, допускающим разнесение политического и экономического центров страны. Она основана на попытке скопировать опыт многих федеративных стран (в первую очередь, США), в которых политическая столица располагается в сравнительно небольшом городе, концентрирующем столичные функции (Вашингтон, Оттава, Канберра, Берн, Бразилиа, Претория; в прошлом — Бонн).

Практическим следствием такой модели являются проекты переноса столицы в малый (новый) город (Москва при этом остается крупнейшим экономическим центром). Приведем пример типичной логики рассуждений в рамках данной модели: «В бу-

дущем правильно было бы перенести столицу из Москвы, которая задыхается от людей, пробок, коррупции, сращивания денег и власти. Лучше — в небольшой город — ближе к географическому центру России. Польза такого решения очевидна. Надо разделить финансовый и политический центры страны, как, например, в США — Нью-Йорк и Вашингтон, или как у немцев — Франкфурт-на-Майне и Берлин. Это снизит уровень коррупции. Кроме того, это подтвердит, что Россия — это не московское царство, а современная федерация. Перенос столицы в провинцию также поднимет статус и роль регионов» (Перенос столицы 2006).

Модель 2 признает невозможность разнесения в институциональных условиях России политической и экономической жизни — при этом предлагается использовать традиционную для страны «сцепку» политики и экономики для экономического подъема того или иного региона страны путем перемещения туда политического центра. Данная модель самая распространенная среди сторонников переноса столицы, а варианты размещения новой столицы здесь наиболее многочисленны.

Заметим, однако, что иногда модели 1 и 2 смешиваются друг с другом: само разведение экономического и политического центров осознается как временное: «Одной из наиболее насущных задач страны в этих условиях является отделение бизнеса от политики и политики от бизнеса. Пространственное оформление этого разделения может быть первым шагом к реальным преобразованиям в российской экономике. <...>. Конечно, перенос столицы не сможет снять эту проблему — для этого необходим целый комплекс мероприятий, — но, безусловно, будет весьма способствовать борьбе с коррупцией, которая закрепляется пространственной близостью чиновничества к бизнесу и вживлением механизмов nepотизма в ткань государства. Пространственная близость бизнесов и чиновничества всегда была и остается самой благоприятной средой для развития коррупции, постоянно подпитывает ее и создает условия для ее непрерывного воспроизводства. Было бы наивно ожидать, что простая рокировка столиц уничтожит эту проблему, но перегруппировка сил, пускание корней, рекогносцировка коррумпированных элит займет время, и это даст какой-то шанс позитивным переменам» (Россман 2010).

Модель 3 основана на представлении о глубоком взаимовлиянии политики государства и места расположения столицы; акцент при этом делается на то, как специфика конкретного места, его *атмосфера* влияет на формирование политики размещенной в нем власти. В общем случае, это модель, противоположная модели 2, поскольку подразумевает не только и не столько влияние столичного статуса на местное развитие (интенсификация экономической жизни), сколько, напротив, влияние места на формируемую в нем государственную политику.

Когнитивные матрицы российского пространства. Выбор конкретного места размещения столицы в рамках той или иной модели (кроме нулевой) зависит от когнитивной матрицы российского пространства, в рамках которой действует проектант.

Таких матриц можно выделить пять. Первые три матрицы описал известный политолог В.Л. Цымбурский: традиционные для России «западническая», «евразийская», а также новая концепция «России-Острова». В первом варианте Россия представляется как западно-ориентированная страна, в которой зауральским пространствам отводится незначительная роль: они воспринимаются как пустые с точки зрения плотности населения, бесперспективные в силу тяжелых природных условий; освоение их было бы ненужным распылением сил. Приведем несколько характерных высказываний: «На мой взгляд, пожелание Сергея Шойгу видеть столицу России в Сибири, а не в Москве, можно воспринимать как запоздалую первоапрельскую шутку. Переносы столиц случались, но в данном предложении нет смысла. Отток людей из Сибири уже состоялся, и его вряд ли можно повернуть вспять» (Глазычев 2012).

Во втором варианте важна ориентация на потенциально объединяющую, узловую роль России для Евразии в целом (характерен, например, заголовок: «В случае переноса столицы России Казахстан придется присоединить» (Эксперт 2009).

Вариант «России-острова» описан самим В.Л. Цымбурским: «Россию конца века можно изобразить в виде огромного триптиха. Его относительно узкие фланги — доуральская Россия и Дальний Восток — отграничены от широкой центральной части, которую образуют Урал и Сибирь, с одной стороны Волгой, а с другой — Леной. На этих реках сосредоточены крупные иноэт-

нические анклавы России — тюркские и финские на Волге, тюркский (якутский) на Лене» (Цымбурский 2007: 292).

Четвертая матрица, по сути, зеркальна первой, западнической: в ее основе лежит представление о «новом гегемоне» мирового порядка в виде Китая или Азиатско-Тихоокеанского региона, из чего выводится представление о необходимости переориентации российской политики (и фокуса региональной политики) в восточном (дальневосточном) направлении (Авченко 2012; Закария 2012).

Кроме того, периодически актуализируется пятая когнитивная матрица России как наследницы Византии (или «Третьего Рима»), подразумевающая концентрацию внимания на Европейской части России, но с акцентом не на Западную Европу, а на исторические центры Руси (Киев, Владимир).

Наконец, самая, пожалуй, распространенная, шестая когнитивная матрица России вовсе не подразумевает единой геополитической картины страны; Россия при этом представляется как бы набором независимых регионов, плохо увязанных между собой. В таком варианте, как правило, предлагается перенос столицы в свой регион или город с целью оживления местной экономической жизни (вариант широко предлагается как региональными политиками, так и простыми жителями), количество вариантов здесь, по сути, бессчетно.

Варианты переноса. Сочетание нормативной модели столичности и когнитивной матрицы пространства России дает основные типовые варианты переноса столиц, представленные в таблице (см. Табл. 1).

Когнитивная матрица пространства России	Нормативная модель столичности		
	Разведение политического и экономического центров по образцу западных федераций	Перенос столицы туда, где желательна интенсификация экономической жизни	Учет влияния специфики и атмосферы конкретного места на характер формируемой в столице политики
«Западническая»	Лебедянь, Касимов	Децентрализация с разнесением столичных функций по раз-	-

«Евразийская»	Тобольск, новый город в Сибири	ным городам европейской части	Перенос столицы «в Сибирь»; Новосибирск, Екатеринбург; децентрализация с разнесением столичных функций по разным городам страны	Аркаим
«Остров Россия»	-	-	-	Омск или Новосибирск; Красноярск
«Византийская»	-	Владимир	Сохранение столицы в Москве	-
«Новый гегемон»	Владивосток или иные города Дальнего Востока	-	-	-
Независимые регионы	-	Многочисленные предложения «с мест» о переносе столиц в различные города страны	-	-

Табл. 1.
Варианты переноса столицы
в зависимости от культурной модели.

Обратим внимание на некоторые характерные модели рассуждений.

Западническая модель в сочетании с установкой на разведение политического и экономического центров логично приводит к поиску места для новой столицы среди небольших городов Европейской части страны: на роль столиц предлагаются «Лебедянь или Касимов» (Россман 2010).

Народные тезисы о переносе столицы во Владимир или Тобольск встречаются, в основном, в блогах и нередко аргументируются смесью из всех возможных аргументов. (Характерные примеры: Ермишкин 2012; bezumny_max 2008).

Экзотический, предложенный современными евразийцами Аркаим позиционируется не просто как центр Евразии, но и как «центр мира» (Эксперт 2009).

Особняком стоит широко известный замысел В.Л. Цымбурского, видящего в Сибири цивилизационную основу России: «Столицу предлагается перенести на новую территорию для того, чтобы новая территория качественно повлияла на государственную политику» (Цымбурский 2007: 291–292).

Вторят ему и местные политики: «Нужно сохранить территориальную целостность нашей страны. Духовность граждан лежит в основе русской души, которая на данный момент находится в Сибири» («Мы засиделись» 2011).

Практически во всех вариантах учет горизонтальных связей и местных особенностей абсолютно не свойственен российскому политическому и геополитическому мышлению. Слепота к региональной ситуации, неразвитость местных горизонтальных связей, недоучет и недоиспользование их потенциала, да и неумение видеть такие связи — оборотная сторона концентрации всего и вся в Москве, неотъемлемая часть проблематики российской столичности. Сам перенос столицы упирается в невозможность подобрать подходящее место: мысленно вынесенная из Москвы столица будто бы зависает в пустоте «где-то над Сибирью».

Проблема российской когнитивной карты не только в том, что она слишком многовариантна (и не ясно, какой вариант верный), — но и в том, что *все варианты* ее мелкомасштабны: такую нельзя брать в дорогу. Прорисовка крупномасштабных изображений, местных политических, социальных и культурных «водотоков», местных «метрополий и периферий» — это вызов для российской аналитики посильнее, чем примерка «вслепую» столичного венца на десятки российских городов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авченко В. Над столицей тучи ходят хмуро. Столичные амбиции есть не только у сибирских городов, но и у Владивостока // Expert Online. 6 апреля 2012 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://expert.ru/2012/04/6/nad-stolitsej-tuchi-hodyat-hmuro/#comments>, дата обращения — 22.07.2013].

- Глазычев В.* Колебание воздушных струн. В предложении Шойгу перенести столицу в Сибирь нет смысла // Expert Online. 6 апреля 2012 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://expert.ru/2012/04/6/kolebanie-vozdushnyih-strun/?n=172>, дата обращения — 22.07.2013].
- Ермишкин М.* Интернет-комментарий к статье: Попов Александр. В глушь, в Новосибирск! Какой город Сибири подходит в качестве столицы больше всего // Expert Online. 6 апреля 2012 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://expert.ru/2012/04/6/v-glush-v-novosibirski/#comments>, дата обращения — 22.07.2013].
- Закария Ф.* Перенос столицы — толчок экономическим реформам в России? // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». 30 мая 2012 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/economic/20120530/192817155.html>, дата обращения — 22.07.2013].
- «Мы засиделись в Москве». Депутат Госдумы Виктор Зубарев объяснил, почему он предлагает перенести столицу в Красноярск // Взгляд: Деловая газета. 11 февраля 2011 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://vz.ru/society/2011/2/11/468065.html>, дата обращения — 22.07.2013].
- Перенос столицы из Москвы даст толчок развитию страны: эксперты // Новости ИА Regnum. 6 июля 2006 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/669556.html>, дата обращения — 22.07.2013].
- Росман В.* Перенос столицы России: схема анализа // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2010. № 2–3. С. 37–46. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.ivrome.ru/2010/04/perenos-stolicy-rossii-sxema-analiza/>, дата обращения — 22.07.2013].
- Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
- Эксперт: В случае переноса столицы России Казахстан придется присоединить. ИА Росбалт. 26 февраля 2009 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/piter/2009/02/26/621633.html>, дата обращения — 22.07.2013].
- bezumny_max. Интернет-комментарий в журнале new_capital_ru. 30 мая 2008 г. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://new-capital.ru.livejournal.com/11803.html>, дата обращения — 22.07.2013].

А.А. ИСЭРОВ

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ И АНГЛО-САКСОНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Британская империя во время своего расцвета не представляла собой четко оформленную единообразную систему власти, при которой любые вопросы должны были решаться в Лондоне. Исследователи говорят даже об империи как основанной на единых правовых принципах сети торговых связей, которые помогли подключить огромные территории к работе на созданный промышленной революцией мировой рынок. Так работал локомотив быстрого капиталистического развития. Местная власть играла серьезную роль в управлении как Англией, так и Британской империей (в первую очередь — Великобританией и доминионами) в целом. Меньшая степень централизации в управлении и большая свобода личной инициативы вела к иной роли столиц — не столь значительной, как, скажем, в государствах континентальной Европы, в том числе в России¹. Даже исторически сложившаяся столица Англии (а следовательно, и всей Британской империи), Лондон — центр не только политико-административный, но и хозяйственный и культурный, так до конца и не был перестроен как имперская столица, и потому, кстати, не стал городом — архитектурным памятником, подобно Санкт-Петербургу, Праге, Вене или Парижу².

Обращение к теме конференции — переносу столиц — дает яркую возможность осветить отношение к феномену столицы в англо-саксонской политической культуре³. Близость к власти

¹ Осознание этого обстоятельства недавно стало фактом российской общественной полемики (Гайдар, Снеговая 2013).

² Сегодня, впрочем, Лондон играет в Великобритании роль даже большую, чем Москва в России.

³ Термин «англо-саксонский» используется в статье для обозначения мира, вышедшего из переселенческих колоний Британской империи. Этот

необязательно тянула за собой экономические выгоды и преимущества, так что столицы могли остаться «моногородами» — центрами политической власти, но экономическими и культурными карликами; и именно эта ограниченность столичного статуса сделала перенос столицы чрезвычайно распространенным политическим ходом в «британском мире» Нового времени — эпохи становления государственности и административно-территориального деления британских колоний. Будучи столь характерным для англо-саксонской политической культуры, перенос столиц освещает не только ее уже упомянутые особенности, но и такие черты, как умение находить компромисс, как недоверие к «большому государству» и масштабным государственным проектам.

Важно подчеркнуть, что после мировых войн XX столетия экономически развитые страны повсеместно переходят к масштабному государственному регулированию экономики и социальных отношений, не отказываясь от него и после 1980-х годов, когда неолиберальный переход к частичному демонтажу «государства всеобщего благоденствия» сопровождался декларациями верности идеалам *laissez-faire*. Сфера ответственности государственной власти повсеместно значительно расширилась и углубилась, так что в последние сто лет о переносе столиц в сформировавшихся (а значит, и не нуждающихся в таком сильном лекарстве) государствах «британского мира» не слышно — такие замыслы были бы восприняты как ничем не обоснованный произвол.

В своем сообщении я остановлюсь на переносе столиц в переселенческих британских колониях, ставших независимыми государствами, — Соединенных Штатах Америки (включая столицы штатов), Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южноафриканской республике. Поскольку феномен переноса столицы часто связан с феноменом распределения столичных функций между двумя или несколькими городами, следует отметить, что в англо-саксонском конституционном праве столица — это место пребывания верховного законодательного органа.

Когда в 1774 г. противоречия между 13 британскими колониями в Северной Америке обострились до предела, представи-

термин условный, но позволяет избежать слишком узкого «англо-американский».

тели колоний собрались на Континентальный конгресс, уже в 1776 г. провозгласивший независимость нового государства — Соединенных Штатов Америки. Местом заседаний стала тогдашняя столица Пенсильвании Филадельфия. Этот столичный статус Филадельфия сохраняла с единственным перерывом (27 сентября 1777 г. заседание Континентального конгресса состоялось в Ланкастере, Пенсильвания) вплоть до принятия первого основного закона страны — Статей Конфедерации (ратифицирована 1 марта 1781 г.) и окончания в 1783 г. Войны за независимость. Затем Конгресс Конфедерации менял место пребывания, заседа в Принстоне, Нью-Джерси (30 июня – 4 ноября 1783 г.), Аннаполисе, Мэриленд (26 ноября 1783 – 19 августа 1784 г.), Трентоне, Нью-Джерси (1 ноября – 24 декабря 1784 г.), а затем переехав 11 января 1785 г. на несколько лет в Нью-Йорк.

Вскоре выяснилось, что слабость центральной власти, в соответствии со Статьями Конфедерации, угрожает самому существованию молодого государства. В 1787 г. был созван конвент, разработавший новую федеративную Конституцию 1787 г. (ратифицирована 21 июня 1788 г., действует с 4 марта 1789 г. до настоящего времени), которая дополнила сильную власть штатов сильной властью центра⁴. В Конституции предписывалось создание федерального округа (то есть столицы, не принадлежащей ни одному из штатов, а следовательно, не зависящей от них) размером не более 10 квадратных миль (статья 1, раздел 8). Основной создатель Конституции Джеймс Мэдисон (1751–1836) отстаивал идею такой столицы в памфлете № 43 (опубликован 23 января 1788 г.) из сборника «Федералист» в защиту нового государственного устройства. Впрочем, идея создать «федеральный город» рассматривалась Континентальным конгрессом еще в 1783 году.

Достигнутый летом 1790 г. выбор места новой столицы стал частью сложного компромисса между интересами штатов преимущественно аграрных, таких как Виргиния, и в серьезной степени торгово-финансовых, таких как Нью-Йорк; ключевыми авторами компромисса были виргинцы Томас Джефферсон (1743–1826) и Джеймс Мэдисон, и нью-йоркец Александр Гамильтон

⁴ Следует подчеркнуть, что со времени принятия Конституции роль центральной власти выросла, что стало особенно заметно с 1930-х годов.

(1759–1805). В итоге, было решено создать столицу в преимущественно сельской местности на юге вдали от портов (чтобы не создавать порочной близости политиков и богачей); взамен федеральное правительство принимало выгодные финансистам меры, обязуясь выплатить по номиналу долги штатов, восходившие, в основном, ко времени Войны за независимость. Уже в июле 1790 г. был принят Акт об установлении временного и постоянного места пребывания правительства Соединенных Штатов (1 Stat. 130), который предусматривал примерное расположение будущей столицы — у слияния рек Потомак и Анакостия, между двумя рабовладельческими аграрными штатами, Мэрилендом и Виргинией, где совсем неподалеку, в Маунт-Верноне, находилась усадьба главнокомандующего Армией США в годы Войны за независимость и первого президента страны (1789–1797) по новой Конституции Джорджа Вашингтона (1732–1799). Роль временной столицы вплоть до 12 августа 1790 г. исполнял Нью-Йорк, а затем до 1800 г. — Филадельфия.

В августе 1791 г. французский архитектор-любитель, участник Войны за независимость США Пьер-Шарль Л'Анфан (1754–1825) представил масштабный неоклассический план нового города — Вашингтона, округ Колумбия. Впрочем, уже через несколько месяцев после начала работ неуживчивый архитектор был отстранен от дел. 13 октября 1792 г. (300-летие открытия Америки Колумбом) и 18 сентября 1793 гг. были заложены первые камни Белого дома и Капитолия, а в конце 1800 г. еще не достроенные здания заняли президент и законодатели (согласно акту 1790 г., органы власти должны были переехать из Филадельфии к первому понедельнику декабря 1800 г.). В том году в федеральном округе проживали уже 3087 жителей, в том числе 623 раба. Нельзя, впрочем, сказать, что Вашингтон строился совсем на пустом месте: на территории федерального округа уже находился основанный в 1751 г. городок Джорджтаун, который, правда, был включен в его состав только в 1871 году.

Вплоть до Гражданской войны 1861–1865 гг. Вашингтон оставался глубоким захолустьем, оживавшим лишь в период сессий Конгресса. Первоначальный замысел регулярной классической столицы Л'Анфана был окончательно воплощен в жизнь только к 1940-м гг. под влиянием так называемого «Движения за красоту

города» (*City Beautiful Movement*) рубежа XIX–XX вв. Вашингтон представляет собой квадрат со стороной примерно 10 миль с двумя наложенными друг на друга сетками улиц: одной перпендикулярной (пронумерованные по оси «восток — запад» и названные по буквам алфавита по оси «север — юг» улицы — *streets*) и другой радиальной — проспектами-лучами (*avenues*), которые отходят от Капитолия, Белого дома и небольших площадей (*circles*) и носят, за небольшим исключением, имена штатов. Главной парадной магистралью города служит *Pennsylvania Avenue*, соединяющая Белый дом и Капитолий. Бульвар *National Mall* тянется с востока на запад от Капитолия до реки Потомак. Оси, проходящие через Капитолий, делят город на четыре части: северо-запад (*N.W.*), юго-запад (*S.W.*), северо-восток (*N.E.*) и юго-восток (*S.E.*).

До 1961 г. (XXIII поправка к Конституции США) граждане федерального округа не имели права участвовать в выборах президента. Впрочем, и в наши дни вашингтонцы, платя федеральные налоги, избирают лишь одного депутата-наблюдателя в Конгресс без права голоса.

Столицы менялись в 26 из 50 североамериканских штатов, причем в 12 штатах более одного раза (рекорд ставит штат Джорджия, у которого сейчас 13-я столица по счету, а столичным статусом обладали всего 11 городов), однако после 1910 г. таких переносов не было⁵. Переносы столиц обычно были характерны для раннего этапа оформления политико-административной структуры штата: в 17 случаях из 26 все переносы происходили в первые 25 лет существования штата и лишь в трех случаях (два из них, в Джорджии и Луизиане, — на Юге, где после Гражданской войны 1861–1865 гг. вплоть до 1877 г. шла так называемая реконструкция — возвращение «мятежных» штатов в Союз) переносы продолжались и после 50 лет его существования. Ровно так же, как Вашингтон — сравнительно небольшой «моногород», так и столицы 33 из 50 штатов — не самые населенные их города.

После завоевания Соединенными Штатами Америки независимости в 1783 г. к северу от этого нового государства сохранились четыре британские колонии: Нижняя Канада (Квебек, пере-

⁵ Учитывались лишь перемены столиц *штатов*, а не *британских колоний* и *территорий США*, которые стали штатами впоследствии.

шедший к британцам от французов в 1763 г. по итогам Семилетней войны), Верхняя Канада (Онтарио), Нью-Брансуик и Нова-Скотия. Хотя эти колонии остались верны метрополии и в годы Войны за независимость, и во время англо-американской войны 1812–1815 гг., восстания 1837 и 1838 гг., пусть слабые, ознакомили с необходимостью реформ. В 1841 г. Верхняя и Нижняя Канады составили единую Провинцию Канада, столицей которой стал англоязычный Кингстон (Онтарио). Парламент провинции менял местоположение столицы: в 1844 г. столицу перенесли в Монреаль (Квебек), а после того, как 25 апреля 1849 г. толпы англичан, протестовавшие против решения возместить убытки участникам (в основном, франкоязычным) восстания 1837 г., сожгли здание парламента, — в Торонто. В 1852–1856 и 1858–1866 годах столичные функции исполнял Квебек-сити, в 1856–1858 г. — вновь Торонто, хотя уже в 1857 г. королева Виктория избрала новой столицей **Канады** поселение Оттаву (сейчас — четвертый по величине город Канады). Оттава обладала выгодным расположением: поселение находилось, во-первых, в отдалении от границы с США, и во-вторых, в примерной середине между регионами страны. Тем не менее, перенос столичных функций затянулся до 1867 г., когда к Провинции Канада были присоединены Нью-Брансуик и Нова-Скотия, составив Доминион Канада. В 1871 г. к доминиону присоединилась находящаяся на Тихоокеанском побережье Британская Колумбия, а в 1949 г. — остров Ньюфаундленд и материковый Лабрадор. Тем не менее, здесь вопросов о переносе столицы уже не возникало — Оттава осталась столицей Канады, чья окончательная независимость была утверждена позднее, чем в других доминионах, только в 1982 г. Канадским актом.

Быстрый экономический и демографический рост шести британских колоний Куинсленд, Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия и Западная Австралия в конце XIX в. привел к решению об объединении на федеративной основе в единое государство Британского содружества — **Австралию** (Конституция 1900 г., действует с 1 января 1901 г.). За столичный статус боролись крупнейшие города Сидней и Мельбурн, так что парламент Австралии решил построить, как в Соединенных Штатах, новую федеральную столицу, которая бы не принадлежала той или иной провинции: статья 125 главы IV Конституции Авст-

ралии предписывает место для строительства новой столицы в Новом Южном Уэльсе не менее, чем в 100 милях от Сиднея. Мельбурн должен был оставаться временной столицей до окончательного переноса всех ведомств в новый город. Министерство внутренних дел провело международный градостроительный конкурс, на котором в 1911 г. победили супруги Уолтер Берли (1876–1837) и Марион Махони Гриффины (1871–1961) из Чикаго. 12 марта 1913 г. город получил свое название — Канберра, и началось строительство. Как и у Л'Анфана в Вашингтоне, у супругов Гриффинов не сложились отношения с местными властями. Временное (!) здание парламента открылось лишь 9 мая 1927 г., а министерства стали переезжать из Мельбурна лишь после Второй мировой войны. Основа плана Гриффина — искусственное озеро, обрамляющее «парламентский треугольник», была создана только к 1964 г., а постоянное здание парламента открылось только в 1988 г. В том же году был принят акт о самоуправлении включающей Канберру небольшой Австралийской столичной территории (*Australian Capital Territory*), практически уравнивший ее с провинциями страны.

Новая Зеландия также прошла через смену столиц. Первый губернатор колонии Новая Зеландия, выделенной из австралийского Нового Южного Уэльса в 1841 г., Уильям Хобсон (1792–1842) выбрал удобную гавань на севере Северного острова для столицы, получившей имя Окленд. На рубеже 1850-х – 1860 годов на Южном острове Новой Зеландии начались золотые разработки, население стало быстро расти — и возникло опасение, что Окленд расположен слишком далеко от развивающихся земель. Чтобы сохранить единство британских поселений на Северном и Южном островах, в ноябре 1863 г. премьер-министр колонии Альфред Дометт (1811–1887) выступил за перенос столицы в Веллингтон — поселение у разделяющего острова пролива Кука. Веллингтон уже был известен — 7 июля 1862 г. в нем состоялось выездное заседание парламента Новой Зеландии. Приглашенные из Австралии комиссионеры также признали Веллингтон лучшим выбором: поселение находилось в центре Новой Зеландии и обладало, как и Окленд, хорошей гаванью. С 1865 г. Веллингтон остается столицей Новой Зеландии, хотя население Окленда по-прежнему намного больше столичного.

Ситуация, похожая на канадскую середины XIX в., повторилась в начале XX в. в Южной Африке. После присоединения бурских республик Трансвааль и Оранжевая к Британской империи после англо-бурской войны 1899–1902 гг. победители не решились сохранить столичные полномочия за основанным голландцами в 1652 г. Кейптауном — столицей Кейп-Колони, окончательно перешедшей британцам в 1814 г. Впрочем, если в Канаде британские власти пошли на создание новой столицы, то в Южной Африке столичные функции были разделены: парламент созданного в 1910 г. из двух уже британских (Кейп-Колони и первоначально бурского Наталя, завоеванного в 1843 г.) и двух еще недавно бурских колоний доминиона Южноафриканский Союз был размещен в Кейптауне, кабинет министров — в столице Трансвааля Претории, а верховный судебный орган — в столице Оранжевой Блумфонтейне. Столица Наталя Питермаритцбург получил финансовую компенсацию. Отчаянно сражавшиеся за независимость буры стали верными союзниками своих победителей англичан в создании системы апартеида. В наше время разделение столичных функций сохраняется: парламент заседает в Кейптауне, президент и кабинет — в Претории (там же находится основная часть иностранных посольств), Верховный апелляционный суд и Комиссия по судебной системе — в Блумфонтейне, а Конституционный суд и Комиссия по правам человека — в Йоханнесбурге, символически занимая место старинной тюрьмы, где среди многих отбывали наказание Махатма Ганди и Нельсон Мандела. В конституции Южноафриканской республики (1996) содержится лишь указание на то, что местом пребывания парламента служит Кейптаун и что парламент имеет право своим актом изменить место заседаний, то есть перенести одну из столиц (глава 4, статья 42.6).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гайдар М.Е., Снеговая М.В.* Познается в сравнении: Свобода — равенство — Нью-Йорк // Ведомости. 15.05.2013.
- Исэров А.А.* США. Северо-Восток. Путеводитель. М., 2008.
- Arnebeck B.* Through a Fiery Trial: Building Washington 1790–1800, Lanham (Md.), 1991.

- Eastwood D.* Government and Community in the English Provinces, 1700–1870. Houndmills, 1997.
- Elkins S., McKittrick E.* The Age of Federalism: The Early American Republic, 1788–1800. N.Y., 1993.
- Ellis J.J.* Founding Brothers: The Revolutionary Generation. N.Y., 2000.
- Fortenbaugh R.* The Nine Capitals of the United States. York (Pa.), 1948.
- The Oxford History of the British Empire / Editor-in-Chief Wm. Roger Louis. Oxford, 1998–1999. 5 vols.

В.Л. КАГАНСКИЙ

ФАНТОМ ПЕРЕНОСА СТОЛИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ
VERSUS ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ?

Памяти В.Л. Цымбурского

Сколь актуальна тема переноса столицы сейчас в России? Весьма актуальна — но не тема переноса, а сама тема столицы: монопольного положения и гиперцентрализации страны. Очень болезнен разрыв столицы и страны — она состоит из двух резко различных частей. Такой контраст, сильная и острая поляризация ландшафта, противостояние и противопоставления столицы и страны социально и политически опасно...

*Сама идея переноса столицы — симптом **полной пространственной неменяемости**, непонимания устройства ландшафта России. Эта идея в последние два десятилетия мелькает на периферии дискурса, иногда выплескиваясь и в центр дискуссий, проникая в политические программы.*

Тема переноса столицы исходит из двух источников.

Из верного ощущения тяжести проблем Москвы. Состояние Москвы таково, что даже самые простые ее проблемы уже неразрешимы, например — транспортная; а это ведь самая простая проблема. Архитектурно-планировочные, экологические, социальные, культурные проблемы тяжелее. Москва и не управляема и не самоуправяема!

Есть две струи в потоке дискурса «перенос столицы». Первая — В.Л. Цымбурского (яркий геополитик-фантазер). Это «сознание» людей, чья социальная, культурная, политическая, даже жизненная позиция — позиция Центра и страны в целом. Страна при этом сведена к государству, его явно или неявно полагают империей, она сведена к связке «Центр — подвластное простран-

во». Каскадное сужение представления, понятия и жизненного горизонта! Люди имперского сознания исходят из соображений концептуальных, фактических или фантастических. *Пример концептуального нормативного соображения: столица должна находиться в центре страны* (у большинства сопоставимых с Россией стран это не так). «Должна» — этот тезис не доказан, если вообще доказуем. *Москва находится не в центре страны, следовательно, нужно перенести столицу в центр*. На краю — верно; Москва в масштабах большой страны действительно — на границе.

Вторая струя — неотрефлексированное, болезненное и острое провинциально-периферийное сознание — стремится растождествить Москву и РФ, потому что РФ сейчас — придаток Москвы. *Ярко выраженное неприятие Москвы, острый комплекс негативных эмоций по поводу Москвы — **москвофобия***, присуща большей части населения России, это — удел не только социальных низов — оно ярко и у провинциальной интеллигенции и среднего класса. Москву очень не любят и желают лишить ее привилегированного статуса. *В определенном смысле вся РФ сейчас — очень большое **Подмосковье***. Но страна не желает им быть, зависит всецело от Москвы. Московская агломерация отождествляется с Центром империи, а москвичи — с привилегированным классом. Москва и москвичи мифологизированы, а частью уже и демонизированы. Налицо желание растождествить Москву и Россию и иметь некую децентрализованную Россию с новой маленькой столицей. Но никакой последовательности здесь нет — про изгнание Москвы из РФ никто не говорит. Хотя исторически недавний прецедент есть — Сингапур, бывший главный центр Малайзии, — был вынужден уйти. Его огромный успех известен. Москву же при гипотетическом «изгнании» из РФ ждет катастрофа... *Основа «проектирования» Москвы — именно и только ее привилегированное место в современной России*.

В коридорах власти идея переноса столицы муссируется, как и многие идеи, абсурдные и вредные, вроде резкого сокращения числа субъектов федерации путем их «объединения» или полной перекройки страны с ликвидацией «национальных» субъектов федерации. Пытаются осуществить частичный перенос функций столицы в Петербург, объявить Петербург культурной столицей России, присвоить ему статус морской столицы, раз Москва сухопут-

ная столица России. Однако Балтийский флот лишился военного значения, если и имел его когда-то.

Были новые страны, действительно имевшие проблемы обретения столицы. Казахстан — не государство, а административная единица СССР — должен был решить проблему заново. В современной России все иначе. Автоматически делать вывод о необходимости переноса столицы нельзя!

Во-первых, *российское пространство очень символически нагружено. Центр замещает символически страну*. Исторические связи, вся символика вплоть до муссируемой сейчас мифологии о том, что Москва — Третий Рим или, может быть, уже Четвертый Рим.

Во-вторых, Москва — не в формально-географическом центре территории России, зато в функциональном центре и не так уж далеко в масштабах страны от центра освоенной территории. *За полтора столетия транспортного строительства Москва создала вокруг себя паутину путей сообщения и оказалась в ее центре*; добавилась и центростремительная сеть авиамаршрутов. Все дороги ведут в Москву, центр сообщений современной России. *Именно такая центростремительная сеть и делает пространство в основном бессвязным!* Транспортная сеть страны такова, что связаны радиальные направления «центр — периферия» и плохо связаны или не связаны прямо соединяющие места между собой хордовые направления. Периферия страны — а это большая ее часть — внутри себя почти бессвязна; что верно и для страны в целом и для иных ее территориальных уровней. Это характерно и для самой Москвы — плохо связаны периферийные районы.

В-третьих, *это чрезвычайно дорогая акция*. Вся страна должна будет работать десятилетия на создание новой столицы, перенос туда функций Москвы, перестройку связей, новое громадное строительство и прочее.

В-четвертых, это не разрешит проблемы Москвы. *Вместо одной проблемы будет две* — создания новой столицы, и проблема Москвы.

Существующая Россия и Москва взаимно пригнаны. Страна со столицей в ином месте окажется другой страной. *Предложение перенести столицу в другой город, удаленный от Москвы, — предложение расколоть страну*. Как только столица будет пере-

несена, появятся *две России. Новая столица России — новая Россия!*

Сверх-централизованное пространства чревато бременем проблем. Решения принимаются и финансовые потоки распределяются далеко от самих мест — налицо отрыв от территории. *Гиперцентрализация — это и смысловой отрыв центров принятия решения от подавляющей части территории.* Страна необозрима из единственного центра, что неэффективно, несправедливо, опасно. Централизация может быть локально эффективна в чрезвычайной ситуации типа ведения большой войны. Если ее нет, то сверх-централизация — только бремя. Она высасывает все соки и энергичных талантливых людей в Москву. В Москве они неэффективно реализуются, потому что их избыток, а в остальной стране — недостаток. Я немало путешествую и вижу, как остра эта проблема. Все энергичные люди уезжают в Москву или за границу, и места ощущают очень острый дефицит людей.

1990-е годы при немалой хаотичности в хозяйственной, политической и общественной жизни были эпохой неслыханной децентрализации; РФ становилась федерацией. Если бы экономический подъем 2000-х годов не сопровождался рецентрализацией, то мы бы сейчас жили в другой стране. И экономически явно богаче за счет более эффективного использования ресурсов; централизация мешает эффективно использовать ресурсы большого разнообразного ландшафта. Однако страна опять вернулась в свою централизованную модель.

Массы приняли рецентрализацию — *они хотят централизованную страну, однако не любят Москву.* Но это две стороны одной медали — нельзя отделить одно от другого. *Сильное централизованное функционально большое государство — значит, привилегированная столица. Москва живет на статусно-позиционную ренту.* «Статусная» — это понятно, «позиционная» — Москве создали центральное географическое положение. Но и почти вся экономика страны рентная, только за счет природных ресурсов.

Представим себе условный пример. США — переносим столицу в Нью-Йорк, переносим Голливуд, перебазировем Кремниевую долину, штаб-квартиры крупнейших корпораций, все лучшие университеты и т.д. Если все это сделать, то возникшее пространство по уровню централизации сильно уступит СССР и современ-

ной РФ. *Одна из причин успехов США — полицентричность ее ландшафта, значительная роль штатов и мест.*

Стоит подчеркнуть, что вредно делать. *Нельзя переносить столицу в Петербург — это его погубит.* Петербург — бесценный для молодого пространства страны культурный центр. Новые функции, приток денег, людей и транспортных средств разрушат его уникальный очень креативный ландшафт.

Строительство же столицы на пустом месте означает символический разрыв преемственности: «Строим НОВУЮ СТРАНУ!». Но власть стремится продемонстрировать, наоборот, преемственность всех имперских проектов России и представить современную РФ как замечательный синтез этих исторических проектов. Новая столица — наоборот, символ отказа от преемственности. Сколько знаю, такого проекта никогда ни у кого не было, ни о чем подобном не говорилось.

Россия сверх-централизована, но это не значит, что нужно создать второй такой суперцентр. Нужна радикальная и быстрая децентрализация страны. Восстановление бюджетного паритета между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации будет шагом туда, куда прямо в лоб идет идея переноса столицы. Это приведет к подъему городов следующего уровня и вообще оживлению (а то и спасению) многих мест; и — конечно — сокращению роли Москвы. *Децентрализация только укрепила бы страну.* Потому что кризис в Москве сейчас — кризис и катастрофа всей России. Кризисы последних десятилетий происходили в Москве, а обрушивались на всю Россию. *Сама сверх-централизация катастрофична для страны.* Но решение о глубокой децентрализации может принять только элита, способная принимать решения на столетия вперед. В нынешней же общественной, культурной и политической ситуации не видно возможностей для принятия осмысленных решений такого типа и уровня.

Можно решать проблемы, породившие прожект переноса столицы, иным, непрямым путем; при этом будут решены и многие другие проблемы!

Более подробно о российском пространстве автор писал ранее (Каганский 2010; Каганский 2011).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Каганский В.Л.* Россия как большая страна: проблематизация // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. М., 2010. С. 75–104.
- Каганский В.Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2001. № 4 (5): Культурная география. С. 26–41. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.cultural-research.ru/ru/archives/76-2011geography>, дата обращения — 22.07.2013].

С.Б. КОЖИРОВА

КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ ПЕРЕНОСА СТОЛИЦЫ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Столица занимает важное место в политической системе любой страны. Именно из столицы исходят ключевые для страны политические решения. В столице вершится судьба страны и её народа. Столица, как правило, является финансовым, научным и культурным центром страны. Столица является одним из символов государства.

Как свидетельствует история, ни в одной стране мира столица не может вечно оставаться на одном месте. Так, неоднократно менялось место расположения столицы в Китае и Японии, в России, в Финляндии и других странах. Вопрос о переносе столицы остро дебатировался в Южной Корее, Японии, Иране, Италии и многих других странах. Бурные изменения политической карты мира, активизация внутренних модернизационных процессов и многое другое заставляет политическую элиту страны время от времени менять место расположения столицы и тем самым давать ответ на вызовы истории.

В этом смысле Казахстан не представляет исключения. Перенос столицы Казахстана из Алматы органично вписывается в контекст национальной и всемирной истории, о чём не раз писали отечественные и зарубежные специалисты (Ертысбаев 2005). Сам Казахстан за неполные сто лет четырежды переносил столицу из города в город (Оренбург, Кзыл-Орда, Алма-Ата, Астана).

И всё же перенос столицы для любой страны — событие достаточно неординарное, поскольку сам перенос зависит не только от желания политической элиты и населения конкретной страны, но и от возможностей, которыми они располагают. Эти два фактора редко совпадают.

Уже поэтому перенос столицы является не слишком частым событием в жизни той или иной страны. При этом всякий раз возникают два варианта: перенести столицу из одного города в другой или создать новую столицу практически с чистого лица, в соответствии с предварительно разработанным планом.

Уникальным бывает и совокупность факторов, обуславливающих принятие решений о переносе столицы. Решающую роль, как правило, играют внутренние факторы. Государство может целенаправленно стимулировать социально-экономическое развитие какого-либо региона, создать новые рабочие места, придать внутренним миграционным потокам более регулируемый и предсказуемый характер, создать новые финансовые центры и свободные экономические зоны, привлечь иностранные инвестиции и тем самым способствовать ускорению экономического роста.

Однако многое упирается не только во внутренние, но и во внешние факторы. Государство может перенести столицу с целью избежать внешних угроз, обозначить новые цивилизационные и геополитические ориентиры, интенсифицировать внешнеэкономические связи, полнее использовать транспортно-коммуникационный потенциал государства и т.д.

Соотношение внутренних и внешних факторов в каждом конкретном случае также является неповторимым, что не мешает, впрочем, осуществить компаративный (сравнительный) подход к самому феномену переноса столицы. В случае с переносом столицы из Алматы имела место совокупность множества причин и факторов, тесно связанных друг с другом. Акмола (Астана) была выбрана как лучшая альтернатива Алматы на основе общенационального исследования, принявшего во внимание 32 фактора: социально-экономические индексы, климат, пейзаж, сейсмические условия, естественную окружающую среду, транспортную инфраструктуру, строительные средства обслуживания и рабочую силу. Решающими преимуществами в пользу Астаны стали: ее большая территория, центральное месторасположение, близость к главным экономическим центрам и артериям страны, демографический потенциал, развитая транспортная инфраструктура и естественная окружающая среда.

Глава нашего государства не отрицает, что перенос столицы имеет геополитическое значение и измерение. Он пишет: «Столица, в чём я нимало не сомневался, — это не только центр государства. Это не только средоточие центральной власти. Это не только хорошо развитая инфраструктура для успешной или неуспешной деятельности государственных деятелей и чиновников всех рангов. Это в первую очередь, геополитическое образование, которое определяет вектор развития государства и позволяет структурировать общество в соответствии с глобальными тенденциями» (Назарбаев 2005: 35).

Перенос столицы, по убеждению Н.А. Назарбаева, был направлен на укрепление Казахстана в геополитическом плане. Этим актом Казахстан подтверждал многовекторную направленность своей миролюбивой внешней политики и подчеркивал свою открытость к равноправному сотрудничеству с Севером и Югом, Востоком и Западом. Перенос столицы предоставлял уникальную возможность полнее развить преимущества срединного положения страны между Европой и Азией (Назарбаев 2005: 20).

Кроме того, немаловажную роль в принятии решения о переносе столицы играли соображения национальной безопасности. Молодое государство не могло игнорировать наличие в сопредельных странах политических сил, выступавших за раздел Казахстана на различные сферы влияния, также учитывалась и весьма сложная обстановка в регионе. Эксперты ещё в начале 90-х годов неоднократно предупреждали о возможном усилении напряжённости в Центральной Азии. События в Кыргызстане и Узбекистане лишний раз подтвердили справедливость и объективность этих прогнозов. Поэтому чрезвычайно важно было обеспечить безопасность деятельности высших органов государственного управления и эффективность их деятельности в условиях возможного осложнения региональной ситуации. Исходя из этого столица независимого государства должна была быть удалена от внешних границ и находиться, по возможности, в центре страны.

Перенос столицы Казахстана из Алматы в провинциальный прежде город, должен был стать сильнейшим стимулом для экономического возрождения страны. Именно столица определяет лицо экономики государства, определяет темпы и характер развития всего государства в целом. Предполагалось, что перенос

столицы позволит не только придать новое лицо тогдашней Акмоле, но и поднять депрессивные города и регионы. Начали оживать города, находящиеся на путях транспортных коммуникаций — Балхаш, Чу, Караганда и другие.

Развитие инфраструктуры столицы оказало «резонансное», мультипликативное воздействие на экономику всей страны, дав толчок развитию практически всех отраслей народного хозяйства (Казахстанская правда: 2005).

Столица вбирает в себя крупные международные общественные и экономические структуры, консультационные, биржевые, страховые и иные организации, целью которых является бизнес, его поддержка, и организационное обеспечение.

Предпринимательские волны, поднимающие все эти структуры, явным или косвенным образом стимулируют финансово-экономическую и общественную активность в региональных городах. Пример Астаны показывает, что бурное развитие, например, строительной промышленности в новой столице привело к бурному росту близлежащих и периферийных городов. Таким образом, перенос столицы стал действенным и эффективным способом оживления экономики во всех остальных регионах страны.

Изменилось и место Астаны в экономике Казахстана. С целью привлечения инвесторов и развития новых конкурентоспособных производств, в городе функционирует Специальная экономическая зона «Астана — новый город». Преимуществами СЭЗ является наличие особого правового режима, предусматривающего налоговые и таможенные льготы. На территории СЭЗ реализовываются проекты различных направлений. В частности, развитие города ориентировано на создание конкурентоспособной экономики с высокой долей инновационной продукции в общем объеме производства, развитыми секторами обрабатывающей промышленности (производство строительных материалов, пищевая промышленность и пр.), малым предпринимательством, обеспечивающим значительную долю валового регионального продукта города, и развитой сферой туризма.

За последние 13 лет валовой региональный продукт Астаны вырос более чем в 50 раз. Астана по удельному весу в республиканском ВВП (8,1%) занимает четвертое место. В 1997 г. столица по этому показателю занимала последнее место среди регионов.

ВВП Астаны по прогнозным оценкам составил 1 трлн. 900 млрд. тенге. С 1997 г. объем промышленного производства увеличился в восемь раз — с 15,2 млрд. тенге до 111,3 млрд. тенге по итогам 2010 г. Сейчас в столице активно работают более 26,9 тыс. субъектов малого предпринимательства, а численность занятых в реальном секторе экономики многократно возросла и достигла более 137 тыс. чел. Доля Астаны в общем ВВП республики выросла в 3 раза. Налоговые поступления выросли в 15 раз. С 1997 г. объем инвестиций в основной капитал вырос в 21 раз, с 19,3 млрд. тенге до 396,6 млрд. тенге в 2010 г. Число иностранных предприятий в Астане за первые десять лет выросло в 10 раз (с 40 до 409), а их суммарный капитал — более чем 100 раз. Количество стран-партнёров Астаны увеличилось с 19 до 50 (сайт г. Астаны 2012).

Разумеется, изменилась и демографическая ситуация в стране и в столице (Садовская 2005). Улучшилась демографическая ситуация в Алматы, который до того испытывал сильнейший напор миграционных потоков.

В свою очередь, Астана начала испытывать прирост населения за счёт миграции из северных сельских районов и той же Алматы. Астана стала самым быстро развивающимся городом Казахстана по темпам урбанизации и прироста населения. Население города за это время выросло в 2,5 раза и составило на май 2005 г. 537 тыс. человек. Между тем, по первоначальному замыслу, этой цифры Астана должна была достигнуть только в 2020 г., по состоянию на 1 февраля 2013 г. население города составляло 780 880 человек.

Принимая решение о переносе столицы, руководство страны исходило из того, что к концу XX в. Алматы как столица вплотную подошла к своему пределу. Совокупность экономических, социальных, экологических, геополитических и геофизических факторов исчерпала пределы роста территории и населения Алматы. Столицу перенесли потому, что Алматы не выдерживал и уже не соответствовал новым требованиям статуса столицы.

В этом отношении, как это ни парадоксально, именно перенос столицы из Алматы позволил во многом разгрузить накопившиеся проблемы и значительно оздоровить южную столицу.

И всё же некоторые зарубежные комментаторы не видят или не желают видеть экономический эффект переноса столицы,

заостряя внимание на социальной цене казахстанских реформ. Так, А. Ларин пишет: «Перенос столицы являлся исключительно обременительным проектом для экономики республики. Большая часть населения республики скептически относилась к переносу столицы. (Разумеется, критические настроения были особенно характерны для Алматы и Алматинской области). Безусловно поддерживала эту меру только узкая прослойка чиновников, представители которой лелеяли надежды на более быстрый карьерный рост в Астане» (Ларин 2006).

Нельзя недооценивать и культурные аспекты переноса столицы. Важно учитывать, что столица — это не только административный центр государства, но и его духовное средоточие, о чём не раз писали классики урбанистической теории и деятели культуры и науки (Амин, Трифт и др.).

С этой точки зрения, Астана должна приложить немало усилий, чтобы сначала подняться до уровня прежней столицы, а затем и превзойти её по таким параметрам, как наличие авторитетных и признанных всеми образовательных и научно-исследовательских учреждений, по наличию подготовленных кадров учёных и педагогов, по количеству и качеству учреждений культурно-просветительского характера, по оснащённости библиотек. И первые шаги на этом пути сделаны. Астана постепенно превращается в мощный научный центр. Расширяется сеть научных учреждений, формируются высокотехнологические структуры, например, Центр исследований ядерной физики и космического мониторинга при Евразийском Национальном университете, Центр биотехнологий вблизи Астаны. Новое качество обретают и образовательные учреждения Астаны — как государственные, так и частные.

В 1999 г. решением ЮНЕСКО Астана была объявлена Городом мира. В апреле 2008 г. она уверенно победила на московском смотре-конкурсе «Лучший город СНГ»: победы одержаны в девяти из шестнадцати номинаций. Съезды лидеров мировых конфессий, саммит ОБСЕ, Азиада — это все свидетельства авторитета новой столицы суверенного Казахстана. В 2012 г. Астана была выбрана Международным бюро выставок местом проведения выставки ЭКСПО 2017.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амин Э., Трифт Н.* Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4.
- Врис Г.* Большой город — великое искусство // Логос. 2002. № 3–4.
- Ертысбаев Е.* Гимн столице Родины // Казахстанская правда. 10.06.2005.
- Забирова А.Т.* Тенденции миграционной подвижности казахов (на примере Астаны). — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>, дата обращения — 22.07.2013].
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4.
- Ларин А.* Казахстан: цена реформ/ — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.apn-kz.ru>, дата обращения — 22.07.2013].
- Милош Ч.* Город без имени // Иностранная литература. 2000. № 6.
- Милош Ч., Венцова Т.* Вильнюс как форма духовной жизни // Старое литературное обозрение. 2001. № 1.
- Назарбаев Н.* В сердце Евразии. Алматы: Агамура, 2005.
- От Пекина до Астаны: история переносов столиц. Алматы: Ин-т развития Казахстана, 2004.
- Садовская Е.Ю.* Перенос столицы из Алма-Аты в Астану и его влияние на миграционные процессы в Казахстане. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.demoscope.ru>, дата обращения — 22.07.2013].
- Сердце независимого Казахстана // Казахстанская правда. 25.10.2005.
- Смирнов С.А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://anthropology.ru>, дата обращения — 22.07.2013].
- Шимов Я.* Прага: скромное обаяние «посторонней» столицы // Логос. 2002. № 3–4.
- Шубинский В.* Город мёртвых и город бессмертных. Об эволюции образов Петербурга и Москвы в русской культуре XVIII–XIX веков // Новый мир. 2000. № 4.

И.Г. КОНОВАЛОВА

СТОЛИЦЫ И ГРАНИЦЫ ХАЛИФАТА

VII–X ВЕКА*

История Халифата дает возможность проследить роль столицных городов в имперском пространстве на разных этапах складывания государства — от его возникновения в VII в. до политической дезинтеграции в конце IX–X веков.

Первоначальной столицей Халифата была Медина — исходный пункт арабской экспансии. В год смерти Мухаммада (632) Халифат охватывал территорию Аравийского полуострова, но в результате победоносной экспансии арабов за каких-нибудь три десятилетия поглотил весь Сасанидский Иран, византийские владения на Ближнем Востоке, Египет и Ливию. Впоследствии арабами были завоеваны и другие земли, так что к середине VIII в. Халифат включал в себя огромные пространства от Испании и Магриба на западе до Инда и среднего течения Сырдарьи на востоке, от Дербента на севере до Египта и Аравии на юге.

Создав в короткий срок огромную империю, объединявшую территории с разным уровнем социально-экономического развития и народы, различавшиеся в этническом и религиозном плане, арабы оказались лицом к лицу как с практическими вопросами эффективного управления государством, так и с более общей проблемой ментального освоения новых пространств.

Вся административно-политическая структура Халифата VII в. опиралась на родоплеменную организацию арабов. Мусульмане не только сражались, объединенные по племенам, но и сохраняли племенное деление и традиции при поселении на завоеванных землях. К середине VII в. территория Халифата была разделена на провинции, возглавляемые наместниками, — Мекка,

* Работа выполнена в рамках проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Таиф, Йемен, ал-Джанада, Куфа, Басра, Египет, Химс, Дамаск, Бахрейн и Оман. Наместниками становились главнокомандующие арабских войск. Наместник выполнял функции имама, возглавлял войско, был верховным судьей и отвечал за сбор и учет налоговых поступлений с подведомственных ему земель.

Арабы покорили территории, ранее принадлежавшие Византии и Ирану, то есть области с высокоразвитой городской жизнью. Большая часть крупных городов (Дамаск, Эдесса, Иерусалим, Александрия и др.) в ходе завоевания не подверглась разорению, а перешла к арабам по договору. На эту уже существовавшую сеть городов наложилась редкая сеть новых административных центров, которыми стали построенные арабами военные лагеря, служившие базой для дальнейшего продвижения арабских войск: Куфа, Басра и Мосул в Ираке, Фустат в Египте, позднее — Кайруан (совр. Кайруан) в Тунисе.

Медина, отделенная от границ Халифата несколькими тысячами километров, стала быстро утрачивать свой столичный статус. Центры принятия решений все больше перемещались в созданные арабами на завоеванных землях военные базы — Куфу, Басру, Фустат, — а наместники провинций все меньше зависели от центра в финансовом и военном отношении. На фоне такого перераспределения сил попытки халифа и его ближайшего окружения рассматривать все земли Халифата и общинную казну как свою собственность воспринимались на местах особенно болезненно. Точку в этом процессе поставила разразившаяся в 656 г. Первая гражданская война, завершившаяся в 661 г. победой наместника Сирии Муавии (основателя династии халифов-Омейядов) и переносом центра политической жизни Халифата в Сирию, а его столицы — в Дамаск. За Мединой осталась сакральная функция.

Хотя Дамаск принято считать столицей Омейядов (661–750), он не был столицей в полном смысле этого слова, так как его столичный статус был весьма неустойчивым. В Сирии и Палестине находилось не меньше десятка омейядских дворцов: Йазид I жил в Хувварине, Сулайман — в Дабике, Омар II — в ал-Хунасире, Йазид II — в неизвестной нам резиденции в ал-Балка, ал-Хишам — в Русафе. Долгое время эту множественность резиденций рассматривали как рудимент кочевой жизни, однако впо-

следствии ее стали связывать с политическими причинами — со стремлением жить в районах тех племен, которые поддерживали данного халифа.

В ходе Второй гражданской войны (680–692) за столичный статус сражались сразу несколько городов, располагавшихся вне Сирии: Мекка, Медина и Куфа противопоставили себя Дамаску, но как конкурирующие центры власти в итоге потерпели поражение.

К середине VIII в. завоевания новых земель прекратились и границы Халифата стабилизировались. В то же время структура государства при Омейядах была унаследована от эпохи завоеваний. Поэтому в первой половине VIII в. Омейяды, которые управляли государством как империей арабов, занимавших господствующее положение по сравнению с другими входившими в Халифат народами, столкнулись с широким недовольством их политикой.

Сменившие Омейядов халифы из династии Аббасидов (750–1258) перенесли политический центр государства из Сирии в Месопотамию. Первоначально столицей стала Куфа, где в период борьбы с Омейядами находился руководящий центр Аббасидов и где был провозглашен первый аббасидский халиф. Однако затем Абу-л-Аббас избрал своей резиденцией город Анбар на р. Евфрат, ал-Мансур поначалу обосновался в крепости ал-Хашимийа, расположенной между Куфой и Басрой.

Впоследствии ал-Мансур начал строительство нового столичного города — *Мадина́т ас-салам* (букв. «Город благоденствия»), или Багдада. Он был заложен в 758 г. неподалеку от древней парфянской и сасанидской столицы Ктесифона, в центре густонаселенного региона, на пути в восточные провинции Халифата. Багдад изначально строился как центр исламской империи и символ ее новой идентичности. Переход власти от Омейядов к Аббасидам был не просто сменой правящей династии. Он сопровождался радикальными социально-политическими изменениями, в результате которых Халифат превратился из империи арабов в общемусульманское государство. В отличие от халифов-Омейядов, которые управляли государством как вожди арабских бедуинских племен и предводители армии, Аббасиды позиционировали себя как лидеры всей мусульманской общины, принад-

лежащим к которой считался любой мусульманин, даже живший за пределами Халифата. Аббасиды превратили Халифат из арабской империи в исламское государство, где вероисповедание стало важнее для определения статуса человека, чем его этническая принадлежность.

В связи с прекращением масштабных внешних завоеваний в эпоху Аббасидов на первый план вышли внутренние проблемы — прежде всего, обеспечение надежного контроля над провинциями, централизация и унификация управления, упорядочение налогообложения, консолидация входивших в империю народов на основе исламских ценностей. Аббасиды стремились превратить Халифат в централизованное государство, в котором верховная власть опиралась бы на мощный бюрократический аппарат. С этой целью в провинциях создавались — по образцу столичных — административные, военные и финансовые учреждения. Новая столица стала паттерном для провинциальных центров.

По решению ал-Му'тасима (833–842) резиденцию халифа перенесли из Багдада в Самарру, надеясь таким образом избавить Багдад от неудобств, которые ему доставляла размещенная там халифская гвардия (ее численность при ал-Му'тасиме достигла 70 тыс. чел.). Однако в своей новой столице халифы быстро попали в полную зависимость от гвардейских военачальников и через несколько десятилетий, в течение которых сменилось восемь халифов, ал-Мута'мид (870–892) вернул столицу в Багдад.

Единая для аббасидского Халифата арабо-мусульманская культура на деле существовала во множестве локальных вариантов, формировавшихся по мере взаимопроникновения исламской идеологии и местных культур. Свое политическое выражение это культурное многообразие находило в появлении местных династий, тяготевших к зависимости от Багдада, что положило начало дезинтеграции Халифата в конце IX–X вв. Наряду с множеством местных правителей-эмиров, были провозглашены и два новых халифата — Фатимидов в Тунисе (909–972), Египте и Сирии (969–1171), а также испанских Омейядов (с 929 г.), что привело и к возвышению новых исламских столиц, прежде всего Каира и Кордовы.

М.П. КРЫЛОВ, П.М. КРЫЛОВ

МНОГОЦЕНТРИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ЦЕНТРОВ РЕГИОНОВ

**ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ И ТИПОЛОГИИ**

Одним из условий возникновения общества современного типа является его «географическая расчлененность» (Мельянцев 1996: 75). Можно предположить, что чем менее демократично общество, тем большую роль в нем может играть фактор положения столицы относительно регионов внутри страны, включая фактор переноса столиц. При обсуждении вопроса о переносе столиц авторы используют конструкцию полицентризма. Эта конструкция задает теоретические рамки, которые позволяют выявлять элементы постоянства в наблюдаемых в истории трансформациях и в то же самое время усматривать своеобразный политический плюрализм в развитии стран вне обычной сферы традиционного политологического анализа¹. Полицентризм в данном случае означает множественность столиц или их периодическое (перманентное) перемещение.

Перенос столиц как отражение скрытого или явного, сложившегося, формирующегося или уничтожаемого полицентризма рассматривается здесь в рамках схемы, характеризующей на отдельных, не претендующих на полноту, примерах внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) причины, обусловившие перенос столиц (столиц государств и центров регионов). Заметим, что некоторые случаи переноса столиц не могут быть однозначно

¹ По мнению известного теоретико-географа А.М. Смирнова, «центрированные образования могут быть одноцентровыми и многоцентровыми. Но одноцентровое образование является частным случаем многоцентрового» (Смирнов 1971: 57).

интерпретированы как обусловленные какой-либо определенной группой рассматриваемых причин (в предлагаемой схеме авторы пытаются это обговорить). В то же время вне данной схемы оставлены те случаи переноса столиц (отдельные примеры таких случаев будут даны ниже), которые не могут быть истолкованы как проявления полицентризма.

Чисто экзогенные причины переноса столиц

Очень жесткие: искусственное разрушение завоевателями системы территориального устройства страны и создание новой системы, с новыми региональными центрами (романизация Галлии — см.: История 1989).

Умеренно жесткие: коренная ломка существующего административно-территориального деления властью, при которой лишь небольшая часть старых центров сохранила свои прежние функции (центров).

Пример. Ликвидация полицентризма. Московское государство: ликвидация территорий (дробление) бывших княжеств как целостных территориальных единиц после присоединения их к Москве из-за боязни сепаратизма на основе сохранения самосознания жителей этих территорий и создание мелких уездов (Градовский 1868).

Пример. Ликвидация прежнего полицентризма и создание нового полицентризма. СССР, 1920-е годы: создание новых больших областей, приблизительно в границах экономических районов; старые губернские города были превращены сначала в центры округов, а после 1930 г. становились простыми райцентрами. В частности, при создании Ивановской промышленной области центром области стал бывший (до 1918 г.) безуездный город Шуйского уезда Иваново-Вознесенск (ставший затем центром Иваново-Вознесенской губернии). При этом бывшие губернские города Владимир, Кострома и Ярославль были лишены функций региональных столиц, в том числе по политическим причинам (Владимир и Кострома — как «дворянские гнезда», Ярославль — как центр контрреволюционного мятежа). Иваново имело преимущества с политической (пролетарский центр), экономической (крупный индустриальный центр, сильно опережавший в развитии Владимир и Кострому) и позиционной (удобное

экономико-географическое положение, геометрический центр региона) точек зрения (Ивановская промышленная область, 2009)². В рассматриваемом ряду находится и создание в СССР национальных автономий на базе уездных городов как центров (например, Саранск — столица Мордовии, Чебоксары — столица Чувашии, сменившая в таком качестве Алатырь как неформальный центр), больших областей в разрезе экономических районов³.

Полужесткие (задаются внешние цели развития). Развитие полицентризма. Пример — строительство новых столиц ко-

² Сатирическое (утрированное, но раскрывающее многие глубинные тенденции, которые, возможно, неизвестны современным историкам, но еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов сохранялись в памяти старожилов) описание указанных событий содержится в повести А.П. Платонова «Город Градов». «Выплыло событие об исчезновении Градовской губернии. ... В Москве Бормотов узнал, что Градов хотят передать в область и в областной же город передали поэтому все градовские кредиты. А областной город отказался от Градова. Город не пролетарский, — говорят, — на черт он нам сдался! (Платонов 1988: 25). «... для всего государственного населения Градова настали боевые дни. Центр решил четыре губернии, как раз и Градовскую, слить в одну область. И заспорили четыре губернских города, кому причисляется быть областным. Особенно лютовал в этом деле Градов» (Платонов 1988: 37). «Бормотов ... подошел к делу исподволь. Он предложил учредить такой облисполком, чтобы он собирался на сессии по очереди во всех бывших губгородах и нигде не имел постоянного местопребывания и вечного здания» (Платонов 1988: 38). «Наконец, через три года после начала областной войны, пришло постановление Москвы: “Организовать Верхне-Донскую земледельческую область в составе территорий таких-то губерний. Областным городом считать Ворожеев (то есть Воронеж. — М.К., П.К.). Окружными центрами считать такие-то пункты. Градов-город (то есть Тамбов. — М.К., П.К.) как не имеющий промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечислить в заштатные города, утвердив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины (судя по топониму, пригородное село Лысые горы)”» (Платонов 1988: 39).

³ У А.П. Платонова в повести «Город Градов» сказано: «.. Бормотов собрал на своей квартире старожилов и хотел объявить в Градовской губернии автономную республику, потому что в губернии жили пятьсот татар и штук сто евреев. Не республика мне была нужна, — объяснял Бормотов, — я не нацменьшой, а непрерывное государственное начало и сохранение преемственности в делопроизводстве» (Платонов 1988: 25). А.П. Платонов здесь показывает, что в условиях тотального реформирования губернский город мог сохранить свой административный (а тем самым, заметим, и культурный, статус) лишь став центром национальной автономии. Как известно, Казань и Уфа сохранили свой статус центров регионов, а Саранский округ не был упразднен в 1930 г., а был преобразован в центр Мордовской АО.

лонизаторами (как резиденций и/или торговых центров). *Индия*: Дели — Калькутта. *Ямайка*: Спаниш-таун — Порт-Роял — Спаниш-таун — Кингстон. Пример — строительство новой столицы по чисто политическим или политико-стратегическим причинам. *Развитие полицентризма. Испания*: Толедо — Мадрид. *Япония*: Киото — Эдо (Токио). *Нигерия*: Лагос — Абуджа. *Кот-д'Ивуар*: Абиджан — Ямусукро. *Бирма (Мьянма)*: Рангун — Найпидо.

Экзогенно-эндогенные причины переноса столиц

Перенос столиц, обусловленный решением властей, связанным с объективным изменением роли отдельных регионов в составе государства, в силу экономических или геополитических причин, изменений размеров или границ государства. Примеры:

Развитие полицентризма. Древний Египет: Фивы — Мемфис. *Римская империя*: Рим — Константинополь. *Западная Римская империя*: Рим — Равенна, Меоделан (Милан). *Испания*: Бургос — Вальядолид — Толедо. *Бразилия*: Байя (Сальвадор) — Рио-де-Жанейро — Бразилиа. *Османская империя (Турция)*: Бурса — Стамбул — Анкара. *Россия*: Москва — Санкт-Петербург. *Пакистан*: Карачи — Равалпинди — Исламабад. *Казахстан*: Оренбург — Кызыл-Орда — Алма-Ата — Астана.

Сворачивание полицентризма. Россия: Петроград — Москва.

Перенос столиц, обусловленный разрушением предшествующей столицы в ходе войн или стихийных бедствий и невозможности возвращения данному городу столичных функций. Примеры: *Россия / Древнерусское государство*. Старая Рязань — Переслав-Рязанский; *Таиланд*: Аюттхая — Бангкок; *Гватемала*: Гватемала-Антигуа — Гватемала.

Перенос столиц, связанный с гражданскими войнами, на базе имеющегося полицентризма. Пример: гражданская война в *России*. Кочевья: Самара — Уфа — Омск / Томск⁴.

Политические причины, связанные с изменением политического курса, смены династии официальной риторики, на

⁴ Следует различать столицы единой демократической России как места миграции столичного города (столицы как альтернативы «красной Москве» и столиц республик, в той или иной форме заявлявшими о своем суверенитете в 1918–1922 годах (Уральская республика, Северная область, Кубань и др.).

базе имеющегося полицентризма. Пример: Марокко: Фес — Марракеш — Мекенес — Рабат⁵.

Эндогенные причины переноса столиц

Полицентризм как раздвоение моноцентризма, эволюция столичного ареала — тогда перенос столиц происходит как перебазирование столицы в (относительно) ближайший центр. Примеры: Испания: Толедо — Мадрид; Швеция: Упсала — Стокгольм; Россия, Владимиро-Суздальское княжество, Владимирское великое княжение: Ростов Великий — Суздаль — Владимир — Москва⁶.

Чистый полицентризм как реальное (или подавляемое, но все же существующее многостоличие). Пример: Россия, (до)московское государство: наличие городов — центров великих княжеств (Москва, Владимир, Рязань, Тверь, Ярославль⁷; как ос-

⁵ В принципе, в этом логическом ряду находится и перенос столицы Украины из Харькова в Киев в 1934 г. Вопреки мнениям многих (возможно, большинства) современных жителей Украины (согласно анкетированию, проведенному М.П. Крыловым, А.А. Гриценко, в рамках работ по грантам РГНФ № 12-001-00050 и 13-01-18066), перенос столицы в Киев нельзя было считать актом политики Национального Возрождения. Напротив, он совпал с окончательным отказом от политики украинизации, являясь, скорее, своеобразным камуфляжем этого отказа (см., например: Галушко 2012: 495). С экономико-географической точки зрения, Киев (подобно Одессе и Ленинграду) в то время еще находился слишком близко к государственной границе СССР, чтобы перенос туда столицы Украины можно было считать экономически вполне целесообразным.

⁶ Сюда можно отнести и случай рассредоточения столичных функций в ЮАР: Претория является административной столицей страны (местонахождение правительства), Кейптаун — законодательная столица, в Блумфонтейне находится Верховный Суд; это является следствием англо-бурского компромисса при создании ЮАР. Другими случаями компромисса являются США, Канада и Австралия, где новыми столицами стали специально основанные для этих целей города: Вашингтон находится на границе Севера и Юга (компромисс между Филадельфией и Нью-Йорком). Оттава — пространственный компромисс между англоязычным Торонто и Квебеком. Канберра — компромисс между Мельбурном и Сиднеем. В Румынии в качестве нейтрального города по отношению к старым столицам княжеств Валахии и Молдовы был выбран Бухарест, находящийся как бы на стыке двух княжеств.

⁷ Ряд историков критикует концепцию, согласно которой Москва была единственным центром объединения русских земель (Александров 1997: 4; Любавский 1929: 114). По мнению А.А. Горского, если бы не было власти Орды, то у восточных славян на Русской равнине возникло бы три – четыре

таточный, в конечном счете, феномен существования городов со статусом центров великих княжеств (включая сюда центры присоединенных татарских ханств) — нахождение центров администраций на местах, в Великом Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, Тобольске, Смоленске, а не в Москве, в соответствующих приказах (Градовский 1868).

Перенос столиц как своего рода колебательное движение.

Примеры: *Россия*, Дальний Восток: чередований функций центра региона между Владивостоком и Хабаровском в течение всего XX в. *Россия*, Поволжье: чередование функций центра между Казанью, Нижним Новгородом, Самарой и Саратовым в течение XIX–XX веков.

Проведенный анализ, по-видимому, позволяет говорить о существовании различных форм проявления полицентризма и его разноаспектной роли в феномене переноса столиц. В случае России полицентризм обнаруживает высокую степень корреляции с разнонаправленными демократическими тенденциями в развитии страны, которые отражают (или формируют сами) появление неоднозначности в выполнении властных функций определенными городами, в которых происходит раздвоение на собственно города, имеющие столичные функции, и города-резиденцию власти. В то же время «напрямую» сравнивать разные страны по данному критерию не всегда возможно. Также следует с осторожностью подходить в различным проектам, стимулирующих развитие одних центров, в ущерб другим центрам. В отличие от переноса столиц государств, искусственный перенос региональных столиц содержит существенный риск, за исключением случаев, когда (периодический) перенос региональных столиц закрепляет фактическое многоцентрие.

крупных государства, поскольку «естественным процессом» является возникновение зрелого полицентризма. В результате же монгольского нашествия разобщенность русских земель усилилась, а полицентризм был ослаблен, однако произошедшие при этом дробление земель было в значительной степени искусственным (Горский 2004: 335).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров Д.Н.* Русские князья в XIII–XIV веках. М.: РАЕН, 1997. 394 с.
- Галушко К.* Украинский национализм, ликбез для русских, или кто и зачем придумал Украину. Изд. 2-е, доп. Киев: Темпора, 2012. 636 с.
- Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
- Градовский А.Д.* История местного управления в России // Соч. А.Д. Градовского. СПб, 1868. Т. 2. 492 с.
- Ивановская промышленная область. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2009.
- История древнего мира. Упадок древних обществ. М.: Наука, 1989. 407 с.
- Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929.
- Мельянцева В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность, М.: Изд-во МГУ, 1996. 303 с.
- Платонов А.П.* Ювенильное море. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. 431 с.
- Смирнов А.М.* Общегеографические понятия // Теоретическая география. М., Мысль, 1971 (Вопросы географии. Сб. 88).

П.М. КРЫЛОВ

ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПЕРЕНОСА СТОЛИЦ

Перенос столицы государства не является редким событием в истории человечества. Только в XX в. таких случаев было не менее 37 (Тархов, 2007). Отдельно необходимо рассматривать вопрос о переносе столице в случае гражданской войны или провозглашения непризнанного мировым сообществом государством. Также существуют примеры сочетания двух столиц в одном и том же государстве, образовавшихся в результате формального или неформального переноса столицы и (или) части столичных функций в государстве¹. К таким современным странам можно отнести, в частности, Израиль (Тель-Авив и Иерусалим), Черногорию (Подгорица и Цетине), Нидерланды (Амстердам и Гаага) и др.

Более сложен вопрос о формальном и неформальном переносе столиц регионов государств, центров административно-территориального деления страны того или иного уровня. Только в СССР в 1920–1930 годах таких переносов были десятки, а сам процесс переноса центров регионов продолжался и после Великой отечественной войны (присоединение новых территорий [Сахалинская область], образование новых областей в освоенной части страны [Липецкая область] и т.п.).

В целом, в более чем 70% современных государств столица не менялась несколько столетий (Тархов, 2007). *То есть можно говорить о позиционной устойчивости столиц как административного и геополитического центра территорий, стран мира.* Значительная часть переносов столиц связана с объединением и распадом государства. Также можно выделить множество внутриполитических, экономических (развитие новых территорий

¹ При том, что в государстве будет только одна официальная столица.

страны), планировочно-градостроительных, этносоциальных и других причин переноса столиц, среди которых транспортно-географический фактор никогда не являлся доминирующим. Однако последствия переноса столицы могли оказывать неоднозначное влияние на хозяйственно-экономическую и политическую ситуацию в той или иной стране. В настоящей статье мы будем говорить только о транспортно-географических последствиях, но не о причинах переноса столиц государств в XX веке.

В обобщённом виде основные варианты переносов столиц государств мира в XX в. представлены в таблице (см. Табл. 1).

№	Тип переноса столиц	Пример			год переноса столиц
		современное государство	современная столица	прежняя столица	
Появление нового государства					
1	Появление нового государства в результате провозглашения его независимости и признание её со стороны мирового сообщества, а также в условиях становления независимости молодого государства	Палау	Нгерулмуд	Корор	2006
2	Появление нового непризнанного мировым сообществом государства ²	Абхазия	Сухум	-	1991
3	Появление нового государства, признанного мировым сообществом по-	Беларусь	Минск	-	1991

² Нельзя в полной мере считать переносом столицы, так как до образования государства столицы не было (её статус был другим — административный центр региона).

	сле его выхода из состава прежнего государства				
4	Перенос столицы в связи с объединением государства	Йемен	Сана	Сана, Аден	1990

**Перенос столицы
без изменения границ и статуса государства**

5	Перенос столицы для активизации развития периферийных территорий	Казахстан	Астана	Алматы	1997
---	--	-----------	--------	--------	------

Неформальный перенос столицы

6	Появление новой столицы, в том числе при непризнании её в ряде случаев мировым сообществом	Израиль	Иерусалим	Тель-Авив	1949
---	--	---------	-----------	-----------	------

Табл. 1.

Основные варианты переноса столиц государств мира в XX веке.

Для большинства государств мира столица в её современном понимании — крупнейший по числу жителей, важнейший транспортный, промышленный, культурно-исторический центр государств. В 37 современных государствах столица не является крупнейшим по числу жителей городом. В настоящей статье мы рассмотрим транспортно-географическую оценку переносов столиц в XX в. (на примере наиболее значимых случаев переносов столиц).

Основной показатель, критерий — транспортно-географическое положение столицы относительно территории государства, а также относительно других государств. Транспортно-географическое положение (ТГП) — ключевая составляющая категории экономико-географического положения (ЭГП, одной из ключевых категорий экономической географии) — даёт качественную и (или) количественную оценку положения рассматриваемого объекта относительно транспортных узлов и путей.

В широком смысле транспортно-географическое положение столицы государства (как потенциальная характеристика) включает в себя следующие подкатегории (частные характеристики):

1) *близость столицы к морскому побережью* в качестве морского порта (тем самым формируется колониальная система хозяйствования, основанная на вывозе из колонии её наиболее ценных ресурсов);

2) *центриситет положения столицы* — в центре государства (с учётом не столько расстояния, сколько времени перемещения между крупнейшими городами страны и её столицей (для минимизации транспортных издержек как для населения, так и для отдельных отраслей хозяйства). Этот вариант наиболее подходит государствам, в которых столица доминирует по показателям населения и выпуска продукции материального производства среди всех городов того или иного государства.

3) *положение столицы внутри крупнейшей городской агломерации* (или мегалополиса) страны: в США (Босваш), Японии (Токайдо) и др.

Далее мы рассмотрим транспортно-географическую оценку переноса отдельных столиц государств в XX в. (см. Табл. 2). Можно выделить шесть основных типов транспортно-географической оценки переноса столиц в XX веке.

№	Пример				год по- след- него пере- носа сто- лицы
	Транспортно- географическая оценка переноса столицы	совре- менное госу- дарст- во	нынешняя столица	прежняя столица	
1	ТПП ³ принципи- ально не измени- лось, столица сохранила пери- ферийное транс-	Казах- стан ⁴	Астана	Алматы	1997

³ ТПП — транспортно-географическое положение

⁴ Другим характерным примером может служить перенос столицы из Бонна в Берлин при объединении ФРГ и ГДР в 1990 г.

	портно-географическое положение. Новая столица дала импульс транспортно-экономических связей периферии страны				
2	ТПП принципиально не изменилось, однако новая столица приблизилась к центру расселения и к центру хозяйственной активности	Россия	Москва	Петроград	1918
3	ТПП улучшилось (потенциально) для внутристрановых транспортно-экономических связей, но при этом ухудшилось для международных связей	Нигерия	Абуджа	Лагос	1976–1991
4	ТПП ухудшилось как для внутристрановых, так и для международных связей	Бразилия	Бразилиа	Рио-де-Жанейро	1960
5	ТПП ухудшилось (потенциально) для внутристрановых транспортно-экономических связей, но при этом улучшилось для международных связей	Шри-Ланка	Шри-Ждаяварденепура-Котте	Коломбо	1982
6	ТПП почти не изменилось, так как бывшая столица вошла в	Филиппины	Манила	Кесон-Сити	1976

состав новой
столицы (терри-
ториально близ-
лежащего горо-
да)

Табл. 2.
Транспортно-географическая оценка
переноса столиц государств мира в XX в.
(важнейшие примеры).

Необходимо дать следующие комментарии:

- 1. Перенос столицы государства в XX в. сопровождался, как правило, улучшением транспортно-географического положения столицы.
- 2. Большую роль и значение с точки зрения транспортно-географического фактора имеет перенос столицы в крупных и слабоосвоенных государствах.
- 3. Недостаточно выгодное транспортно-географическое положение новой (или прежней) столицы компенсируется развитием современных видов транспорта (строительство современных автодорог, железных дорог, развитие внутри-страновой авиации и каботажных — внутристрановых — морских перевозок).
- 4. Перенос столицы государства, сопровождающийся существенным изменением транспортно-географического положения столица во-многом говорит об изменении геоэкономической и геополитической ориентации государства (с внутренних на внешние экономические и культурные связи или наоборот). Это заметно по фактам переноса столиц слаборазвитых государств (Белиз, Шри-Ланка и др.), в том числе имеющих небольшой опыт государственности (Нигерия, Кот д'Ивуар и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

Тархов С.А. Переносы столиц // География. 2007. № 5.

СТОЛИЦА В АНТРОПНОМ КОСМОСЕ

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Метафора — один из инструментов познания действительности, создания художественных образов и порождения новых значений. Конкретные географические объекты, наиболее значимые в национальной культуре, превращаются в устойчивые метафоры. Они используются как в обыденной жизни, в художественной литературе, так и в научных культурогеографических работах.

Антропоморфное представление о пространстве, ландшафте — наиболее часто встречающийся фрейм для соответствующих метафор, который восходит к языческим и христианским средневековым воззрениям. Через него выражаются глубинные слои коллективного и индивидуального сознания, постигающего мир через свое тело. «Волга — матушка», «Урал — батюшка», «Киев — мать городов русских» — укорененные в русской культуре метафоры родственных отношений применительно к макрорландшафту собственной страны.

Формирование антропоморфных метафор пространства восходит к далекой архаике. Идентичность микрокосма и макрокосма — одна из основных смысловых осей образа мира Средневековья, базирующаяся на библейской мифологии, согласно которой плоть первочеловека — «от земли, кровь его от росы и солнца, очи его от бездны морские, кость от камня, жилы его и косми от травы земные» (Книга Еноха). Обобщая эти представления, А.Я. Гуревич пишет о системе взглядов той эпохи: «Элементы человеческого организма идентичны элементам, образующим вселенную. Плоть человека — из земли, кровь — из воды, дыхание — из воздуха, а тепло — из огня. Каждая часть человеческого тела соответствует части вселенной: голова — небесам, грудь — воздуху, живот — морю, ноги — земле, кости соответствуют камням, жилы — ветвям, волосы — травам, а чувства — животным» (Гуревич 1972: 52). Существовали и более конкрети-

зированные ландшафтные метафоры, например, в древнескандинавской поэзии части тела уподоблялись объектам живой и неживой природы, и наоборот.

2. Город — метафора антропного космоса во всем его многообразии. Вот только некоторые из значений сферы источника метафорического переноса, выделенные в «Словаре поэтических образов» (Павлович 1999: 557–569): город — существо (человек, животное, змееобразное существо, птица, ракообразное, рыба), город — орган человеческого или звериного тела (сердце, голова, уста, нога, волосы, плечи, грудь, лицо, глаза, мозг, ухо, нос, кожа, щупальца), город — растение, вода, еда,местилище, информация (книга, поэтическое слово, письменные знаки), транспорт, орудие, ткань, звук, свет, пространство, драгоценное, вещество, ментальное, огонь. Это далеко не исчерпывающий список, который показывает, что город — по сути целостный мир человека, выступающий в метафорических образах как представитель растительного и животного, антропогенного и природного, реального и ментального миров.

Город представляется полимасштабной метафорой сознания, он может выражать структуру сознания от единичной человеческой личности до человечества в целом. Процесс урбанизации охватывает все пространства, от географического до внутреннего, от реального до иномирного.

Составные элементы ландшафта города — мифический, исторический, идеологический, архитектурный (Glaser 1987) — являются одновременно и компонентами смысла места, и побочными продуктами его динамики, и факторами, необходимыми для его воспроизводства и для его полноценного восприятия. Все они участвуют в метафорическом процессе, в своем абстрактном или конкретном виде. В каждом городе формируется собственное внутреннее метафорическое пространство, которое во многом укоренено в метафизике. Параллельно с тем, что город является метафорой сознания, в каждой урбанистической культуре существует архетип города, обладающего сознанием.

Метафорический перенос может **перемещать город из антропного космоса в мир насекомых**, сближая с «городами» муравьев и пчел — «город-улей», «город-муравейник» — метафоры, которые встречаются в большинстве культур.

Процесс восприятия и постижения смысла города основаны на его идентификации, то есть на понимании не только внешних элементов городского ландшафта, но и элементов семантических.

3. Столица — это город, в котором семантика урбанистических качеств как бы возведена в степень, от которой, тем не менее, не меняется типологическая принадлежность (по принципу «суэта всех сует — всё равно суета»).

Семантика столиц проявляется прежде всего в контексте метафоры «ландшафт / макрорегион — это человеческое тело». В культурном ландшафте России наиболее устойчива **метафора двух столиц как двух жизненно важных частей тела**: «Петербург — голова, Москва — сердце».

Диалектика противопоставления Земли и Неба выражается через укорененную в христианской традиции **метафору двух градов — земного и небесного**. Согласно учению Св. Августина, «град Божий — незримая духовная община христиан, видимым воплощением которого является церковь — вечен, град же земной, государство, преходящ и подвержен гибели» (цит. по: Гуревич 1972: 104). Казалось бы, столица, как географическая концентрация государственной власти, не может претендовать на смысловые коннотации с небесным градом.

Но в реальном культурном пространстве включаются иные механизмы, в том числе имеет значение собственно географическое положение города. «Город стоит на берегу моря (реки, озера) или на дороге. Функционально — как объект военный или объект гражданский (условно — крепость или постоянный двор). <...> Существуют города, которые можно описать «чистой метафорой». И возможны перекрестки: три основных типа сочетания базовых метафор» (Крамер, б/г). «Город на горе» (Рим, Москва и т.п.), является эманацией небесного града, в семантике Москвы играет роль и ее связь с кардиоцентризмом русской культуры, предполагающей путь к Богу через сердце. «Крепость у моря» (крепость Орешек, Севастополь и т.п.) или «караван-сарай на перекрестке путей» (Самарканд) чрезвычайно значимы в культурном пространстве. На карте мира существуют и «города вообще» — равно как с положительным, так и отрицательным контекстом. Сто пятьдесят лет назад «городом вообще» представлялся и Санкт-Петербург — по мнению А.И. Герцена он есть

«воплощение общего, отвлеченного понятия столичного города; Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на все похож» (Герцен 1954). И только позже, во многом благодаря Санкт-петербургскому тексту северная столица России приобрела уникальные черты, хотя и в современных исследованиях встречаются авторские метафоры, сходные с мнением Герцена, например, в работе Ю.А. Веденина, посвященной культурному ландшафту России, Санкт-Петербург — это «сколок Европы, волей Петра Великого брошенный на пограничные со старой Россией земли» (Веденин 1997).

Столицам, как и городам вообще, присуща и инфернальная семантика. В случае с Санкт-Петербургом она связана с искусственностью, человеческой волей Петра Великого, противопоставленной Божьей воле, с его лиминальностью — он выступает как пограничное, окраинное пространство, в котором чрезвычайно активны любые смыслообразующие процессы, в том числе и противопоставленность / подверженность влиянию хтоническому пространства. В Москве в новейшее время роль инфернального города выполняет легендарная «подземная изнанка города» — подземный города, связанный с властью. «Город на горе» имеет своего двойника, опрокинутого в толщу земной коры.

4. Геопоэтика столиц. В теории метафоры принята классификация по степени новизны: новые метафоры, метафоры на основе системы общепринятых ассоциаций, стертые метафоры, катахрезы (в которых переносный смысл превращается в прямой). Новые, или творческие метафоры возникают чаще всего в поэзии.

Столицы — наиболее частые герои поэтического творчества. В подтверждение этого тезиса приведем некоторые творческие метафоры из «Словаря поэтических образов» (Павлович 1999: 559–577):

Вена — *овен*. О Вена ветреная, жертвенный овен! (С.В. Соловьев). **Москва** — *кошка*. Дикой кошкой горбится столица (О.Э. Мандельштам). **Москва** — *паук*. ...Москва семихолмною там растарашей сидела на корточках, точно паук семиногий, готовый подпрыгнуть под облако! (А. Белый). **Москва** — *лилия*. И в глуши, где ягод в изобилии, / Где дубы да щедрая смола, / Юной белокаменной лилией / Древняя столица расцвела (Д.Л. Андреев). **Киев** — *тур*. ...И Киев — тур златорогий / На цареградские дороги / Глядит с Перунова холма! (Н.А. Клюев).

И в то же время поэзия закрепляет в текстах смыслы столиц, уже существующие в культуре.

Санкт-Петербург:

• **Пальмира Севера** — эта метафора была довольно распространена в XVIII в., она сближала два разновременных культурных центра и структурировала Петербург в границах концепта или «гештальта» южной столицы, со всем своим величием перемещенной на север. По библейскому преданию, Пальмира была основана Соломоном, соответственно, Петербург обретает структуру «освященного Святым писанием и преданием» города.

• **Столица мира** — в поэзии Серебряного века столица имеет такие определения, как «город всемирный» (А.А. Блок), о нем же О.Э. Мандельштам говорит: «О, если ты звезда, — Петрополь, город твой, / Твой брат, Петрополь, умирает!»

• **Не Россия** — «западнический соблазн», вплоть до полного противопоставления столицы стране: «Пойду из столицы в Разею...» (В.Я. Брюсов).

• **Вымышленный, искусственный город**, чье величие «приписывается исключительно мощной воле Петра Великого» (Геттнер 1993): «Тучи, как волосы, встали дыбом / Над дымной, бледной Невой. / Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был, / Город — вымысел твой» (Б.Л. Пастернак).

Москва:

• **Библейский город** — А.П. Сумароков приравнивает московский Кремль к Сиону;

• **Мать** — «быв градов всех русских мать» (Г.Р. Державин), «мать градов России» (А.С. Пушкин), «матушка» (Н.А. Некрасов);

• **Исторический и духовный исток** — «старая» (Ф.И. Тютчев), «древняя» (А.А. Фет) «первопрестольная» (Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев), «старая» (В. Хлебников), «святая» (В.Я. Брюсов), «белая престольная» (Н.А. Клюев). Москва олицетворяет религиозную, духовную столицу России, в поэтических метафорах Серебряного века и позже подчеркивается ее «азиатскость»: «Золотая дремотная Азия / Опочила на куполах» (С.А. Есенин); «...буддийская Москва» (О.Э. Мандельштам).

5. Вывод. Метафорическое значение столиц помогает постижению их как феномена культуры, определению их роли и места в антропном космосе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. М., 1997. № 2. С. 3–99.
- Герцен А.И.* Москва и Петербург // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2.
- Геттнер А.* Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Русские столицы Москва и Петербург: Хрестоматия по географии России / Ред. Д.Н. Замятин. Сост. А.Н. Замятин, Д.Н. Замятин; Г.М. Лаппо. М., 1993.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Крамер А.* Город как метафора. — Электронный ресурс [Режим доступа: http://alexkrm.narod.ru/papers/Article/city_3.htm, дата обращения — 22.07.2013].
- Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов. На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. М., 1999. Т. 1.
- Glaser H.* Die stadt als Kulturlandschaft — um eine Stadt von innen bittend // Mitt. dtsch. Acad. Stantebau und Landesplan. 1987. Bd. 31 (1).

А.А. МАЙЗЛИШ

В КОНКУРЕНЦИИ С ПАРИЖЕМ

БУРГУНДСКИЕ ГОРОДА В БОРЬБЕ ЗА РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Одной из характерных особенностей государства герцогов Бургундских, продолжавшего процесс территориального расширения практически до конца своего существования, являлась его полицентричность. И хотя было бы преувеличением говорить о целенаправленной политике, направленной на рассредоточение институтов власти между различными городскими центрами во время второй половины правления герцога Филиппа Доброго, а затем Карла Смелого, стоит отметить тот факт, что даже при попытках проведения «централизаторской» политики (например, размещения части центральных органов управления в Мехелене в результате «реформ» Карла Смелого) герцоги не стремились превратить какой-либо город в свою столицу.

Возможно, когда-то политический центр Бургундского государства и мог бы закрепиться в одном из многочисленных городов на относительно долгий срок, и этому помешал лишь распад государства. Но сама история его образования до определенной степени предопределяла скорее другую модель развития. Даже в самом начале формирования владений герцогов Бургундских из династии Валуа, когда в них входило только герцогство Бургундия, его столица Дижон — достаточно ярко выраженный политический и придворный центр региона в течение долгих веков правления предыдущей династии герцогов-Капетингов столкнулся с очевидной конкуренцией со стороны Парижа как общепольского политического центра.

Проблема была связана с амбициями первого герцога из династии Валуа Филиппа Храброго, претендовавшего на ведущую роль в управлении королевством во время малолетства, а затем в связи с сумасшествием Карла VI. Герцог Бургундии, в первую очередь, оказывался регентом Франции, и это приводило к тому,

что бургундский двор большую часть своего времени проводил в Париже (Vaughan 1979: 25–27). Ситуация «сосуществования» различных центров бургундских владений с Парижем (и его окрестностями) как основным местопребыванием бургундского двора продолжалась и в течение практически всего правления Жана Бесстрашного.

Тем не менее, на протяжении правления первых двух герцогов (Филиппа Храброго и Жана Бесстрашного) Дижон сохранял за собой роль бесспорного «официального» центра династии. Это выражалось и в том, что по традиции первых представителей бургундского дома хоронили именно в Дижоне. Интересно, что даже третий герцог Филипп Добрый, при котором центр бургундских владений окончательно переместился на север, завещал похоронить себя именно в столице герцогства (хотя его воля так и не была исполнена, и он оказался похороненным в Брюгге) (Tabri).

В конце XIV – начале XV в. ситуация стала еще более запутанной из-за присоединения к бургундским владениям целого ряда новых территорий. Наиболее «проблемной» из них являлась Фландрия. И именно фламандские города оказались особенно активными в борьбе за внимание к себе герцогской власти. Во Фландрии было три ведущих городских и экономических центра, практически полностью сосредоточивших в своих руках влияние на все остальные фламандские земли: Ипр, Брюгге и Гент. Ипр к этому моменту уже не мог всерьез претендовать на роль центра графства. Но, несмотря на то, что большую часть XIV и практически всю первую половину XV в. Гент сохранял лидирующие политические позиции во Фландрии, фактически являясь её столицей, Брюгге составлял ему серьезную конкуренцию (Froissart 1835: 65–75). Еще одним альтернативным центром являлись города французской Фландрии (Лилль, Дуэ и Орши), также вошедшие в состав бургундских владений (Vaughan 1979: 5–6).

Отношения Филиппа Храброго с фламандскими городами были испорчены из-за крупномасштабного восстания 1379–1385 гг. против его тестя Людовика Мальского, для подавления которого герцогу Бургундскому пришлось привести с собой французскую королевскую армию вместе с Карлом VI (Rémission 1863: 42–43). До начала этого восстания Филипп Храбрый проявлял значительное внимание к своим будущим подданным: часто приезжал

во Фландрию, развлекал её горожан пирами и турнирами и практически каждый год по несколько недель проводил в Генте и Брюгге (Itinéraires 1888: 56, 60, 72–73, 80, 105–106, 115–119, 123–125, 134–135, 140–141). К моменту наследования Филиппом графства в 1384 г. жители Гента, являвшегося центром восстания, еще продолжали упорное сопротивление (Froissart 1835: 254–256). И несмотря на победу в городе сторонников мира с Филиппом Храбрым, отношения фламандцев со своим сюзереном были подорваны настолько, что герцог не появлялся во фламандской части Фландрии в течение первых пяти лет после её наследования¹. Впрочем, и в дальнейшем он и его жена Маргарита Мальская демонстративно предпочитали Париж, а также Дижон или другие города герцогства Бургундии как местопребывание своего двора (Itinéraires 1888: 318, 338; Le Cotton Manuscript 1896: XXI–XXIII).

Это не могло не вызывать протеста у фламандских городов, твердо убежденных в том, что сеньор графства должен проживать на его территории и исполнять соответствующие его положению обязанности, способствуя организации управления подходящим для фламандцев образом (начиная с ведения дел на родном для них языке, а не на французском). Филипп то игнорировал требования фламандских городов, то учреждал или «реформировал» органы управления графством по французскому образцу на территории французской Фландрии (например, с 1386 г. Совет Фландрии, созданный еще при графе Фландрии Людовике Неверском, начал заседать в Лилле — см.: Vaughan 1979: 138–139; Vaughan 1966: 15), что еще больше раздражало крупные фламандские центры (Le Cotton Manuscript 1896: 219), обладавшие несопоставимым по отношению к другим владениям герцогов (да и к значительной части остальной Европы) экономическим потенциалом.

Короткое самостоятельное правление во Фландрии Маргариты Мальской после смерти супруга в 1404 г. показало, что у фламандских городов есть соперники и кроме Парижа и Дижона — герцогиня предпочитала жить на территории другого своего владения — графства Артуа, так и не нанеся до своей смерти

¹ Исключение составляет 1384 г., когда Филипп Храбрый посетил ряд городов Фламандской Фландрии (Itinéraires 1888: 164–166, 169–170).

в 1405 г. ни одного визита во Фландрию, несмотря на активизацию требований фламандцев выбрать любой из их городов и поселиться там (Le Cotton Manuscrit 1896: 150–152).

Правление сына Филиппа Храброго и Маргариты Мальской Жана Бесстрашного оказывается в этом плане достаточно противоречивым. С одной стороны, он, несомненно, рассматривал Францию как сферу своих политических интересов (что привело к обострению борьбы бургундцев и арманьяков), а Париж — как «свой» город. И именно к этому времени относится значительное усиление бургундского влияния в самом Париже. Большая часть его горожан еще долгое время сохраняла свои пробургундские симпатии, завоеванные во многом благодаря популистской политике Жана Бесстрашного (Juvenal des Ursins 1838: 465; “Journal” 1826: 292–293). Укрепление позиций бургундцев в городе (также как и усложнение военно-политической ситуации) наглядно демонстрирует расширение Жаном Бесстрашным парижской резиденции родителей (Отеля д’ Артуа). К ней в 1409–1411 гг. была пристроена сохранившаяся до наших дней самая высокая башня (за исключением шпилей соборов) в средневековом Париже — башня Жана Бесстрашного, жители которой могли наслаждаться не только ощущением безопасности благодаря мощным стенам, но и практически современными удобствами. Сам же герцог заседал со своим советом в тронном зале.

Но, несмотря на сохранение политических амбиций во Франции и разгоревшуюся гражданскую войну за их поддержание, при правлении Жана Бесстрашного начинается и процесс переноса центра бургундских владений на север. Практически не бывавший во Фландрии во время правления своих родителей (Itinéraires 1888: 235, 271–273), став графом Фландрии, Жан стремился поддерживать со своими подданными хорошие отношения. Возможно, он полагал, что именно Фландрия может послужить как опорой для ведения борьбы за Францию (в данном случае его надежды не оправдались, так как фламандцы упорно отказывались голосовать за дополнительные налоги на ведение военных кампаний за пределами графства — Vaughan 1966: 14–15, 24–25), так и надежным местом для возможного отступления (чем Жан воспользовался, сбежав в северные владения после убийства Людовика Орлеанского в 1407 г.; см.: Itinéraires 1888:

357–360). Это послужило основной причиной, по которой новый герцог Бургундский поспешил выполнить требования своих фламандских подданных, в том числе и требование о постоянном проживании в одном из городов графства либо самого герцога, либо его жены. Совет Фландрии был перенесен во фламандскую часть графства — сначала в Ауденарде, а затем в Гент (*Itinéraires* 1888: 347–349; *Le Cotton Manuscrit* 1896: XXVII).

Несмотря на всю занятость внутрифранцузскими делами, герцог проводил во Фландрии по несколько месяцев в году (больше, чем в городах южной части владений), а в его отсутствие графством лично управляли его жена Маргарита Баварская (до 1409 г.) и сын граф де Шароле — будущий герцог Филипп Добрый (после 1409 г.) (*Itinéraires* 1888: 370, 380, 382, 392, 401–412, 414, 424–427, 433). Постепенно главным местом пребывания бургундского двора во Фландрии в этот период становится Гент. И, несмотря на то, что он не смог победить Париж в борьбе за внимание герцога, укрепилось его положение по сравнению с Дижоном как политического центра непосредственно бургундских владений.

Ведущая роль фламандских городов (Гент постепенно был сменен Брюгге) сохранялась и на протяжении части правления Филиппа Доброго, вынужденного ради сохранения англо-бургундского союза, заключенного после убийства Жана Бесстрашного, практически полностью отказаться от каких-либо политических амбиций во Франции и сосредоточить свои усилия на расширении владений в Нидерландах (*Armstrong* 1983: 343–345). Париж, где бургундцев по-прежнему любили и ждали, потерял, таким образом, свое значение как центр пребывания бургундского двора. В то же время, значительное расширение территории бургундских владений в период правления Филиппа Доброго привело к тому, что у фламандских городов появились серьезные конкуренты в виде городов Брабанта (в первую очередь Брюсселя и Мехелена), также претендующих на роль политических центров бургундского государства. Неудачное развитие отношений Филиппа Доброго с Брюгге (восстание 1437 г.), а затем и с Гентом (восстание 1451–1453 гг.), привело к тому, что герцог стал предпочитать пребывание в спокойном Брюсселе визитам в склонные к мятежам фламандские города. Значительную роль при Филиппе Добром играл и центр французской Фландрии Лилль.

Но стоит отметить, несмотря на ведущую роль, то одного, то другого города в качестве места расположения бургундского двора в разные периоды правления Филиппа Доброго (а затем и Карла Смелого), они были основными, но далеко не единственными политическими центрами бургундского государства, двор которого продолжал периодически перемещаться по значительной части его территории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Armstrong C.A.J.* England, France and Burgundy in the fifteenth century. London, 1983.
- Froissart J.* Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merveilles emprises noble aventures et faits d'armes advenus en son temps, en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portingal et les autres parties / Nouvellement revues et augm. d'après les manuscrits, avec notes, éclaircissements, tables et glossaires par J.A.C. Buchon. Paris, 1835. Vol. 2.
- Itinéraires de Philippe le Hardi et de Jean sans Peur, ducs de Bourgogne (1363–1419), d'après les comptes de dépenses de leur hotel / Recueillis et mis en ordre par E. Petit. Paris, 1888.
- “Journal d'un Bourgeois de Paris” // *Monstrelet E. de.* Chroniques. Paris, 1826. Vol. 15.
- Juvenal des Ursins J.* Histoire de Charles VI, roy de France // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France / Ed. J.A.C. Buchon. Paris, 1838. Vol. 11.
- Le Cotton Manuscrit Galba BL / Annoté par M.L. Gilliodts van Severn. Bruxelles, 1896.
- Rémission pour les attornés de Senlis, qui avaient rappelé leur contingent de l'armée de Flandre. (Février 1383) // Choix de pieces inédites relatives au règne de Charles VI. / Ed. L. Douët -d'Arcq. Paris, 1863. T. 1.
- Tabri E.* The Funeral of Duke Philip the Good. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.essaysinhistory.com/articles/2012/84>, дата обращения — 22.07.2013].
- Vaughan R.* John the Fearless. The growth of Burgundian power. London, 1966.
- Vaughan R.* Philip the Bold. The formation of the Burgundian state. London; New York, 1979.

А.С. МАКАРЫЧЕВ

ОТ БОННА К БЕРЛИНУ

ИДЕНТИЧНОСТЬ, НОРМАЛИЗАЦИЯ, ГЕГЕМОНИЯ

Дискуссии о столице воссоединенной Германии стали первым и поэтому чрезвычайно важным этапом дебатов о «нормализации», на многие годы определивших сложный процесс реформирования немецкой идентичности. Данный сюжет представляет интерес как один из наглядных примеров очевидного преобладания нормативно-идеологических аргументов над материальными в вопросе о местоположении столицы — одного из ключевых компонентов государственности. С академической точки зрения, эти дискуссии продемонстрировали полную релевантность аргументов сторонников школы критической (и близкой к ней в России гуманитарной) географии о неизбежности наполнения имен городов социокультурными и — на их основе — политическими смыслами. С методологической точки зрения, такие подходы базируются на комбинации конструктивистского тезиса о социальном формировании норм, определяющих идентичность политических акторов, и постструктуралистского тезиса о расколе в характере любой идентичности.

Дебаты о столичности продемонстрировали, что идентичность формулируется и кристаллизуется через разрывы и разломы, каждый из которых несет в себе глубокие символизм и метафоричность. Вопрос о столице после воссоединения рассматривался преимущественно не как экономический или административный, а как вопрос о германском будущем, что и предопределило глубоко политический характер дебатов.

С семантической точки зрения, Бонн играл роль символа Германии, глубоко укорененной в структурах ЕС и вызывающей доверие у европейских партнеров. Соответственно, Бонн олицетворял собой пост-национальную Германию, и за его сохранение в качестве столицы выступали те, кто считал национальные символы и соответствующую идентичность ненужными для нового

поколения немцев. Сторонники сохранения за Бонном столичного статуса активно использовали и внутренний аргумент о том, что небольшой город гораздо лучше отражает смысл федерализма, чем доминирующая метрополия. С этой точки зрения, не случайно, что в относительно успешных странах (США, Канада, Швейцария, Бразилия, Турция) столицами являются не крупнейшие города. Соответственно, Берлин как мега-город в представлениях «боннской» партии воспринимался как не соответствующий духу германского федерализма и ассоциировался с централизмом, милитаризмом, империализмом, нацизмом и пр.

Противоположная сторона непосредственно связывала свою позицию с концепцией нормализации Германии (Höfer 1991), то есть ее возврата от статуса страны с усеченным суверенитетом к полноценному национальному государству. Соответственно, Бонн в этом смысловом контексте описывался как временная, вынужденная столица государства с ограниченным суверенитетом. Возврат же к Берлину означал окончание целого периода «ненормального» состояния раскола крупнейшей европейской нации, лишенной полноценной государственности. В дискуссии о нормализации Берлин репрезентировался как «естественная» столица Германии. Бонн же сделал бы столичность скорее символической и лишенной внутреннего содержания.

В рамках этой аргументации Берлин ассоциировался не столько с самыми темными страницами германского прошлого, сколько с сопротивлением коммунистическому тоталитаризму и с духом свободы времен Холодной войны. Берлин был семантически переобозначен как город, где происходили важнейшие события Холодной войны — строительство стены, противостояние на Чекпойнт-Чарли, исторический визит Джона Кеннеди с его вошедшей в историю фразой «Я — берлинец» и пр. Столичность Берлина после 1989 г. стала преподноситься в качестве важного символа преодоления раскола не только Германии, но и всей Европы. С этой точки зрения, на востоке Германии должен быть центр политического притяжения и влияния, который был бы способен сбалансировать преобладание западногерманских городов в экономике, технологиях, инновациях и пр. (Мюнхен, Франкфурт, Штутгарт) (Thierse 1991). В этом контексте Берлин стал символом интереса и открытости Германии к Восточной Ев-

ропе (Salz 1991): «Европа — это не только Западная Европа» (Schäuble 1991).

Кроме того, Берлин выигрывал за счет имиджа динамичного современного мегаполиса с необходимой инфраструктурой столичности. Переезд органов власти в Берлин — решающий шаг на пути его превращения в крупнейший мегаполис (Bluem 1991), плотно насыщенный глубокими политическими смыслами. Берлин стал «городом коммеморации», успешно переформировавшим свое урбанистическое пространство для критического переосмысления двух трагедий — национал-социализма и коммунизма (Bach 2013: 31–32). Благодаря этому политическая миссия Берлина распространяется далеко за пределы Германии, поскольку она состоит в формировании универсальных символов гуманизма и демократии. Берлин успешно продвигает свой обновленный бренд как города, открытого плюрализму и толерантности и способного извлекать уроки из тоталитарного прошлого.

Особенно ярко эта функция Берлина проявляется в его музейном ландшафте, насыщенном глубоко политическими смыслами. *Музей европейской культуры* в Далеме — это последовательная репрезентация германской идентичности как глубоко укорененной в европейских традициях и принципиально открытой любым формам культурного разнообразия. Европа, одним из политических центров которой является Берлин, — это континент миграций и интерфейс межкультурных встреч и диалогов. Музей современного искусства *Hamburger Bahnhof*, открытый в нынешнем виде в 1996 г., позиционирует себя в качестве фактического преемника аналогичного музея, закрытого нацистами в 1937 г. и возрожденного только в объединенной Германии. Доминирующая в нем культурная линия четко указывает на единство евроатлантических традиций городского авангарда. Выставка «Разделенное небо» в Национальной галерее — это художественная репрезентация эпохи Холодной войны, одним из центров которой стал Берлин, с точки зрения современного — а значит трансграничного — взгляда на новейшую историю. Зрители видят десятилетия идеологического противостояния во всех их бытовых подробностях, которые сейчас воспринимаются как глубоко политические, — музыка, потребление, модели социального поведения.

Однако, конечно же, процесс конструирования политической идентичности Берлина содержит в себе различные акценты и зоны как повышенного внимания, так и умолчания. Допустим, интерактивный музей *Dungeon*, открытый в 2013 г., предлагает сопровождаемое звуковыми эффектами и тактильными ощущениями путешествие во времени по темным эпизодам истории Берлина. В программе есть и эпидемия чумы, и «охота за ведьмами», и комната пыток с анатомическим театром, однако XIX и XX века в ней не представлены, хотя их театрализация могла бы пополнить новыми красками нарратив в жанре исторического хоррора. Легко предположить, что внесение в сюжетную линию сцен из относительно недавнего прошлого превратит их в вариант коммерческо-развлекательного и игрового продукта, а не оценочной рефлексии.

Другим примером субъективной — а поэтому оставляющей место для индивидуальных прочтений — интерпретации истории является *Еврейский музей* в Берлине, построенный по проекту архитектора-концептуалиста Даниеля Либескинда. Открытый в 2001 г., он несет в себя принципиально важный для Берлина политический смысл, связывающий идентичность Берлина с традициями мультикультурализма, разнообразия и социокультурной интеграции. По сути, здесь мы видим двойной жест гегемонии в категориях Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф: гегемонистской является как семантическая привязка коллективного «я» к одной из социо-этнических групп, так и публичная демонстрация модельности Берлина в вопросах толерантности в рамках всей Европы и даже Запада. Однако при этом некоторые авторы полагают, что концепция Еврейского музея делает больший акцент на воссоздании ностальгической и идеализированной атмосферы толерантности и инклюзивности многосоставного германского социума, а не на артикуляции чувства вины и раскаяния за Холокост (Sodaro 2013: 90).

Таким образом, постепенное вхождение Берлина в роль не только административной столицы Германии, но и ее политического центра, основывалось на определенной системе политических «посланий», сформировавших вполне устойчивый дискурс берлинской идентичности. Как мы показали, его семантические «волны» распространяются далеко за пределами ФРГ и могут

быть поняты только в более широком европейском контексте. Этот дискурс не является однородным, постоянно встречаясь со случаями оспаривания гегемонистских артикуляций, но именно в этой мобильности и формируются отношения власти, генеалогически уходящие своими корнями в ресигнификацию (переозначение) германской истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bach J.* Memory Landscapes and the Labour of the Negative in Berlin // International Journal of Politics, Culture and Society. 2013. No. 26. P. 31–40.
- Bluem N.* Rede vor dem Deutschen Bundestag am 20. Juni 1991. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/20-jahre-hauptstadtbeschluss/39742/rede-norbert-bluem>, дата обращения — 22.07.2013].
- Höfer M.A.* Die “Berliner Republik” als Kampfbegriff? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2001. Bd. 51(1–2). S. 27–30.
- Thierse W.* Rede vor dem Deutschen Bundestag am 20. Juni 1991. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/20-jahre-hauptstadtbeschluss/39743/rede-wolfgang-thierse>, дата обращения — 22.07.2013].
- Salz A.* Bonn — Berlin: Die Debatte um Parlaments- und Regierungssitz im Deutschen Bundestag und die Folgen. Magisterarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium M.A. orgelegt der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn, 2006.
- Schäuble W.* Rede vor dem Deutschen Bundestag am 20. Juni 1991. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-einheit/20-jahre-hauptstadtbeschluss/39744/rede-wolfgang-schaeuble>, дата обращения — 22.07.2013].
- Sodaro A.* Memory, History, and Nostalgia in Berlin's Jewish Museum // International Journal of Politics, Culture and Society. 2013. No. 26. P. 77–91.

К.А. МЕДЕУОВА

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТОЛИЧНЫХ ПРОЕКТОВ XX ВЕКА *

В современных городских исследованиях городам-столицам отводится роль основного репрезентанта культуры, особого пространства, в котором можно исследовать то, как происходит конструирование и поиск идентичности не только в конкретно взятом государстве, но и то, как влияет мировое сообщество на внутренние процессы национального строительства и то, каким образом формируются основные этические нарративы современности.

На классическую урбанистку и урбанологию повлияли марксистские и позитивистские гранд-теории, в которых этическая составляющая была, несомненно, важной, поскольку именно через идеи справедливого распределения и расселения, доступности общих городских благ шло конструирование представлений о должном (будущем) справедливом мире.

Особенностью XX в. является то, что всякий новый город, создаваемый в текущий момент времени, создавался как идеальный город. Пережив стадию хаоса исторического города, подвергнув исторические города грандиозным перестройкам, отражавшим промышленные индустриальные изменения в теле города, новый город по определению не мог быть неидеальным. Интенция идеальности в данном контексте воспринимается как его функциональность, как его жизненность. По словам В. Вахштайна, в XX в. города строились и перестраивались при «помощи мощного ресурса формально-рационального мышления, воплощенного в планировании и проектировании мест» (Вахштайн 2013).

Видимо, такое формально-рациональное мышление, основанное на представлении о пространстве как «однородном и гомогенном, изначально не наполненном и лишь предназначенном для на-

* Статья написана в рамках проекта «Антропология нравственности: дискурсы и повседневные практики в современном Казахстане».

полнения телами, объектами, действиями», способствовало тому, что некоторые города для союзных столиц выбирались произвольно. Так, в советский период в Казахстане было три города, наделенные полномочиями столицы: Орынбор / Оренбург (1920–1925), Акмешит / станция Перовская / Кызыл-Орда (1925–1927), Верный / Алма-Ата / Алматы (1927–1997) и один город Семипалатинск / Алаш-кала, который был столицей Алашской автономии (1917–1920). Не последнюю роль в выборе места для столицы играл факт наличия железной дороги. Так, станция Перовская была на железной дороге Оренбург — Ташкент, а Алма-Ата — на новой железнодорожной магистрали — Турксибе.

Основная столица — Алма-Ата — являлась типично советским, может быть, даже слишком советским городом-столицей. Город был построен по классической линейной схеме социалистического города. Столичный ландшафт был оформлен в соответствии с общими идеями советской архитектурной традиции и был почти нечувствителен к нюансам национального стиля. Многие официальные сооружения Алма-Аты проектировали знаковые московские архитекторы. Наиболее емкая архитектурная цитата — комплекс зданий Академии наук КазССР по проекту А.В. Щусева.

В советский период для Алматы, как и для каждой союзной столицы, была отведена своя роль в общей схеме размещения производительных сил. Эта была роль центра легкой промышленности, созданной в том числе для того, чтобы обеспечить женщин региона работой. Удельный вес легкой промышленности составлял 15,8 % от всех объемов производства Казахстана, и она формировала 25 % бюджета республики. Флагман легкой промышленности и одно из градообразующих предприятий — Алматинский хлопчатобумажный комбинат (АХБК) — был одним из крупнейших в отрасли в СССР. Но с момента своего запуска в 1965 г. для местного населения он всегда был избыточным. Загрузка мощностей была неполной, и для работы на комбинате был организован поток переселенцев из центральной России. Такие специализированные городские районы, как АХБК или АДК (Алматинский домостроительный комбинат, созданный в 1956 г.), заблокировали дальнейший рост и возможную перестройку больших районов. И инфраструктурно к 90-м годам Алмата уже не могла развиваться согласно идеологии линейного города.

Низкая плотность населения в Казахстане и соседство стран и регионов с более высокой плотностью, а, следовательно, и потенциалом к дальнейшему росту создали фундаментальную разницу в «экономическом давлении», которая существенно влияла на особенности экономического развития Казахстана. Размещение разного вида военных полигонов, стартовых и посадочных площадок для космических аппаратов, эксперименты с освоением целинных и залежных земель — все это внесло свои коррективы в возможные сценарии развития казахстанских городов и, несомненно, повлияли на столичный облик Алматы.

Крупнейшие градообразующие предприятия советского периода давно утратили свои производственные цеха, территории отданы в аренду чаще всего транспортно-логистическим компаниям, которые используют их под склады. Алмата развивается как мощная перевалочная база для товаров из Китая. Алматинская барахолка — это наиболее одиозный в своей успешности сюжет 90-х годов. Алмата — это единственный город в Казахстане, где налоговые поступления от малого и среднего бизнеса составляют половину городского бюджета.

После развала СССР бывшие столицы союзных республик получили дополнительный импульс к созданию национальной архитектуры, отражавшей потребность в новых идентификационных кодах. Очевидно, что основное напряжение века получало свою разрядку в создании новых городов. Принципиальное отличие этих городов от исторически сложившихся было в том, что они создавались согласно определенным целям, коррелировавшим с идеологией нового мира.

Этический аспект для архитектуры наиболее отчетливо проявлялся в способе мыслить, исходя из посылок мира, разделенного на мир революционный (преобразованный и преобразующийся) и мир консервативной историчности. Архитектура, становясь социально чувствительной к мировоззренческим проекциям века, сохраняет некоторые стилевые реверсы в прошлое (историзм). Такие программные проекты как Баухауз, проекты Красной Вены и отчасти проекты уравнилельной утопии советских «хрущевок» создали основной тренд этического измерения для XX в.: благоустроенное жилье для рабочих, всеобщее образование, комфортные

школы, доступные детские сады, медицинские учреждения и главное — повышение уровня культуры новых городских жителей.

Советские города были городами с преимущественным преобладанием минималистского и уравнительного с этической точки зрения стиля архитектуры, за исключением городов-столиц. Между союзными столицами шло негласное соревнование за лидерство в архитектурном плане. Респонденты из числа советских архитекторов рассказывали о том, как пытались обходить контрольные органы в Москве, для того, чтобы продвигать знаковые столичные проекты. Между Ташкентом и Алматой было соревнование в высоте главных гостиниц, телевизионных башен. Архитекторы рассказывали, что приходилось идти на ухищрения преодолевая советские СНИПы, ссылаться на особый региональный статус солидарности и сооружать оригинальные объекты.

Таким объектом для Алма-Аты стал банно-оздоровительный комплекс Арасан. В устной традиции уникальность объекта подчеркивалась тем, что «молодой архитектор, прежде чем приступить к проектированию, изучил весь мировой опыт строительство терм и бань, объездил весь Союз и спроектировал такой объект, которого нигде в Союзе больше не было»¹. Кроме того этот объект вошел в анналы советской архитектуры как один из первых объектов постмодернистской архитектуры. Об этом писал А.В. Иконников, обратив внимание на соединение национальных оформительских сюжетов и технологии промышленного типа.

Подобные объекты остаются символами прошлых идентичностей, сохранившимися маркерами советскости в столицах новых независимых государств. Идентичность — это всегда артикулируемая практика, пространство в столицах гиперсимволично.

Поэтому для новой столицы Казахстана — Астаны — была выбрана тактика приглашения брендовых архитекторов с мировым именем для того, чтобы создавался прецедент нового. В концепции Кисе Куракавы было предложено воплотить в Астане проект симбиотического города. Эта идея высказывалась им во всех его интервью, которые он давал по поводу Астаны. Симбиотическая утопия может считаться разновидностью постмодернистской утопии.

¹ Над проектом работала большая команда казахстанских архитекторов — К.Н. Мусин, К.Р. Тулебаев, В.Т. Хван и др.

Ключевым в определении характера и природы такой утопии является то, что классические города и классические теории города работают чаще всего с европейскими городами. Методологически это субстанциональный подход к истории, культуре, тогда как благодаря японским архитекторам сформировалась полярная точка зрения на сущность мирового города. Речь не идет о восточном городе, речь скорее о сущностной модели современного города, не отягощенного архетипами западного города. В постмодернистской методологии обращается внимание на эту дихотомию западных и восточных означающих. Для ведущих казахстанских архитектурных критиков, таких как А. Чиканаев и А. Сабитов, архитектура Астаны однозначно классифицируется как постмодернистская. Но сам термин не стоит использовать для внешней периодизации. Скорее этот термин необходим для того, чтобы показать насколько исторический метанарратив с его линейным экстраполированием всякого национального в контекст европейских традиций изживает себя. Любой крупный город с древней историей, переживал несколько этапов своего существования. Исторически такие города формировались под воздействием различных факторов, за большие исторические промежутки сформировались однотипные проблемы, с которыми этим городам приходилось сталкиваться. Градостроительство же в Казахстане началось как бы с конца — первыми появились социалистические города, то есть города, суть которых определялась имена тем, что в них не должны повторяться проблемы исторических городов.

Новый этический подход к городу Куракавой был описан так: нет необходимости строить на века, современные архитекторы могут позволить себе строить на столько, на сколько это будет востребовано. Именно на это обратил внимание Куракава в своей концепции симбиотического города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вахитайн В.* Социология архитектурного объекта. Между формальной и практической рациональностью // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121) — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3561>, дата обращения — 27.08.2013].

Е.А. МЕЛЬНИКОВА

ОТ ЭМПОРИЯ К СТОЛИЦЕ

СРЕДНЯЯ ШВЕЦИЯ V–XIII ВЕКОВ*

Долина оз. Меларен (*Mälardalen*), соединенного с Балтийским морем узкой протокой, вход в которую был защищен шхерами, и глубоко вдающегося в сушу глубокими заливами, была в раннее средневековье одной из наиболее густо заселенных областей Швеции. Этому способствовал ряд природных факторов. Во-первых, плодородные земли Упландской равнины, перерезанной моренными грядами, благоприятствовали развитию земледелия. Во-вторых, с начала железного века (вторая половина I тыс. до н.э.) начали разрабатываться открытые железорудные месторождения на севере Упланда, откуда выплавленное железо и железная руда доставлялись к оз. Меларен («Железный путь»). В-третьих, к V в. н.э. балтийская сеть коммуникаций, начинавшаяся на датских островах, достигла восточного побережья Швеции и оз. Меларен, откуда поступало железо, распространявшееся по всей Балтике. Таким образом, Мелардален отличался от других областей Средней Швеции (Свеаланда) крайне выгодными природными условиями, обеспечивавшими его интенсивное экономическое развитие.

Одним из проявлений экономического подъема Свеаланда и его включения в систему балтийского обмена (торговли) стало возникновение эмпория на о. Хельгё (*Helgö*), в 30 км к западу от Стокгольма и примерно в 40 км от выхода в море. Поселение зародилось в III в. н.э., но превратилось в эмпорий в V–VIII вв. В это время Хельгё состоит из шести поселенческих комплексов, пяти могильников, укрепления (*borg*) и сакральной площадки (святилища). С V в. здесь прослеживается интенсивная ремесленная деятельность, прежде всего металлообработка, включая юве-

* Доклад подготовлен в рамках работы по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории» по проекту «Геокартографическая концептуализация государственного пространства: От Средних веков до Новейшего времени».

лирное дело. Наряду с производством престижных изделий, наиболее важной функцией Хельгё была дальняя торговля как с Западной, так и Восточной Европой, о чем свидетельствуют многочисленные импорты: статуэтка Будды (северная Индия, VI в.), ковшик для обряда крещения (Египет, VI в.), навершие епископского посоха (Ирландия), золотые и серебряные монеты, чеканенные в Равенне, Риме, Константинополе, на арабском Востоке. На территории Таллина в могильнике V–VI вв. (Прооза) обнаружены пуговицы, отлитые в форме, найденной на Хельгё. Через Хельгё железо поступало в Восточную Прибалтику, на Готланд и в западную Балтику.

Хельгё имело связи со знатью Упланда и правителями Упсалы (ныне Старая Упсала), которые контролировали пути от оз. Меларен к местам добычи железа: в богатейших могильниках Упланда (например, в Венделе) присутствуют импортные предметы роскоши (шелк, стекло, пряности), поступавшие через Хельгё, и ценные изделия, производившиеся там. Однако прямого влияния на эмпорий какого-либо из выделяющихся в это время локальных правителей не прослеживается.

Таким образом, Хельгё выступает как эмпорий с собственным сакральным центром. Ремесленное производство в нем ориентировано на дальнюю престижную торговлю с последующим перераспределением ценностей в среде местной знати.

В середине VIII в. в 10 км к западу от о. Хельгё возникает новый центр на о. Бьёркё (*Björkö*) — Бирка. Комплекс включал две гавани, поселение, огражденное в X в. валом, обширный могильник (но без больших, или королевских курганов) и борг («Гарнизон»). Как и Хельгё, который прекращает свое существование в IX в., Бирка прежде всего — крупнейший торговоремесленный центр Восточной Скандинавии с ярко выраженными восточноевропейскими связями, но также и с интенсивными контактами с Западной Балтикой и Фризией. Как и в Хельгё, в Бирке налажено производство различных изделий, в том числе предметов роскоши (украшений, оружия), которые поступают в дальние и местные торговые сети.

Главной отличительной от Хельгё особенностью Бирки является ее отчетливая связь с возникающей в это время центральной властью. Сходная планировка поселения — более или менее

равные участки, регулярно расположенные по отношению к гавани, — рассматривается исследователями Хедебю как показатель участия центральной власти в основании эмпория. Можно предположить, что и в Бирке возникновение поселения было не спонтанным (как на Хельгё), а инициированным местным правителем. Это тем более возможно, что в отличие от Хельгё, где улавливались лишь неопределенные отношения с локальной (племенной) знатью, то Бирка в IX в. находится под непосредственным контролем конунга. На соседнем с Бьёркё о. Адельсё в эпоху викингов находилась усадьба конунга (*Hovgården*) с тремя большими (королевскими) курганами (и еще двумя меньшего размера), могильником и руническими памятниками XI в., в надписи на одном из которых упоминается *bryti* — управляющий усадьбой конунга. По сообщению Римберта («Житие св. Ансгария», конец IX в.), описавшего две миссионерские поездки Ансгария в Бирку (829/830–831 и около 850 г.), прибывший миссионер обращается к «королю свеонов» Бьёрну за разрешением проповедовать в Бирке. «Король», как следует из этого и последующего повествования, не имеет резиденции в самой Бирке (при раскопках в ней не было найдено особой усадьбы, которую можно было бы соотнести с королевской), но в ней постоянно находится *praefectus* конунга (в терминологии Римберта — королевский наместник в каком-либо городе). Более того, конунг далеко не все время проводит поблизости от Бирки.

Бирка, таким образом, является торгово-ремесленным центром, контроль над которым — через своего наместника — осуществляет конунг, резиденция которого находится не в самой Бирке, но неподалеку от нее. Территория, на которую распространяется власть этого конунга, неясна: это мог быть какой-то мелкий правитель небольшой области на юге Упланда, но вероятнее, что уже во времена Ансгария это был «конунг Упсалы», владения которого охватывали Упланд, а, возможно, и прилегающие к нему области в Мелардален к западу и югу.

В функции конунга, осуществляемые через префекта, входило обеспечение порядка в эмпории и сбор торговых пошлин, а также оборона поселения в случае нападения врага — гарнизон располагался в борге на возвышении на берегу озера непосредственно за валом.

Еще одним отличием от Хельгё является отсутствие на самом о. Бьёркё или на близлежащих островах (в том числе на Адельсё) сколько-нибудь значительного сакрального центра. Поэтому предполагается, что таковым для Бирки являлось центральное святилище Упланда в Упсале.

К концу X в. Бирка приходит в упадок и прекращает свое существование, но за четверть века до этого, около 980 г. к северу от Бирки в одном из глубоких заливов оз. Меларен (на полпути между Биркой и Упсалой) возникает Сигтуна, которая в XI–XIII вв. играет важнейшую роль в политической и экономической жизни Свеаланда. Источники связывают ее основание с именами Эйрика Победоносного или его сына Олава Шётконунга, правивших в Свеаланде около 970 – около 995 и около 995 – около 1020 гг. соответственно. Она отличается регулярной планировкой, ориентированной на гавань. Наряду с торгово-ремесленными функциями, Сигтуна изначально становится центром королевской власти: с конца X в. здесь начинается чеканка собственной монеты, а после принятия христианства конунгом и его окружением в начале XI в. — церковным центром, в котором в 1060 г. была учреждена первая епископия в Свеаланде. Сигтуна продолжает интенсивные торговые связи с Западной и особенно Восточной Европой, в ней, видимо уже в XI в., открываются торговые дворы фризских и, как предполагается (впрочем, без достаточно серьезных оснований, кроме большого количества древнерусских импортов), русских купцов.

Наконец, в середине XIII в. регент Швеции ярл Биргер, согласно «Хронике Эрика», возводит укрепления в стратегически ключевом пункте — у входа в оз. Меларен из Балтийского моря на месте небольшого поселения эпохи викингов. Под их защитой на *Stadsholmen* (совр. *Gamla Stan* — «Старый город» в Стокгольме) вырастает средневековый город, который впервые упоминается в письменных источниках в 1252 г. Бурный рост Стокгольма связан с экспортом железа, доставлявшимся в Стокгольм водным путем по оз. Меларен, и с ганзейской торговлей, позволившей установить экономические и культурные контакты с Любеком, Гамбургом, Гданьском, Ригой. Одновременно Стокгольм становится новым политическим центром, оплотом рода Фолькунгов, к которому принадлежал Биргер и который противостоял старой упсальской

знати, средоточием которой была Упсала. Сын Биргера Магнус Ладулос (1275–1290) делает Стокгольм своей постоянной резиденцией и местом пребывания органов государственного управления, но — в силу дальнейшего политического развития (унии с Норвегией и Данией) — Стокгольм приобретает значение столицы Швеции в 1436 г., а признается таковой официально в 1634 году.

Переход от эмпории к столице государства в Свеаланде, а затем в Швеции, таким образом, был длительным процессом, в котором основополагающую роль играли три фактора. Во-первых, географические факторы — большая протяженность и многочисленность глубоко вдающихся в сушу заливов оз. Меларен, его связь с Балтийским морем, плодородные почвы и наличие открытых залежей железной руды — обусловили значение Мелардален как наиболее развитой экономически, а затем и политически области раннесредневековой Швеции. Во-вторых, благодаря географическим преимуществам Мелардален, прежде всего, возможности вывоза железа, а также давним связям с Восточной Прибалтикой и Финляндией, откуда поступала пушнина, оз. Меларен стало крайним северо-восточным узлом балтийской системы торговых коммуникаций. Как и в других узловых пунктах этой системы, на островах оз. Меларен с V в. возникают сменяющие друг друга центры ремесленного производства, ориентированного на рынок, и торговли, приобретающие со временем политические функции. В-третьих, смена местоположения эмпориев оказывается теснейшим образом связанной с формированием центральной власти в Свеаланде. Если в Хельгё прослеживаются лишь торговые связи с очагами власти в Упланде, то Бирка контролируется непосредственно конунгами Упсалы, а Сигтуна становится политическим и церковным центром Свеаланда, позднее — объединенной Швеции. Время смены эмпориев / городов согласуется с кардинальными изменениями в становлении и укреплении центральной власти в Свеаланде. Определенную роль мог сыграть и дополнительный географический фактор: лежащий ближе всего к выходу в Балтийское море Хельгё сменяется более отдаленной от моря Биркой и находящейся в глубине одного из заливов Сигтуной, что повышало безопасность поселения. Стокгольм же возникает у входа в оз. Меларен как оборонительная крепость и лишь длительное время спустя превращается в город и столицу шведского государства.

Илл. 1.
Торгово-ремесленные центры Средней Швеции.

И.Ю. ОКУНЕВ

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ СТОЛИЦЫ В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

МИРОВОЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент ее административно-территориального устройства, системы взаимоотношений «центр-регионы» и региональной политики государства. Именно поэтому институт столицы в федеративном государстве сегодня подвергается серьезным модификациям, рассмотрению характера и причин которого и посвящена данная работа.

Основными причинами модификации института столиц в федеративном государстве можно считать следующие:

- процесс федерализации, связанный, как правило, с процессом децентрализации государства, предполагает «децентрализацию» функций столицы, то есть сокращения ее влияния на сферы, которые переходят с федерального на региональный уровень ответственности;
- возникновение в федеративном государстве дихотомии: столица — административный центр государства и столица — самостоятельный регион государства;
- федерализация, как правило, повышает статус иных, кроме столицы, административных центров страны, что приводит к необходимости пересмотра устоявшихся отношений между ними и столицей.

Можно выделить следующие основные тенденции модификации роли столицы в федеративных государствах:

1. Современные государства можно разделить на моноцентричные (обладающие одним центром, значительно превосходящим другие по влиянию, — Франция, Великобритания) и полицентричные (обладающие несколькими примерно равнозначными

центрами влияния, — США, ФРГ). Центры же государств бывают полифункциональными макроцентрами и монофункциональными микроцентрами. Соответственно, можно предложить следующую классификацию столиц:

- столицы первого типа — макростолицы моноцентричных государств (Лондон, Париж),
- столицы второго типа — макростолицы полицентричных государств (Берлин, Рим),
- столицы третьего типа — микростолицы полицентричных государств (Канберра, Бразилиа).

Новые столицы федеративных государств явно тяготеют к третьему типу (Швейцария, Нигерия, Бразилия, Австралия, ЮАР, США, Канада и др.).

2. Функции федеративной столицы часто распределяются между несколькими городами (Швейцария, ФРГ, ЮАР).

3. В федеративных государствах усиливаются центростремительные тенденции при выборе столицы. Это является ответом на общее усиление центробежных сил, присущее федеративным государствам. Поэтому при переносах столиц в федеративном государстве (равно как и при переводе части функций в иной город), новая столица чаще будет оказываться ближе к географическому центру страны, нежели в унитарных.

4. Федеративная столица часто формирует отдельный регион государства (ФРГ, Россия).

5. Федеративная столица может получать особый статус с объемом прав, отличающимся от объема прав других регионов (США).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в настоящее время значительно изменяется характер института столицы в современном государстве. Столица все меньше воспринимается как географический объект, а все больше как функция, которой, например, можно наделить один город или распределить между несколькими городами. При этом между федеративным государством и столицей устанавливаются некие «договорные» отношения. В этом плане наиболее показателен концепт «федерального города» в Швейцарии.

Анализируя российский опыт, следует сказать, что слаборазвитость федеративных практик не проявляет характерные для других государств тенденции модификации роли столицы в нашей стране. Однако на рудиментарном уровне они существуют (например, распределение столичных функций между Москвой и Санкт-Петербургом), хотя нельзя не признать, что федеративная составляющая их причинности явно невелика.

О.В. ОКУНЕВА, Л.С. ОКУНЕВА

ТРИ СТОЛИЦЫ В ИСТОРИИ БРАЗИЛИИ

ПЕРЕНОС СТОЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ (XVI–XX ВЕКА)

В 2012–2013 гг. дискуссии о переносе столицы России «за Урал» — в Сибирь, на Дальний Восток, да и собственно на Урал как место соединения Европы и Азии, символизирующего в глазах приверженцев евразийства квинтэссенцию российского цивилизационного кода, — вышли за рамки обсуждений в кругу узких специалистов и стали частью дебатов в экспертном сообществе. Обсуждался вопрос о том, насколько перенос столицы из Москвы соответствовал бы целям и перспективам экономического развития России, был бы способен придать этому процессу необходимое ускорение. Поднимался вопрос о географических, геополитических, политических, культурных критериях при выборе оптимального местоположения для будущей столицы. В связи с этим участники дебатов, в том числе и историки, приводили многочисленные аргументы и исторические примеры. Отмечалось, в частности, что если в небольших по размеру странах, где государство складывалось вокруг города-символа национального единства, столицы остаются на традиционном месте, то в больших и относительно молодых странах (США, Канада, Австралия) в качестве столицы избирался не бурно растущий и многолюдный город, а, напротив, скромное поселение.

И, конечно, в ряду исторических примеров (Германия: Берлин — Бонн — Берлин; Казахстан: Алма-Ата — Астана) одно из центральных мест в обсуждениях в СМИ занял «случай Бразилии», где строительство в глубине территории страны новой столицы, в прямом смысле слова «на пустом месте», и перенос туда столичных функций из прежней столицы — Рио-де-Жанейро, трактовался и как пример упрочения государства как такового (историк А. Галкин), и как классический образец усилий по более

сбалансированному развитию государства, и как своего рода «новая модель для учебников градостроительства» (доклад «К Великому океану, или Новая глобализация России», подготовленный к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г.). Оппоненты же данной точки зрения утверждали, что перенос столицы в г. Бразилиа ничего не дал, так как «жизнь по-прежнему кипит в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро», а новый город, помимо столичных функций, ничем другим похвастаться не может (политолог Д. Орешкин). Критиковались и собственно градостроительные решения — «гигантские пустующие площади, малопривлекательные торговые улицы» (архитектор С. Чобан).

Оставляя в стороне спектр мнений по вопросу о переносе столицы в Бразилиа, отметим, что в истории Бразилии столица переносилась дважды, а всего их было три. Обратимся к историческим обстоятельствам бразильского варианта «решения столичного вопроса».

В мировой истории перенос столицы государства всегда был обусловлен рядом факторов: географических, территориальных, экономических, политических. Важнейшими предпосылками становились обстоятельства, связанные с необходимостью развития и введения в хозяйственный оборот обширных территорий, определения и уточнения общей конфигурации границ государства. «Случай Бразилии» с ее тремя столицами служит иллюстрацией трех основополагающих причин выбора местоположения столичного центра — традиционного места первого поселения, «экономической необходимости» (как освоения и экономического развития внутренних территорий страны, так и сглаживания территориально-региональных диспропорций, а также более равномерного размещения производительных сил и экономических ресурсов), демаркации границ. Именно в силу этого уникального сочетания бразильский исторический опыт переноса столицы государства предстает как весьма репрезентативный.

Первая столица Бразилии была основана в 1549 г. недалеко от Порту-Сегуру — места первой высадки португальцев на берегу будущей колонии. Первоначальное название города, ставшего административным центром колонии, — Св. Салвадор-в-Бухте-Всех-Святых. Он был основан по приказу португальского короля Жуана III как крепость и стал местом пребывания первой колониальной

администрации в лице генерал-губернатора Томе де Соуза (1549–1553). В XVI–XVII вв. Салвадор превратился в крупнейший порт, через который осуществлялся экспорт сахара — главной продукции колонии. Роль первой столицы Бразилии начинает снижаться только после открытия в конце XVII–XVIII вв. золотых и алмазных месторождений в капитанстве Минас-Жерайс. Жажда обогащения гнала население Северо-Востока вглубь страны, прибрежные регионы обезлюдели, их хозяйство оказалось заброшенным.

Какие же факторы обусловили перенос административного центра колонии с севера на юг? С одной стороны, это были глубинные тенденции, «переформатировавшие» модель экономического развития колонии (открытие месторождений золота и драгоценных камней). С другой стороны — конкретная политическая ситуация, которая сложилась в результате новой расстановки сил в Европе по итогам Семилетней войны (1756–1763) и повлекла за собой новый виток пограничных споров в Южной Америке.

Главной причиной, резко преобразившей облик и историческую судьбу Рио-де-Жанейро, стала «золотая лихорадка» — открытие золотоносных рудников в не имевшем выхода к морю соседнем регионе Минас-Жерайс, к северу от Рио-де-Жанейро. Открытие золота и алмазов в бразильской колонии поставило португальскую корону перед необходимостью контролировать потоки золота, препятствовать его контрабанде. С этими функциями вполне мог справиться Рио-де-Жанейро, находившейся на своеобразной «разделительной линии» между внутренними районами, с одной стороны, и океаном — с другой. Географическое положение Рио-де-Жанейро, расположенного по обоим берегам бухты Гуанабара, открывавшей выход в Атлантический океан, способствовало и превращению города в главный порт, куда вначале привозили добытое золото с целью его дальнейшей транспортировки в Лиссабон, а затем — в место прибытия сотен тысяч рабов, которых переправляли на рудники. Со своей стороны, работорговля превратилась в источник невероятно быстрого обогащения: к концу XVIII в. каждый пятый житель Рио-де-Жанейро был вовлечен в эту сферу деятельности.

Обстоятельства международного характера, потребовавшие переноса столицы из Салвадора в Рио-де-Жанейро, были связаны

с необходимостью демаркации южных границ колонии. Там находились спорные территории, где столкнулись колониальные интересы Испании и Португалии. В этих условиях премьер-министр Португалии маркиз де Помбал в 1763 г. принимает решение перенести столицу колонии с севера в Рио-де-Жанейро. Казалось бы, с точки зрения пограничных проблем столица приближалась к месту возможных военных действий, а не удалялась от них. Но португальская корона решила, что в случае нападения с юга (со стороны Рио-де-Ла-Платы) вице-король, находящийся в Рио-де-Жанейро и облеченный прежде всего (и в основном) военными полномочиями, смог бы лучше организовать отпор.

Таким образом, причиной перемещения главного города колонии в XVIII в. стала совокупность экономических и «пограничных» факторов.

После переноса столицы из Салвадора в Рио-де-Жанейро генерал-губернатор стал именоваться вице-королем, что придавало наместнику короны больший вес в глазах населения, в глазах которого он становился олицетворением самого короля. Вместе с тем «вице-король, повелевавший морем и землями Бразилии», обладал в большей степени номинальной, «почетной», чем реальной властью: ведь именно Лиссабон как столица метрополии был подлинным центром принятия решений и подлинной столицей португальской Америки.

С точки зрения административного устройства перенос столицы с севера на юг Бразилии не потребовал серьезной адаптации Рио-де-Жанейро к исполнению новых функций. С первой половины XVIII в. город развивался не только как торговый и военный центр; он стал и местом пребывания некоторых административных структур, таких как генеральное интендантство золотодобычи и апелляционный суд (с 1751 г.). Новая столица была призвана задавать тон и в культурной и интеллектуальной жизни колонии.

С переездом же в 1808 г. в Бразилию португальского королевского двора новая столица начинает постепенно превращаться в столицу будущей империи, пройдя предварительно этап столицы Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви (1815 г.).

После прибытия в колонию португальского двора Рио-де-Жанейро пережил настоящий взлет. Здесь были созданы такие

королевские учреждения, как Национальная библиотека, типография, ботанический сад, театр св. Иоанна, ряд академий — живописи, скульптуры и архитектуры, военная, военно-морского флота, медицины и хирургии, начала издаваться первая бразильская газета. Из Лиссабона в Рио переезжают и министерства — по делам заморских территорий, военно-морского флота, военное, иностранных дел, финансов, юстиции, торговли, сельского хозяйства и судоходства. Таким образом, к моменту провозглашения независимости (1822 г.) и создания империи (1824 г.) Рио-де-Жанейро — теперь уже как официальная столица бразильской империи — обладал всей необходимой административной инфраструктурой.

Статус центра империи стал залогом расцвета Рио-де-Жанейро. И это невообразимое для колониальной истории событие — физическое «совмещение» двух столиц посредством перемещения столицы метрополии в столицу колонии и превращение последней в главный город возникшей империи — стало, без всякого преувеличения, уникальным фактом мировой истории.

В XIX в. первая столица Бразилии — Салвадор — все больше превращается в центр хотя и важной, но лишь одной северо-восточной провинции (Баия). И хотя она демонстрирует немалый демографический рост, продолжает оставаться местом пребывания архиепископа Бразилии, а ее портовое хозяйство по-прежнему играет важную роль в деле международной торговли (экспорт сахара, табака, а также хлопка, какао, драгоценных камней и уже в последние годы XIX в. — кофе), — несмотря на все это, старая столица бесповоротно «померкла» перед главным «действующим лицом» бразильской государственной территориальности XIX в. — Рио-де-Жанейро.

Однако XX в., наряду с изменением основных параметров бразильской истории, принес и очередной — второй — перенос столицы страны. Если первый перенос можно назвать стихийным, обусловленным историческими обстоятельствами, связанными с открытием и освоением новых пространств, богатых полезными ископаемыми, то второй стал результатом целенаправленной политики государства по развитию самых отсталых и исключенных из хозяйственного оборота территорий. Если первый вариант был переносом столицы из одного города в другой,

уже имевшийся и развивавшийся как город, то второй означал сооружение столичного центра на пустом месте.

Время второго перемещения столицы пришло с правлением президента Жуселину Кубичека (1956–1961). Стратегическим курсом его президентства стала политика ускоренного экономического роста (при крупной роли государства как локомотива развития), который позволил бы обеспечить устойчивые темпы развития, привести к сглаживанию региональных и социальных диспропорций, создать такие условия, которые гарантировали бы победу современного сектора над традиционным и в конечном счете были бы направлены на преодоление отсталости. Не случайно главным лозунгом правления Кубичека стали слова: «за пять лет пройти путь длиной в 50 лет». В контексте подобного подхода развитие неосвоенных территорий центр-запада страны превращалось в задачу поистине общенационального значения. И эта задача была с энтузиазмом поддержана обществом.

В экономическом плане Кубичека под названием «Программные цели» один из главных пунктов был посвящен строительству новой столицы, для чего был создан специальный орган под названием «Новая столица» (*Novacap*, от порт. *Nova capital*) и выбрано место — на расстоянии одной тысячи километров от побережья и на высоте более тысячи метров над уровнем моря.

При всей неожиданности данного решения подобная идея оказалась отнюдь не нова.

Интересно, что хотя эти места, до открытия Бразилии населенные индейцами, представляли собой абсолютно заброшенный, труднопроходимый и засушливый, крайне тяжелый в климатическом отношении регион, именно они были предложены для столичного строительства маркизом де Помбалом, впервые (в 1761 г.) выдвинувшим идею переноса столицы вглубь колонии. В 1823 г. первый глава кабинета министров независимой Бразилии Жозе Бонифасиу Андрада-э-Силва предложил назвать новую столицу «Бразилиа». В первой республиканской Конституции 1891 г. предполагалось перевести столицу федерации из Рио-де-Жанейро вглубь, в район центрального плоскогорья, для чего была создана специальная комиссия по разработке этого проекта и изучению топографических, климатических и геологических факторов, флоры, фауны и природных ресурсов территории. Сто-

лица, согласно тогдашней задумке, должна была получить название «Истинный крест» (*Vera Cruz*) — в память о данном португальцами первом наименовании всей страны. В 1922 г., в год празднования столетия независимости, президент Эпитасиу Пессоа распорядился заложить камень в основание будущей столицы; камень был заложен, однако сама эта идея материализована не была. Планы по сооружению новой столицы и будущего Федерального округа существовали и в 1950-е гг. (при президенте Ж. Кафе Филью), но только при Кубичеке они стали реальностью.

Вот почему сооружение Бразилиа рассматривалось как воплощение давней мечты, зародившейся еще во времена получения независимости. Ведь именно проект соединения перенаселенного побережья и огромных пустующих внутренних пространств центрального плоскогорья, идея нового города, построенного именно в сердцевине этих территорий, должны были нести в себе идею единения страны, а сама новая столица была призвана стать символом национального единства.

Для строительства Бразилиа были мобилизованы все ресурсы и рабочая сила; в основном это были мигранты с Северо-Востока — «кандангус» (впоследствии, в первые годы существования новой столицы, так стали называть тех, кто в ней родился). Главными фигурами в деле проектирования, конструирования и планировки Бразилиа стали архитектор Оскар Нимейер и градостроитель Луисиу Коста, к тому моменту уже имевшие международную известность и многократно умножившие ее после сооружения города.

В сентябре 1956 г. законопроект о строительстве Бразилиа, направленный исполнительной властью в Конгресс, был одобрен. Несмотря на это, строительство новой столицы оказалось в центре парламентских расследований с целью выявления финансовых нарушений, которые, однако, не были доказаны. В символическую для страны дату — 21 апреля¹1960 г. — Жуселину Кубичек торжественно открыл новую столицу. Сюда из Рио-де-Жанейро были переведены высшие органы исполнительной, законодательной и судебной власти, министерства и другие прави-

¹ 21 апреля 1792 г. был казнен Тирадентис — национальный герой Бразилии, борец за независимость страны; с тех пор эта дата считается в Бразилии памятной и символической.

тельственные учреждения. В отличие от прежней столицы, в известном смысле подготовленной своим предшествующим развитием к исполнению административных функций, Бразилиа была построена специально для данной миссии. Именно этому был подчинен план столичной застройки: на Площади Трех Властей располагался президентский дворец, всемирно известное высотное здание парламента — Национального конгресса с нижней и верхней палатой и здание Верховного суда. Министерства были расположены по двум сторонам широкого проспекта, получившего название Эспланада министерств.

Таким образом, история трех бразильских столиц является ярким воплощением трех стратегий выбора столичного центра: образования столицы в месте прибытия первооткрывателей (когда речь идет о бывших колониях), потребностей экономического развития внутренних регионов, необходимости обеспечения безопасности государства (пограничные споры). Три столицы Бразилии — Салвадор (1549–1763), Рио-де-Жанейро (1763–1960) и Бразилиа (1960 г. — по настоящее время) — отражают, каждая по-своему, кардинальные этапы исторического развития Бразилии.

О.Б. Подвинцев

ВОПРОС О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ФАКТОРЫ ВНЕСЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ ДНЯ И ВЫТЕСНЕНИЯ ИЗ НЕЕ

В современных условиях практика переноса столиц достаточно распространена. Начиная с 1970 г. можно насчитать десятков подобных случаев (без учета инициированных, но нереализованных проектов). Причем большей частью речь идет о крупных и многонаселенных государствах — Нигерии, Малайзии, Германии, Танзании, Мьянме и т.д.

Актуальность переноса столицы чаще всего обусловлена экономическими и социальными факторами и связана с возникающими диспропорциями между ростом столичного центра и развитием всей остальной территории. Однако, переезд центра управления государством — это и определенная политическая технология, некоторые аспекты эффективности применения которой были проанализированы еще в «Государе» Макиавелли. Перенос столицы может также иметь преимущественно идеологическое и символическое значение.

Для того, чтобы оценить актуальность проблемы переноса столицы для современной России, первоначально можно проанализировать динамику изменения общего числа жителей и жителей столиц бывших союзных республик после распада СССР. Из рассмотрения при этом следует исключить Казахстан, где столица уже перенесена. Сравнительные данные по остальным 14 новым независимым государствам приведены в Табл. 1¹.

¹ При проведении подсчетов и составлении данной таблицы автор столкнулся с достаточно существенным различием данных по современной численности населения некоторых столиц, приводимых в разных источниках. Поэтому вполне вероятно, что абсолютные значения ряда конкретных приводимых показателей могут быть оспорены. Однако, упомянутые различия все

Страна	Изменение численности населения страны в 1992–2011 гг.	Изменение численности населения столицы в 1992–2011 гг.
Эстония	- 15,4%	- 15,7%
Латвия	- 16,8%	- 22,0%
Литва	- 11,4%	- 5,3%
Белоруссия	- 7,7%	+ 13,5%
Россия	- 3,5%	+ 31,3%
Украина	- 11,7%	+ 7,0%
Молдавия	- 18,3% (с учетом потери контроля над территорией Приднестровья)	- 2,0%
Грузия	- 19,6 % (с учетом потери контроля над территории Абхазии и Южной Осетии)	- 8,5%
Армения	- 1,0%	- 6,6%
Азербайджан	+ 27,7% (с учетом потери контроля над рядом территорий)	+ 14,0%
Туркменистан	+ 34,9%	+ 101%
Узбекистан	+ 38,3%	+ 5,4%
Кыргызстан	+ 25,5%	+ 38,5%
Таджикистан	+ 40,0%	+ 16,7%

Табл. 1.

Динамика изменения общего числа жителей и жителей столиц бывших союзных республик после распада СССР.

Таким образом, из 14 новых независимых государств по сравнению с рубежом 1980–90-х годов за 20 лет население сократилось в странах Балтии, России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Грузии и Армении, а в остальных выросло. При этом в Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Грузии и Армении численность населения столиц тоже сократилась либо осталась (вновь оказалась) на прежнем уровне. Во всех странах, где происходит рост

же не таковы, чтобы изменить общую картину и оценку выявленных тенденций и диспропорций.

населения в целом, наблюдается и увеличение числа жителей столиц. В некоторых случаях (Туркменистан, Кыргызстан) данный процесс происходит опережающими темпами. В других (Узбекистан), напротив, замедленными. И только в Москве, Минске и Киеве количество столичных жителей выросло на фоне снижения численности населения соответствующих стран в целом. Причем особенно большой рост столицы, создающий резкий контраст со страной в целом наблюдается именно в российском случае.

Поскольку Россия является одной из самых населенных стран и самым большим по территории государством мира, уместным представляется сравнить ее с другими лидирующими по данному показателю странами с точки зрения доли населения столицы в общем числе жителей.

Величина доли жителей столицы для десяти первых по населению государств мира рассчитана и приведена в Табл. 2.

Страна	Доля населения столицы в общей численности населения страны
Китай	1,48%
Индия	1,00%
США	0,19%
Индонезия	3,9%
Бразилия	1,21%
Пакистан	0,43%
Бангладеш	6,14%
Нигерия	0,50%
Россия	8,08%
Япония	10,32%

Табл. 2.
Доля жителей столицы
в десяти первых по населению государствах мира.

Таким образом, среди наиболее населенных стран мира, Россия по рассматриваемому показателю уступает лишь Японии. При этом территория Японии многократно меньше российской, а японцы, как нация, несомненно, значительно более гомогенны, по сравнению с россиянами. То же, даже в большей мере свойст-

венно Бангладеш, чей показатель относительно близок российскому. Характерно, что в четырех странах из приводимой десятки столица изначально строилась как новый город, приспособленный специально для данных функций. Наконец, важно отметить, что в шести государствах, входящих в данный список, столичный центр не является самым большим по числу жителей городом в стране.

Данные по тому же показателю но для десяти наиболее обширных по территории стран мира приведены в Табл. 3.

Страна	Доля населения столицы в общей численности населения страны
Россия	8,08 %
Канада	2,6 %
Китай	1,48 %
США	0,19 %
Бразилия	1,21 %
Австралия	1,5 %
Индия	1,00 %
Аргентина	7,7%
Казахстан	4,22 %
Алжир	9,3%

Табл. 3.

Доля населения столицы в общей численности населения десяти наиболее обширных по территории стран мира.

Алжир в данном случае вполне можно считать исключением, поскольку 80 % его территории составляет пустыня Сахара. Из оставшегося списка лишь Аргентина имеет близкий к России показатель. При этом из девяти стран только в России и Аргентине столица одновременно является и крупнейшим городом. Не лишне напомнить, что руководством Аргентины еще в 1987 г. был принят план переноса столицы в город Вьедма. Однако по политическим причинам он остался нереализованным.

Россия представляет собой страну не только огромную по территории, но и очень сложную по своему составу. Неслучайно она в настоящее время является федерацией с самым большим числом субъектов. Причем успехи проводимой в 2000-е гг. поли-

тики, направленной на их объединение, ограничились небольшим числом наиболее простых случаев, после чего данный курс застопорился, несмотря на то, что проводился в весьма благоприятный для руководства страны период. Чрезмерная концентрация населения в столичном центре на этом фоне может иметь серьезные негативные последствия для развития страны в целом и управления ей, что и наблюдается на практике.

Итак, уже из приведенных сопоставлений видно, что постановка вопроса о возможности переноса столицы для современной России имеет под собой достаточное объективное основание.

При этом о реальной значимости данной темы в общественно-политической жизни страны свидетельствуют, на наш взгляд, такие развивающиеся и взаимосвязанные явления как «москвоборчество» и «столичный бум» в российских регионах.

Под «москвоборчеством» понимается ревностное и неприязненное отношение к Москве, рождающее стремление, если не встать с ней вровень, то, по крайней мере, как-то уравновесить отношения. Сам термин возник на рубеже 1990-х – 2000-х гг. и в дальнейшем популяризировался, в частности, известным российским географом Л.В. Смирнягиным. Но рост негативного отношения к Москве в российских регионах наблюдался еще раньше и уже тогда стал оказывать значительное влияние на политический процесс, в частности, на ход избирательных кампаний.

Одновременно происходит бурный процесс присвоения разными российскими городами разнообразных «отраслевых», «территориальных» и «государствообразующих» столичных брендов. Его можно считать проявлением углубления регионализации, сохраняющихся тенденций к формированию и усилению региональных и локальных идентичностей, соперничающих с общероссийской, что тоже актуализирует вопрос о «главной», «истинной» столице страны.

Тем не менее, обсуждение возможности перераспределения столичных функций, если и оказывается в политической повестке дня современной России, то занимает в ней весьма скромное место. Для действующей российской власти оно проходило лишь в плоскости возможной передачи некоторых таких функций от Москвы к Санкт-Петербургу (который равно можно охарактеризовать как старую «новую» столицу или новую «старую»). Одна-

ко, все проведенные в этом отношении действия в 2010–2011 гг. были перевешены новыми мерами по усилению центрального положения Москвы в рамках РФ (создание центра Сколково, передача городу новых обширных территорий из состава Московской области и др.).

Выдвижение и обсуждение более радикальных проектов переноса российской столицы пока исходит почти исключительно от маргинальных политических и интеллектуальных кругов. Например, в 2005 г. депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ от ЛДПР Н.В. Курьянович разработал законопроект о переносе российской столицы в Новосибирск, который не получил сколько-нибудь существенной поддержки. Один из лидеров радикальной оппозиции Э.В. Лимонов в своей программе «Лимонов-2012» также предложил перенести столицу России в Южную Сибирь.

Как представляется, рациональное обсуждение данной проблемы сдерживается не только политической косностью значительной части российской политической элиты. Важное значение имеет то, что «непатриотичный» средний класс, креативные группы и высшая государственная бюрократия цепляется за столичный статус Москвы, поскольку связывают с ним высокие стандарты жизни и преимущества «мирового города».

Еще более важное значение имеют, на наш взгляд, идеологические стереотипы и установки имеющие значительное распространение в современном российском обществе. Согласно этим идеологемам, нынешняя РФ является прямым продолжением уходящей в века российской государственности. Столичное положение Москвы является одним из ее основных атрибутов. Отступление от этих принципов сопряжено со страхом распада государства. Таким образом, идеология государственного охранительства, разделяемая значительной частью населения страны вступает в серьезное противоречие с реальными интересами сохранения и развития государства.

Б.Б. РОДОМАН

НАДО ЛИ УМЕНЬШАТЬ ЭКСЦЕНТРИСИТЕТ РОССИИ?

ОЦЕНКА ПРОЖЕКТОВ ПЕРЕНОСА СТОЛИЦЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Эксцентриситетом моноцентрического ареала называется расположение его фактического (функционального, действующего) центра (ядра) на «значительном» расстоянии от геометрического центра его территории. Полное совпадение функционального центра с геометрическим — явление в географии крайне редкое и почти невозможное; той или иной степенью эксцентриситета обладают все узловые районы. «Значительным» считается такой эксцентриситет, который вызывает вопросы, кажется иногда не вполне «естественным», порождает предложения перенести столицу (центр) вглубь страны (региона).

Частой причиной эксцентриситета страны бывает приморское или приграничное положение её столицы, её роль «ворот», «окна», входа. Это характерно для большинства приморских стран Старого Света, где столицей в большинстве случаев служит самый людный город. Такое положение чаще воспринимается как «естественное». Но роль «ворот» в наши дни играют и внутриконтинентальные столицы — благодаря авиации.

В некоторых случаях эксцентриситет создаётся явным перемещением столицы государства или его границ. При этом границы перемещаются буквально, а города, оставаясь на месте, приобретают столичную роль или лишаются её. В таких случаях эксцентриситет можно охарактеризовать по-разному — по отношению к стране (точнее говоря, к границам государства) и по отношению к её столице.

1. *Активный* эксцентриситет страны и *пассивный* эксцентриситет столицы возникают оттого, что границы государства перемещаются, а столица остаётся на месте.

2. *Пассивный* эксцентриситет страны и *активный* эксцентриситет столицы возникают оттого, что столица перемещается, а границы государства остаются на месте.

В реальной действительности часты промежуточные и смешанные варианты. Активный партнёр в паре «столица — страна» порождает эксцентриситет своим перемещением, а пассивный — неподвижностью.

В эксцентриситете нередко отражается фактическая зависимость страны от внешнего мира, точнее говоря, значительная взаимозависимость с территориями, расположенными преимущественно с одной стороны, там, где находится «центр тяжести», или «суперцентр» цивилизации. Перенос Петром Первым царского двора из Москвы в Петербург был вызван стремлением «приблизить» Россию к Западной Европе, облегчить иностранцам доступ в нашу столицу. Напротив, для укрепления политической и экономической самостоятельности, для усиления роли титульного этноса, для развития внутренних районов, а иногда и для большей военной безопасности некоторые государства в XX в. перенесли столицы с периферии вглубь страны (из Петрограда обратно в Москву, из Стамбула — в Анкару, из Рио-де-Жанейро — в новый город Бразилию, из Алматы — в Акмолу, ставшую Астаной, и т.п.). Одним из «негативных» стимулов переноса является бегство от накопившихся проблем (старых традиций, консервативной и оппозиционной элиты, перенаселённости, обветшавшей инфраструктуры, транспортного коллапса, ухудшения окружающей среды и т.п.), что аналогично экстенсивному хозяйству, переложному землепользованию, перекочёвке с испорченного участка на чистый.

Столицы эксцентричных стран в теоретической модели должны располагаться в средней зоне между внешними суперцентрами и малолюдными окраинами, а *ось эксцентриситета* (прямая, проходящая через функциональный и геометрический центры) — совпадать с главным направлением освоения, колонизации, переселений, диффузии новшеств. Нередко такое освоение направлено в сторону «политического вакуума», то есть мест расселения слабо организованных и малочисленных народов. По причине роста Русского государства преимущественно на восток оно в допетровское время обладало активным эксцентриситетом

страны по отношению к Москве, а Москва — пассивным эксцентриситетом столицы по отношению к стране. После возвышения Петербурга он стал обладать активным эксцентриситетом по отношению к империи, а империя — пассивным эксцентриситетом по отношению к Петербургу.

Россия выросла на широком пути великого *Drang nach Osten*, начавшегося от рейнских и дунайских границ Римской империи, была его авангардом и без труда продвигалась по его течению на восток. Экспансия против течения, т.е. на запад, обошлась несравненно дороже и оказалась Пирровой победой: к концу XX в. почти всё завоёванное к западу от Петербурга и Москвы пришлось возвратить Европе, а то немногое, что осталось под властью московских правителей, пришло в упадок (депрессивные районы западного приграничья от Финского залива до Брянщины включительно). В свете сказанного нынешний эксцентриситет России выглядит вполне естественным и закономерным, ничуть не менее нормальным, чем у приморских стран Великобритании и Норвегии.

Москва — не только функциональный центр, оказавшийся на краю своей страны, но и её главные западные ворота, своего рода фактория, торговое представительство западной цивилизации в пока ещё дикой России, иностранный сэттльмент при международных аэропортах. Ситуация обычная, типичная для многих стран, особенно приморских и колониальных, имеет и для России веские объяснения и оправдания, но кажется ненормальной разным прожектёрам (политикам и их советникам), выискивающим, чем бы заняться, на чём бы выдвинуться.

Беспрецедентная концентрация всего и вся в одной Москве давит на психику россиян и питает постоянно носящуюся в воздухе неискоренимую навязчивую идею о возможности переноса столицы или части столичных функций в другое место — то ли опять в Петербург, то ли поближе к географическому центру великой евразийской державы, то есть в Сибирь. При всех драматических колебаниях между столичностью и провинциальностью Петербург бесспорно удерживает историческую роль второй столицы. А где же третья? После введения в 2001 г. федеральных округов кажется очевидным, что третьим по значению городом России может быть только центр одного из них — прочим это не положено по чину.

Ещё декабристы хотели перенести столицу империи из самодержавного и чиновничьего Петербурга в бурно развивающийся купеческий и «гражданский» Нижний Новгород, вскоре, в эпоху пароходства, ставший де-факто экономической столицей России; в сферу его влияния втягивались даже Кавказ и Персия. Но железные дороги, бывшие при грузовых перевозках сначала лишь дополнением к пароходам, в XX в. перечеркнули Волгу, а Нижний превратили в два больших железнодорожных тупика, поскольку строительство железнодорожных мостов через великие реки в месте их слияния запаздывало; рельсовая связь Петербурга и Москвы с Сибирью уже прошла через Вологду, Ярославль, Сызрань.

Выросший как придаток ВПК знаменитый автозавод, засоривший российские дороги смертоносными «газелями», не вытягивает Нижний Новгород в лидеры при нынешней экспортно-сырьевой ориентации. Екатеринбург, возглавляя Уральский федеральный округ, проглотивший нефтегазоносную Западную Сибирь, гораздо более перспективен. Но быть третьим или даже вторым городом страны по людности или по другому показателю ещё не значит стать кандидатом на роль её столицы.

Профессиональному географу трудно представить во главе России иной город, кроме Москвы. Это легче сделать фантазёру, не отягощённому географическими и историческими знаниями.

Перенос в провинцию и рассредоточение по стране тех или иных ведомств, чтобы разгрузить Москву, а работников приблизить к объектам их деятельности, не нов; это уже делалось при Н.С. Хрущеве и привело к разбуханию и дезорганизации госаппарата. Обычно каждый выведенный из Москвы объект оставляет в столице свой филиал в размере прежнего целого учреждения. После смерти или отставки правителя, затеявшего такое переселение, как и по окончании войны, вызвавшей необходимость эвакуации, ссыльное учреждение возвращается в столицу, оставив в провинции свое потомство.

Если даже вся федеральная власть переедет в далёкую «тмутаракань», то на Старой площади, в Кремле и в Белом доме, а также в новых, построенных по такому важному случаю огромных зданиях, разместятся московские представительства (постпредства) этой самой власти с не меньшим количеством чинов-

ников; они не упустят возможности размножиться и нажиться на новых стройках. Исторически сложившаяся гегемония Москвы закреплена в ландшафте, подкреплена мощной инфраструктурой. Фактическая столичность обладает колоссальной инерцией. Такой многолучевой транспортный узел, как у Москвы, не получился даже в Петербурге, и уж тем более немислим в Новосибирске и Красноярске.

Авторитарный характер власти, а также исторический опыт (недавний — Казахстана, более давний — самой России) позволяет опасаться, что рискованная затея, по требуемым затратам и катастрофическим последствиям равносильная большой войне, будет всё-таки осуществлена любой ценой. На фоне охватившего нашу страну застоя и всестороннего регресса правительству надо что-то делать. Перенос столицы — возможный способ отвлечь население от социальных проблем, сплотить и мобилизовать его на грандиозное дело, оправдать «временные» неудобства и лишения.

Упомянутые выше «негативные» доводы в пользу переноса столицы не кажутся убедительными. Современная Москва перегружена не столичными функциями, а легковыми автомобилями эгоистов, не желающих пользоваться общественным транспортом. В середине многодневных праздников и каникул, когда наши любители колёс отдыхают на дачах и зарубежных курортах, Москва выглядит как сравнительно тихий город-сад с чистым воздухом. Календарь подсказывает, как можно избавиться от заторов на дорогах. А расширение Москвы и устройство новых автодорог будут лишь стимулировать дальнейшую автомобилизацию и умножать пробки.

Три великих дела обеспечивают правительству вечную память в мировой истории: выиграть войну, сменить или восстановить государственную религию, перенести столицу. Когда личная власть безгранична, трудно удержаться от соблазна...

С.Е. СИДОРОВА

ИЗ ТОРГОВОЙ КОНТОРЫ В ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ БРИТАНСКОЙ ИНДИИ ИЗ КАЛЬКУТТЫ В ДЕЛИ

12 декабря 1911 г. в Дели во время грандиозного *дарбара*¹ по случаю провозглашения английского короля Георга V императором Индии, было объявлено о переносе столицы Британской Индии из Калькутты в Дели. Монарх, присутствовавший на торжестве, лично зачитал прокламацию, а затем собственноручно скрепил ее печатью в присутствии тысяч индийских подданных.

Формальным поводом к такому решению стала необходимость в административном реформировании. Калькутта была столицей Британской Индии и одновременно одной из ее крупнейших территориальных единиц — Бенгальского президентства с общим населением 78,5 млн чел. — более четверти всей Индии (Юрлов, Юрлова 2010: 42). Первая попытка разделить Бенгалию по конфессиональному признаку, предпринятая в 1905 г., закончилась неудачей. Массовые протесты, широко развернувшееся движение *свадеш*² заставили власти аннулировать свои решения. В 1911 г. во время *дарбара* был предложен новый план разукрупнения Бенгальского президентства, из которого в самостоятельные административные единицы выделялись провинции Ассам, Бихар и Орисса, а Калькутта в целях снижения административной нагрузки оставалась региональным центром, но лишалась статуса имперской столицы, который теперь приобретал Дели — древняя столица империи Великих Моголов.

¹ В колониальное время — торжественное собрание индийских князей, представителей знати, верхушки британских колониальных властей. Форма *дарбаров* была репликой придворных ритуалов Могольских императоров, она была позаимствована в XIX в. британскими чиновниками.

² Одна из форм национально-освободительного движения, заключавшаяся в бойкоте британских товаров.

Идея переноса столицы не была новой и была озвучена еще во времена, когда административные проблемы не стояли столь остро. Калькутта была одним из первых форпостов британцев на индийском субконтиненте, которые обосновались здесь в конце XVII в. и отсюда постепенно расширяли свои владения. Расположение столицы на берегу Бенгальского залива, ее статус в качестве одного из крупнейших мировых торговых портов как нельзя лучше отражали специфику британской власти в Индии: новые властители были пришлыми из-за моря чужаками-купцами, готовыми в любой момент сесть на корабль и отбыть на родину, сердце их державы находилось далеко за океанами, а в основе их экономической и военной мощи лежали колоссальные прибыли, заработанные на колониальной торговле.

Ост-индские администраторы в Индии довольно рано, еще на рубеже XVIII–XIX вв., осознали необходимость повысить авторитет и принципиально изменить имидж своей власти в стране, где веками существовала традиция царского, княжеского или императорского правления, вассальных отношений среди аристократии, а торговое сословие не имело высокого социального статуса. Как пишет С. Нильсон, британцам нужно было создать представление о том, что «Индия теперь управляется из дворца, а не из конторы; продвигать образ князя, а не розничного торговца муслином или индиго» (цит. по: Меткаф 2005а: 109). Так, вице-король Индии У. Бентинк (1828–1835) предлагал в свое время перенести столицу Британской Индии из Калькутты в Агру, прежнюю столицу Акбара³, «место былых и будущих славных дел, где империи суждено или расцвести или погибнуть», а себя сравнивал с великим могольским предшественником, который также радел о «сохранении империи» (цит. по: Кон 2003: 174). По мнению Б. Кона, «именно это торгово-морское прошлое и стремился изменить Бентинк, полагая, что характер британского правления более не соответствует статусу Купца, но скорее статусу имперской державы» (Кон 2003: 174). Тогда лондонские власти отказались от переноса столицы под предлогом того, что «Индия управляется не одним независимым сувереном, а далекой

³ Акбár Великий (1542–1605) — третий падишах Индии из династии Тимуридов, внук основателя династии Великих Моголов в Индии Бабура. При Акбаре Могольская империя достигла своего расцвета.

морской державой, и местонахождение [колониального] правительства должно определяться, исходя из этого особого обстоятельства» (Кон 2003: 175). С подобными инициативами впоследствии не раз выступали и другие колониальные чиновники.

Но только в последней трети XIX в. после мощного восстания сипаев 1857 г, появления первых признаков утраты Англией промышленно-торговой монополии в мире, активизации территориальных притязаний других европейских стран идея легитимации британского политического господства, укрепления и повышения авторитета и престижа колониальных властей в глазах населения Индии, наконец, стала остро востребованной. Для этого колонизаторы обратились к уже упомянутой местной политической традиции доколониальной эпохи. В 1876 г. парламент принял Акт о королевском титуле, в соответствии с которым британские монархи провозглашались императорами Индии. Первой этот титул получила королева Виктория (1837–1901). Это чисто демонстративное мероприятие призвано было не только изменить статус британского монарха, но и формализовать идею преемственности власти между Могольскими императорами и британцами. Как позднее высказался вице-король Керзон (1898–1905), британцы всеми силами стремились «влезть в обувь Великих Моголов» (цит. по: Меткаф 2005b: 156). Колонизаторам важно было, по образному выражению современного индийского исследователя М. Мукерджи, «преодолеть свою иностранность» (Мукерджи 2010: хix), стать для индийцев «своими». Отсутствие исторических оснований для подтверждения преемственности британцы с лихвой компенсировали визуальными приемами, активно используя внешнюю атрибутику местных ритуалов и апеллируя к системе индийских культурных символов.

Таким ритуальным действием стали три *дарбара* по случаю коронации монархов на императорский престол в 1877, 1903 и 1911 годах символично организованные в Дели, столице Могольской империи. Объявление о переносе сюда столицы стало очередным звеном в цепочке мероприятий, нацеленных как на укрепление идеи преемственности, так и на акцентирование внимания на императорском характере британской власти. Министр по делам Индии, давая свое согласие на этот шаг, сказал: «Древние стены Дели бережно хранят императорскую традицию подобно

Константинополю, или даже самому Риму» (цит. по: The Times of India, 11.12.2011).

Новое расположение столицы не на морском побережье, а в глубине Британской Индии должно было ассоциироваться уже не с иностранным происхождением, временным пребыванием и торговым основанием британской власти, а наоборот транслировать идею ее стабильности, долговечности, прочной связи с былыми династиями и готовности принять от них эстафету. Немалое значение имела относительная равноудаленность Дели от основных имперских центров и нивелирование гипертрофированно привилегированного положения Бенгалии по отношению к другим провинциям, представители которых нередко испытывали трудности в отстаивании своих интересов в центральных органах власти. Да, и сами центральные власти были рады «унести ноги» из ставшей крайне беспокойной провинции, где активно нарастало национально-освободительное движение. Если добавить более благоприятный для европейцев климат Дели и близость к летней резиденции Симле, то выбор новой столицы представлялся британцам оптимальным.

Этот шаг имел важное внешнеполитическое значение. Как отмечала российский индолог К.А. Антонова, накануне первой мировой войны англо-русское соперничество в Азии сменилось на противостояние с кайзеровской Германией, чье внимание было направлено на мусульманский Восток, Османскую империю. «Представить английскую корону как правопреемника и наследника империи Великих Моголов значило (по замыслу английских политиков) поднять престиж колониального режима, как среди мусульманской общины Индии, так и мусульманского населения Ближнего и Среднего Востока» (Антонова 1973).

Однако выбор Дели импонировал и представителям индуистского большинства местного населения. Город имел огромную домогильскую историю. Само его основание связывали с именами пяти братьев Пандавов, героев известного и почитаемого индусами эпоса Махабхарата. А сам город был полон индуистских святынь.

В 1911 г., когда было принято решение о переносе столицы, Дели представлял собой средневековый город, совершенно не приспособленный к нуждам колониальной администрации. Следующие двадцать лет ушли на проектирование и постройку ново-

го Дели, который примыкал к старому с юга. Будущему внешнему облику города придавали большое значение. Несмотря на активное заигрывание с индийским прошлым, британцы не готовы были отказаться от своей традиционной роли в качестве нации, которая, хотя и наследовала Великим Моголам, но находилась на более высокой ступени цивилизационного развития, несла плоды европейского просвещения, технического прогресса и гуманизма всем народам мира подобно другой своей предшественнице — Римской империи. Одновременная адресация к великим, но очень непохожим империям прошлых веков определила уникальный и эклектичный стиль новой столицы. П.Г. Ирвинг в своей книге «Индийское лето: Лютьенс, Бейкер и имперский Дели» отметил, что величественные и с архитектурной точки зрения в высшей степени упорядоченные здания нового Дели символизировали «не только идеал и факт британского правления в Индии, но представляли собой смесь традиций, что было продиктовано как политическими соображениями, так и климатическими условиями... В Дели краски и тени могольских фасадов слились с элементами и утонченными пропорциями европейской архитектуры» (цит. по: Лахири 2011: 12).

Вновь отстроенная столица недолго прослужила своим создателям. Торжественная «инаугурация» Нью-Дели состоялась в 1931 г. А уже через 16 лет, в 1947 г. в здании Законодательного собрания была провозглашена независимость Индии.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл. 1.

http://www.facebook.com/pages/Pictures-of-Calcutta/528040910541488?hc_location=timeline. Время доступа — август, 2013 г.

Илл. 2.

<http://www.rediff.com/business/slide-show/slide-show-1-historical-and-amazing-images-of-delhi/20111213.htm#20>. Время доступа — август, 2013 г.

Илл. 1.
Калькутта 1865: разгрузка товаров рядом со зданием таможни.

Илл. 2.
Ок. 1930: панорама правительственных зданий Нового Дели.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова 1973 — Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии (краткий очерк). М., 1973.
- Юрлов, Юрлова 2010 — Ф.Н. Юрлов Ф.Н., Е.С. Юрлова. История Индии. XX век. М., 2010.
- Cohn 2003 — Cohn B. Representing Authority in Victorian India // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 2003. P. 165–209.
- Lahiri 2011 — Lahiri N. Delhi's capital century (1911–2011): Understanding the transformation of the city // 4th March 2011 — Colloquium Program for Agrarian Studies, Yale University. — Электронный ресурс [Режим доступа: <http://www.yale.edu/agrarianstudies/-colloqpapers/20lahiri.pdf>, дата обращения — 22.07.2013].
- Metcalf 2005a — Metcalf T.R. Architecture and the Representation of Empire: India, 1860–1910 (1984) // Metcalf T.R. Forging the Raj: Essays on British India in the Heyday of Empire. New Delhi, 2005.
- Metcalf 2005b — Metcalf T.R. Monuments and Memorials: Lord Curzon's Creation of a Past for the Raj (2003) // Metcalf T.R. Forging the Raj: Essays on British India in the Heyday of Empire. New Delhi, 2005.
- Mukerjee 2010 — Mukerjee M. India in the Shadows of Empire. New Delhi, 2010.

В.Н. СТРЕЛЕЦКИЙ

**ФЕНОМЕН СТОЛИЧНОСТИ
В ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ СТРАНЕ:
ГЕОИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ
НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ**

Феномен столичности — явление многогранное и гетерогенное в самых разных контекстах его исследования: в политико-административном и социокультурном, геоэкономическом и геополитическом, историческом и историко-географическом. Нередко столичность отождествляется исключительно с выполнением населенным пунктом функций политико-административного центра (так называемой «политической» столицы) того или иного государственного образования. Как правило (хотя и не всегда), таким населенным пунктом выступает город — часто крупный или крупнейший. В историческом контексте важно подчеркнуть, что данная черта не является сколько-нибудь яркой отличительной особенностью современной эпохи. Ибо на протяжении большей (или, во всяком случае, значительной) части истории политически организованных (в терминологии докладчика — «постпотестарных») обществ именно города выполняли функции политических столиц.

Вместе с тем, феномен столичности, в широком смысле этого понятия, не может быть сведен к выполнению тем или иным городом лишь функций политического центра. Представление о «множественности столиц» — важный концептуальный тезис в современном страноведческом дискурсе. В формате такового столица — не обязательно политико-административный центр; не случайно широкое хождение получили термины «экономическая столица», «культурная столица», «научная столица», «неформальная столица» и многие другие из этого же ряда.

Моноцентризм и полицентризм могут трактоваться как разные (и прямо противоположные) случаи взаимоотношения, взаи-

мосвязей и взаимодействия столичных функций в географическом пространстве (внутристрановых районов, стран, регионов мира и т.д.). Полицентризм предполагает пространственную рассредоточенность разных категорий столичных функций, моноцентризм (в предельном случае) — их совмещение в одной географической точке.

Германия — западноевропейская страна, которую часто и обоснованно называют «лабораторией изучения регионализма» (Бусыгина 1999 и др.), — идеальный территориальный полигон исследований феномена полицентризма. В докладе рассматривается специфика феномена столичности в стране, полицентризм которой является исторически унаследованной и одной из наиболее ярких ее социокультурных, экономико- и политико-географических особенностей.

Феномен полицентризма в Германии имеет очевидные геоисторические корни. Германское культурное пространство сложилось из принципиально разных исходных частей. В целом генезис германской племенной общности происходил к северу от границ Римской империи, однако юго-западные (прирейнские) и южные (между Альпами и Дунаем) районы будущей Германии испытали романское социокультурное воздействие. Именно там, на землях приграничья Римской империи (*лимеса*) возникли ранние очаги *плотно освоенного пространства*. Главные характерные черты такого пространства — высокая плотность населения и рано сложившийся каркас городов (Jordan 1973). Градиент между плотным пространством *лимеса* и слабо освоенными землями центральной, северной и восточной Германии был настолько велик, что он сохранялся в послеантичную эпоху практически на протяжении всего раннего Средневековья. Последующая же история Германии может быть интерпретирована в том числе и как история внутреннего «уплотнения» пространства — его заселения, освоения, обустройства.

В раннее Средневековье важным фактором полицентризма в Германии была этноплеменная дифференциация германского пространства и унаследованные от нее субкультурные различия¹.

¹ Они ярко проявляются даже в наши дни в исключительном разнообразии диалектов немецкого языка.

В каждой этноплеменной области формировались свои региональные центры, конфигурация сети которых впоследствии на протяжении многих веков определяла пространственную структуру германских земель.

Ключевую роль в формировании полицентрической пространственной структуры сыграла сохранявшаяся на протяжении многих веков политическая раздробленность страны, причем даже усилившаяся тогда, когда у западноевропейских соседей уже начали (к концу позднего Средневековья) формироваться мощные централизованные государства. На современную полицентрическую пространственную структуру страны колоссальное влияние оказал длительный, многовековой период обособленного, автономного политического развития разных немецких земель. По образному, но очень меткому выражению И.М. Бусыгиной, «в Германии регионы сначала осознали себя и уже затем — общенациональную судьбу» (Бусыгина 1999: 61). Множественность политических столиц и их конкуренция друг с другом — отличительная черта германской истории на протяжении многих веков.

Вместе с тем, учета одних лишь политических факторов явно недостаточно для осмысления закономерностей и трендов генезиса полицентризма в Германии. Приоритетное внимание именно к этим факторам оправданно, но интерпретация феномена полицентризма требует, чтобы они были «вписаны» в более широкий социокультурный и социально-экономический контекст. Особенно важен в этой связи анализ геоисторических различий в германском пространстве по осям дифференциации «Север — Юг» и «Запад — Восток».

Южная Германия была колыбелью немецкой культуры. Еще в Средние века здесь выросли крупные торговые города, появились первые в Германии университеты, процветали науки и искусства, создавалась немецкая литература. Наряду с аграрным сектором в Южной Германии уже в XIV–XV вв. существовала развитая для своего времени мануфактурная, в частности горная, промышленность. Быстро набирала силу богатая буржуазия в лице купцов, ростовщиков и владельцев мануфактур, уже ставивших себя вровень с князьями и дворянством. Через альпийские перевалы регион был тесно связан со Средиземноморским рынком и левантской торговлей, а Аугсбург в конце XV — первой половине XVI в. вы-

ступал пространственным «фокусом» экономического развития континентальной Европы. Аугсбургские банкиры, прежде всего Фуггеры и Вельзеры, финансировали в начале XVI в. более половины объема европейской внешней торговли, были главными кредиторами европейских государей и римских пап, субсидировали избрание императоров Священной Римской империи германскими курфюрстами (Ehrenberg 1922: 100–101).

Северные же районы на протяжении почти всего Средневековья оставались преимущественно аграрными и отличались слабым развитием кустарных промыслов, товарного ремесла и мануфактур. На аграрном фоне ярко выделялись ганзейские торговые города, но они развивались фактически обособленно от своих сельских хинтерландов (Стрелецкий 2012). Большинство ганзейских городов были «вольными» республиками, граждане которых представляли собой локальные общности, слабо друг с другом связанные. В целом, хозяйственные и культурные связи Южной и Северной Германии в Средние века были в основном ориентированы в противоположных направлениях — в сторону Средиземноморья и Северной Европы соответственно. *Длительное отсутствие общегерманского национального рынка, хозяйственная замкнутость многих областей* благоприятствовали полицентризму пространственной структуры в целом и городской сети — в частности.

Другая ось геоисторической дифференциации в Германии — традиционный градиент «Запад — Восток». Земли к западу от Эльбы — это первичное *ядро*, «материнский» очаг этногенеза и формирования немецкой культуры и государственности. Территории к востоку от нее — районы более поздней германской колонизации, приобретшей значительный размах с конца I — начала II тыс. н.э. Эльба на много веков стала главным рубежом, за которым располагалась уже *периферия* германского пространства, его новый лимес. Культурно-географическое своеобразие заэльбских земель прежде всего было связано с *колонизационным характером их освоения*. Переселенческая субкультура, формировавшаяся на колонизируемых землях, существенно отличалась от «материнской», западной. Отчасти ее самобытность объяснялась «фронтирным» типом первичного освоения территории и специфическими условиями последующей *жизни на пограничье*, на окраине страны, в инокультурном окружении (Стрелецкий 2000). Другим факто-

ром, обусловившим ее своеобразие, стали сами этнокультурные контакты колонистов с местным населением².

В Новое время происходит существенная внутренняя переструктуризация германского культурного и политико-географического пространства. Север страны, где с эпохи Реформации утверждался протестантский этос буржуазного предпринимательства, а антитехническая ментальность Средневековья преодолевалась намного быстрее, чем на Юге, испытал в XVII–XVIII вв. фазу интенсивного хозяйственного освоения территории. Оно сопровождалось ускоренным ростом городов, ставших серьезными конкурентами центрам Южной Германии. Соответственно, экономическое пространство Священной Римской империи (и так политически и хозяйственно раздробленной) в последние века ее существования стало еще более полицентричным.

Запад Германии, в силу географических и исторических причин, значительно теснее был связан со странами Атлантической Европы — с Францией, Нидерландами, а с эпохи первоначального накопления капитала — также и с Англией, чем ее заэльбские районы. С перемещением путей международной торговли в Атлантику и зарождением мирового рынка в XVI–XVII вв. различия в географическом положении Запада и Востока Германии стали фактором углубления межрегиональных контрастов и диспропорций внутри страны. Запад, особенно протестантский Северо-Запад, представлял собой общество более *динамичное и открытое миру*, чем переживший второе «издание» крепостничества, патриархальный, *замкнутый на себя* Восток. Это наложило глубокий отпечаток как на психологию и самосознание западных и восточных немцев, так и на формирование региональных центров.

Индустриализация Германии в XIX в. на первых порах также привела к усилению экономико-географической дифференциации «Запад — Восток», поскольку территориальной базой тяжелой промышленности стали прежде всего западные ареалы — Рейнско-Вестфальский район с ядром в Руре, а затем и вся «рейнская ось», а также Саар. На Западе Германии теперь складывалась принципи-

² Так, в генезисе территориальной общности мекленбуржцев важную роль сыграло взаимодействие немецких переселенцев со славянами-ободритами, в происхождении бранденбуржцев — этнокультурные связи со славянами-лютичами.

ально новая субкультура, связанная уже не с аграрным, а с индустриальным обществом. Особенностью генезиса западных районов фабрично-заводской промышленности бассейнового типа являлось то, что индустриализация здесь большей частью предшествовала урбанизации, а не шла ей вслед, как это имело место в районах с высокой плотностью урбосети, сложившейся еще в Средние века (Nefedova, Streletski, Treivich 1992). Так, многие индустриальные центры Рура и Саара выросли из небольших поселков вокруг угольных шахт и металлургических заводов; новые города стали при этом фокусами притяжения сельских мигрантов. В районах же зрелого урбанизма формирование культуры индустриального общества было жестко «привязано» к давно сложившимся локальным системам городского расселения.

Несомненна теснейшая *связь между феноменом полицентризма в Германии и культурным регионализмом*, также имеющим в этой стране глубокие исторические корни (Стрелецкий 2000). В Средние века и раннее Новое время Германия являла собой мозаику территориальных общностей, отличавшихся глубоким культурным своеобразием. Еще в середине XIX в. национальная самоидентификация немцев была достаточно «рыхлой», неоформленной (Meinecke 1919). Само понятие «Германия» приобрело для немцев более-менее четкие территориальные контуры только с объединением германских земель вокруг Прусского королевства в 1871 году (Schultz 1995: 492 и др.).

В единой Германии региональное самосознание отдельных групп немцев (а это ключевой индикатор культурного регионализма: Стрелецкий 2011) вполне уживается с их национальной идентичностью. Более того, региональное чувство, местный патриотизм — важное слагаемое немецкого единства. Культурные районы Германии (со своими исторически сложившимися центрами) — продукт многовекового развития; их связь друг с другом органична и естественна (Реклю 1915; Ratzel 1898). Они не «сконструированы», не «навязаны» извне социуму, но есть результат его внутренней самоорганизации.

Именно на здоровой основе культурного регионализма сложился и окреп германский федерализм. Последний также имеет давние исторические корни: самостоятельность князей в составе Священной Римской империи, долго сохранявшийся порядок из-

брания императора коллегией курфюрстов на имперских сеймах (Рейхстагах). Германский Союз 1815–1866 гг. являлся «классической» конфедерацией. В основу же Германской империи Гогенцоллернов уже был положен федеративный (квази-федеративный) принцип, хотя унитаристские тенденции в государственном строительстве и в политической жизни этого государства, созданного под эгидой Пруссии и с большими преференциями в пользу нее, проявлялись на рубеже столетий также весьма отчетливо. Сохранившись в период Веймарской республики, немецкая федерация рухнула с приходом к власти нацистов, и в послевоенной Западной Германии ее восстанавливать пришлось фактически с нуля. Федерализм — действенная сила против рецидивов централизма в Германии (Бусыгина, 1999; Витковский 1992). Но важен и другой контекст: будучи естественным, логичным следствием территориального разнообразия, федерализм в Германии является одной из ключевых *институциональных основ функционирования полицентрической пространственной системы страны*.

Глубоко укорененный в историческом прошлом страны, полицентризм четко выражен и в современной ФРГ, для которой типична, в том числе, своеобразная *дробность столичных функций*, их разведение по многим городам, и далеко не только крупнейшим. В период послевоенного раскола Германии полицентризм резко усилился, что было усугублено и утратой (для Западной Германии) прежней политической столицы — Берлина.

Политической столицей ФРГ в 1949 г. стал Бонн (с населением на тот момент чуть более 100 тыс. чел.), ранее бывший, главным образом, небольшим университетским и историко-культурным центром Рейнланда; даже став резиденцией правительства и многих федеральных ведомств, он так и не приобрел других функций крупного метрополитенского города, характерных для большинства европейских столиц. *Другие столичные функции выполнялись в ФРГ иными городами*. Главным банковско-финансовым центром и крупнейшим транспортным узлом был (и поныне остается в объединенной Германии) Франкфурт-на-Майне, крупнейшим морским портом и центром внешнеэкономических связей — Гамбург. Функции своего рода экономической (и в том числе индустриальной) столицы ФРГ в эпоху «западногерманского экономического чуда» середины XX в. выполняла крупнейшая в конти-

ментальной Европе Нижнерейнско-Рурская конурбация с ядрами в так называемом Руриштадте (цепочке слившихся друг с другом городов от Дуйсбурга до Дортмунда) и южнее расположенными Дюссельдорфе («сейфе Рура», как часто его называли) и (уже за пределами собственно Рура) Кёльне. Но уже с начала 1960-х годов, в условиях ускоренного развития южных земель ФРГ, а также сдвига ряда отраслей (особенно материалоемких) в северные приморские районы, роль региона Рейн — Рур в территориальной структуре хозяйства существенно снизилась, а степень ее экономического полицентризма выросла. Мюнхен, столица Баварии, издавна пользовавшийся славой «Немецких Афин», позиционировал себя (с утратой Берлина) как культурная и научная столица страны³, а также как один из ведущих центров принятия решений (в частности, в 1980-е годы Мюнхен вышел на 1-е место в стране по концентрации штаб-квартир транснациональных корпораций), банковско-финансовой деятельности, высокотехнологичных производств и «высших» услуг. Территориальная рассредоточенность центральных функций проявлялась и во многих других аспектах. Так, крупнейшим центром общественной и научной печати в ФРГ с конца 1960-х до конца 1970-х годов был Штутгарт (правда, к моменту объединения ФРГ и ГДР он уже значительно уступал как центр издательской деятельности и Гамбургу, и Мюнхену), разные ветви федеральной судебной власти разместились не в политической столице, но в Касселе, Карлсруэ и Мюнхене, федеральная статистическая служба и верховная уголовная полиция — в Висбадене и т.п.

В отличие от ФРГ, где регионализм и полицентризм нашли свое органичное политико-географическое выражение в федерализме, ГДР, взявшая за образец советскую модель социализма, выстраивалась как жестко унитарная территориальная система с вы-

³ Впрочем, в культурной и научной сферах полицентризи в ФРГ выражен не меньше, чем в экономической; к тому же, на статус «культурной столицы» Западной Германии в последние два десятилетия раскола страны все более претендовал и более «космополитичный» конкурент Мюнхена — Франкфурт-на-Майне, еще в 1980-е годы существенно опередивший своего баварского соперника по интенсивности культурных связей с другими городами и странами мира, как центр самых «престижных» в ФРГ форумов культуры и искусства и т.д.

соким уровнем централизации. Хотя воздействие последней и не имело таких глобальных последствий для страны, как в СССР, она вошла в известное противоречие с регионализмом. Административная реформа 1952 г. даже упразднила земли как единицы АД и ввела вместо них деление на 15 округов с центрами в крупных городах. Однако юридическая ликвидация земель (восстановлены они были лишь в 1990 г., в канун объединения страны) мало отразилась на пространственной самоорганизации общества. Восточные немцы в Тюрингии, Саксонии, Бранденбурге, Мекленбурге, как имели ранее ярко выраженное местное (региональное) самосознание, так и сохраняли его, большей частью, на протяжении всей истории ГДР. Сохранились и многие специфические особенности самобытной духовной и материальной культуры исторических земель, упраздненных как территориально-политические единицы, но по-прежнему отчетливо идентифицируемых в сознании самих жителей. Тем не менее, территориальная структура хозяйства ГДР (в отличие от ФРГ) имела отчетливо моноцентрический характер с пространственным ядром в Восточном Берлине.

За два с лишним десятилетия после воссоединения в 1990 г. двух немецких государств в пространственной структуре объединенной страны произошли существенные сдвиги, но она сохранила все основные признаки полицентричности. Важнейший из них — большое (по европейским меркам) число городов высшего ранга иерархии, относимых к числу так называемых глобальных городов (*global cities*)⁴. Произошло частичное восстановление по-

⁴ Концепция «глобального города» восходит к теоретическим работам П. Холла о так называемых «мировых городах» как центрах, определяющих глобальные тенденции мирового развития (Hall 1966 и др.), а сам термин «глобальный город» и системный взгляд на этот феномен утвердился в мировой науке после работ Саскии Сассен начала 1990-х годов (Sassen 1991 и др.). В 1998 г., по инициативе главным образом британских ученых, была создана Группа по изучению глобализации и мировых городов (*Globalization and World Cities Study Group*), которая занимается разработкой классификаций «глобальных городов» и мониторингом их динамики. Экспертами Группы предложено четыре кластера критериев отнесения городов к категории «глобальных» («экономические», «политические», «культурные» и «инфраструктурные»), а сам массив «глобальных городов» мира разбит на три макрогруппы — «альфа» (с 4 подгруппами), «бета» (с 3 подгруппами) и «гамма» (с 3

зиций Берлина в территориальной структуре расселения и хозяйства. Тем не менее, даже став снова крупнейшим городом Германии с населением 3,5 млн. чел. и федеральной столицей, одним из ведущих культурных и научных центров страны, Берлин уступает некоторым своим городам-конкурентам по многим ключевым показателям (в ряде случаев весьма значительно). Так, по абсолютному объему валового регионального продукта (и, соответственно, по масштабам городской экономики) он уступает Франкфурту, Гамбургу и (совсем немного) Мюнхену, как банковско-финансовый центр и как место размещения ведущих ТНК занимает только пятое место в ФРГ, как центр авиаперевозок не может конкурировать не только с Франкфуртом, но и с Мюнхеном и Дюссельдорфом; по показателю же ВРП на душу населения расположенный на востоке страны Берлин вообще занимает последнее место среди «глобальных городов» Германии и отстает от многих других «богатых» западногерманских городов.

Германские «столицы» (и вообще крупные города страны) чрезвычайно разнообразны не только в экономико-географическом, но и в культурно-географическом отношении. Многие из них (хотя и не все) выросли именно как региональные центры, неразрывно связанные со своими землями; поэтому они зачастую очень непохожи друг на друга, в той или иной степени они — плоть от плоти своих земель с совершенно разными историческими судьбами и региональными традициями. Вместе с тем, есть, несомненно, и много общих культурных черт, их объединяющих. Именно крупнейшие германские города — главные очаги мультикультурализма, а также ведущие узлы концентрации наиболее креативных слоев населения и видов деятельности, хотя, с другой стороны, они же отличаются гораздо большими социальными и социокультурными контрастами, чем средние и малые города страны.

подгруппами). По состоянию на начало второй декады XXI в. (The World According to GaWC 2010), в ФРГ к категории глобальности «альфа» отнесены только Франкфурт-на-Майне (3-я подгруппа) и Мюнхен (4-я подгруппа), к категории «бета» — Дюссельдорф, Гамбург и Берлин (1-я подгруппа), Штутгарт и Кёльн (3-я подгруппа). Городов с категорией глобальности «гамма» в Германии нет; в числе «ближайших претендентов» на включение в эту группу отмечены Лейпциг, Нюрнберг и Дрезден, в числе дальних претендентов — Бремен, Ганновер и Дортмунд.; такой крупный город, как Эссен, не фигурирует даже в списке «дальних претендентов».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бусыгина И.М.* Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 1999. 351 с.
- Витковский О.В.* Федерализм против централизма: некоторые политико-географические аспекты и проблемы воссоединения и интеграции Германии // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.: ИЛА РАН, 1992. Вып. 12. С.78–98.
- Реклю Э.* Германия // *Реклю Э.* Страны и народы Западной Европы / Пер. с франц. Н.К. Лебедева). М.: Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. 4. С. 18–126.
- Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии: опыт историко-географического анализа // Известия РАН. Сер. геогр. 2000. № 6. С. 37–47.
- Стрелецкий В.Н.* Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3. С. 45–50.
- Стрелецкий В.Н.* Города ганзеатов (Гамбург и Бремен) // Географическое положение и территориальные структуры: Памяти И.М. Маергойза / Сост.: П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 812–853.
- Ehrenberg R.* Das Zeitalter der Fugger. Jena: Fischer, 1922. Bd.1. 420 S.
- Hall P.* The World Cities. London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 256 p.
- Jordan T.G.* The European Culture Area. A Systematic Geography. New York; Evanston; San Francisco; London: Harper & Row, 1973. 381 p.
- Meinecke F.* Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. Berlin: Oldenbourg, 1919. 539 S.
- Nefedova T.G., Streletski V.N., Treivich A.I.* La Ruhr, la Haute Silésie et le Donbass dans la trajectoire historique des vieilles régions industrielles européennes du charbon et de l'acier // Revue belge de géographie. 1992. Vol. 116. P. 41–48.
- Ratzel F.* Deutschland. Einführung in die Heimatkunde. Leipzig: F.W. Grunow, 1898. 332 S.
- Sassen S.* The Global City. New York; London; Tokyo; Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1991. 472 p.
- Schultz H.-D.* "Was ist des Deutschen Vaterland?" Geographie und Nationalstaat vor dem Ersten Weltkrieg // Geographische Rundschau. 1995. № 9. S. 492–497.
- The World According to GaWC 2010. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://lboro.ac.uk/gawc/world2010t.html>, дата обращения — 30.08.2013].

М.Ю. ТИМОФЕЕВ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК КАК ТРЕТЬЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ СТОЛИЦА ТРАНСФОРМАЦИЯ БРЕНДА

Иваново (в 1871–1932 гг. — Иваново-Вознесенск) на рубеже XIX–XX веков был крупным центром производства текстиля в России. Высокая концентрация пролетариата стимулировала активную деятельность революционеров. В мае 1905 г., во время всеобщей стачки, в городе был создан Совет уполномоченных от фабрик для ведения переговоров с фабрикантами. В это время в городе работали как профессиональные революционеры (преимущественно большевики), так и представители иваново-вознесенского рабочего класса, активно включившиеся впоследствии в партийную работу.

В 1918 г. безуездный Иваново-Вознесенск, во многом благодаря активности М.В. Фрунзе, руководившего подпольной работой в регионе в 1905 г., становится центром новой губернии. М.В. Фрунзе занимает посты председателя Иваново-Вознесенского губкома партии, председателя губисполкома, губсовнархоза и военного комиссара новой губернии. Значительное число выходцев из Иваново-Вознесенска становятся в 1920-е годы видными партийными, советскими и хозяйственными руководителями всероссийского и всесоюзного масштаба. В 1929 г. принимается решение о создании Ивановской промышленной области, включившей Владимирскую, Иваново-Вознесенскую, Костромскую и Ярославскую губернии. В 1920-х – начале 1930-х годов за городом закрепляются наименования «красного Манчестера», «города красных ткачей», «кузницы пролетарских кадров», «родины первого Совета», причём последний статус активно оспаривается в других регионах (Тимофеев 2012).

Миф об Иваново-Вознесенске как «третьей пролетарской столице» появился именно тогда. Краеведы, без указания на какие либо письменные источники, пишут, что «в те годы, по сви-

детельству старожилов, возникла и всерьёз обсуждалась идея перемещения административного центра РСФСР из Москвы в один из крупных городов России, при этом Москва осталась бы столицей СССР. За право стать столицей Российской Федерации негласно соревновались Ленинград и Нижний Новгород, Свердловск и Новосибирск, Ростов-на-Дону и Иваново (Балдин, Семенов 1996: 85).

Акцент на пролетарскости города был обоснован. Будучи городом фабрик, Иваново-Вознесенск превышал по своему промышленному потенциалу Владимир и Кострому. Данное Ф. Энгельсом определение — «пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путём продажи своего труда, а не живёт за счёт прибыли с какого-нибудь капитала» (Энгельс 1955: 322) — в дальнейшем толковалось расширительно и включало сельских пролетариев и «пролетариев умственного труда». Впрочем, придание городу сначала губернского статуса, а затем и утверждение плана его реконструкции в 1931 г., предполагало создание многофункционального административно-индустриального центра. В городе появляются вузы, театры и другие объекты культурной инфраструктуры. Однако «размывание» пролетарской массы осуществлялось главным образом за счёт притока сельских жителей, а не «красной профессуры» (Усманов, Черноплёров 2012). Впрочем, все города, являвшиеся административными центрами в ту эпоху, были в той или иной степени индустриальными. Таким образом, речь идёт о сугубо символическом статусе, пролетарском избранничестве в пику дворянским и купеческим окрестным городам — Костроме и Владимиру, а также Ярославлю как центру белогвардейского мятежа.

Следует отметить, что борьба за право именоваться третьей столицей демонстрирует амбиции, никак не влияя на содержательный аспект репрезентации города. Только использование дополнительного предиката помогает выделить очередную третью из большого числа претендентов. Впрочем, идею «столичности» как универсальную, формализованную и типовую некоторые эксперты считают неэффективной и провальной. Однако власти многих городов вполне серьёзно относятся к возможности стать третьим городом после Москвы и Петербурга. Это обстоятельство привело к тому, что претензии считаться третьей столицей

России стали определяющими в соперничестве Казани и Нижнего Новгорода. Власти Екатеринбурга и Самары, городов, считающихся третьими столицами, остались в стороне от этого спора. Желанный статус официально получила столица Татарстана, а Нижний Новгород довольствовался официальным признанием столицы Поволжья, закрепив за собой этот титул в Роспатенте (Тимофеев 2011).

Удивительно, что в Иванове миф о третьей пролетарской столице демонстрирует свою жизнеспособность до настоящего времени. Он, безусловно, подкреплялся разного рода дискурсивными практиками в советское время. Так, столичные амбиции были зафиксированы на открытом в августе 1977 г. мраморном панно на торце бывшего Дома Советов в виде с изречением Ленина: «Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции» (Ленин 1960: 318).

Легко можно обнаружить, что при удобном поводе до сих пор принято вспоминать о ставшем неактуальным мифическом столичном статусе (см., например: В Иванове; Иваново). В определённой степени это можно объяснить существующим в сознании горожан комплексом неполноценности, возникшим с утратой значительной части символического капитала после распада СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

Балдин К.Е., Семененко А.М. Иваново-Вознесенск: история и современность. Иваново: Ивановская газета, 1996.

В Иванове откроется выставка агитационных тканей и текстильных рисунков 1920–30-х годов. — Электронный ресурс [Режим доступа: http://textil.ivplaneta.ru/index.php?p=news&news_id=8628&npage=17, дата обращения — 22.07.2013].

Иваново — третья пролетарская столица. — Электронный ресурс [Режим доступа: http://wiki.ivanovoweb.ru/index.php/Иваново_-_третья_пролетарская_столица, дата обращения — 22.07.2013].

Ленин В.И. Кровавые дни в Москве // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. М.: Политиздат, 1960. Т. 11. С. 313–318.

- Тимофеев М.Ю.* Брендинг городов в современной России: семантика и прагматика // Вестник Ивановского университета. 2011. № 2. С. 37–46.
- Тимофеев М.Ю.* Советскость Манчестера невест: инвентаризация городских брендов // Незреченное слово: мемориальный сборник памяти профессора А.Н. Портнова. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2012. С. 209–231.
- Усманов С.М., Чернопёров В.Л.* Русский Манчестер как социокультурное пространство ивановских колхозников // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города: Сб. научных статей / Под ред. М.Ю. Тимофеева. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2012. С. 72–80.
- Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1955. Т. 4. С. 332–339.

А.Р.А. УЛУНЯН

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ГЕОПРОСТРАНСТВЕННОГО ТРАНСФЕРА СТОЛИЦЫ*

Иерархизация значимости населённых пунктов в рамках государственных национальных границ в XX в. при всём учёте хозяйственно-экономической целесообразности и демографических факторов такого ранжирования имеет ярко выраженный идеологический характер, имеющий в своей основе традиционалистско-историческую основу. Идеология в данном случае выступает в отличие от принятой в отечественной обществоведческой традиции как комплекс идей, формирующих целевые установки, а также характер конкретных ожиданий и действий (Mullins 1972). Именно в XX – начале XXI в. оформилось и получило развитие как особое направление политической географии и международной политики так называемое геополитическое проектирование, которое придало геопространственному трансферу столиц системный характер.

В XX в. исторической особенностью идеологической традиции переноса столицы государства стало доминирование этнополитического фактора как основного при выдвижении аргументов в пользу этого действия. Одновременно чётко выделяется несколько основных аспектов самого процесса: во-первых, необходимость обеспечения стратегической безопасности политического центра страны; во-вторых, историческая обусловленность процесса переноса столицы, подтверждаемая реальным или мифологизированными общественно-политическим дискурсом в прошлом; в-третьих, потребность в географическом определении

* Работа выполнена в рамках проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

вектора социально-экономического развития страны в соответствии с направлением переноса столицы.

Сам факт озвучивания подобных планов демонстрировал в исторической ретроспективе даже в условиях относительно недавней истории, прежде всего, политически мотивированную и геостратегически обосновывавшуюся цель: консолидацию национальной территории вокруг единого политически безальтернативного центра, нередко либо призванного подчеркнуть историческую преемственность значимости данного города, превращаемого в столицу, либо демонстративный отказ от прежней «ошибочной» исторической традиции и возвращение к «первоначальной» истории, основу которой могла составлять идеологически оформленная мифологема. Весьма примечательными в XX в. были переносы столиц, породившие целую историческую эпоху «столичных трансферов». Так, в частности, административным центром британской Индии в 1911 г. на смену прежней столицы Калькутты, после серьезного внутривластного кризиса, связанного с разделом Бенгалии, центр был перемещён в Дели. В Бразилии план переноса столицы из Рио-де-Жанейро в центр страны, а также последующее строительство «главного города», хотя и обсуждался с 1822 г., юридически был утверждён в 1891 г., но официально произошёл лишь в 1961 г. Крушение Османской империи и создание новой республиканской Турции привело также к переносу столицы из находящегося на берегах Босфора Стамбула (сохранившего в греческой и болгарской языковой традиции своё архаическое название, соответственно Константинополис — Κωνσταντινούπολις, или просто Полис — ἡ Πόλις, и болгарское Царьград — Цариград) вглубь Анатолии в Анкару.

Самороспуск СССР и создание независимых государств на постсоветском пространстве повлияли на общественно-политический дискурс в ряде новых стран по проблеме столичного статуса конкретных городов. Перенос столицы Казахстана из находившегося на юге территории республики г. Алма-Аты на север, в бывший г. Целиноград, получивший название Астана, был призван укрепить политический контроль за северными приграничными с Россией территориями, серьезно повлиять на состав новой политической элиты и, разумеется, обеспечить геостратегическую безопасность общенационального политического центра, теперь

удаленного от потенциальных источников угроз, исходивших из сопредельных прежней столице г. Алма-Ате территорий.

После окончания Первой мировой войны в традиции политической географии появилось понятие «временной столицы». Примером этому может служить в первой трети XX в. судьба столицы независимой Литовской республики, когда с утерей Вильнюса, перешедшего под контроль Польши, официально был провозглашен временной столицей Каунас, переставший быть таковой в 1939 г. после возвращения Вильнюса. В подобном направлении развивалась ситуация и со столицей Молдавской автономной ССР, перемещавшейся из г. Балта (1924 г.) в г. Тирасполь (1929 г.) и окончательным утверждением г. Кишинева в 1940 г. столицей уже Молдавской союзной республики (Заяц, 2001). Понятие «временная столица» приобрело, таким образом, в XX в. особую значимость, подчеркивающую неизбежность изменений политической географии. Таковы, в частности, были концептуальные основы столичного статуса г. Бонна, а ныне продолжающий сохраняться «временный» характер столицы г. Пхеньяна, так как в соответствии с официальной доктриной властей КНДР будущей столицей объединенной Кореи должна стать историческая столица страны г. Сеул. Аналогично относятся к своей столице г. Тайбею власти Республики Китай, рассматривающие г. Нанкин, находящийся в материковой части территории КНР, как столицу единого Китая.

В отечественной традиции наиболее характерным сочетанием всей совокупности факторов позиционирования столичного статуса стала судьба г. Москвы и дискуссии в начале XX в. о перенесении столицы вглубь Российской империи (Улунян 2000). Эволюция от политического центра «государства Московии» и имперского «Москва — Третий Рим», к потере официального положения политического центра и приобретение неофициального статуса «второй столицы» после новосозданной — г. Санкт-Петербурга, с последующим приобретением в конце февраля 1918 г. статуса «временной столицы»¹, трансформировавшейся в послед-

¹ Оценки переезда и различные объяснения см. в публикациях газет того времени: Знамя труда, 09. 03. 1918; Новая Жизнь; 09. 03. 1918; Новое Слово, 09. 03. 1918; Правда, 10. 03. 1918. В статье под названием «В наиболее безопасное место», опубликованной в органе большевиков газете «Правда»

ствии официально в постоянный политический центр не только России, но и новосозданного в 1922 г. СССР (Тархов 2001).

Складывавшаяся на протяжении сравнительно долгого времени в мировой практике историческая традиция геопространственного трансфера столиц вывила определенный алгоритм этого процесса, а также наиболее характерные черты переноса «главного города» в пределах национальной государственной территории (Тархов 2007). В то же время, «столичный трансфер» имеет и определенную идеологическую составляющую, приобретающую также форму традиции. Крушение в XX в. мировых империй, создание национальных государств, ликвидация мультиэтнических государств, укрепление региональных трансграничных проектов в системе международных отношений, усиление значимости факторов культурно-исторического и этнического единства, сопровождаемое конструированием этно-территориальных геополитических проектов — таковы условия, в которых проходили и планируются процессы геопространственного трансфера столиц. Идеология её переноса включает ключевое условие: либо наличие населённого пункта, который трансформируется в столицу, приобретая её статус, либо, что встречается реже, выбор географического пространства, наиболее подходящего по своим параметрам в глубине национальной территории. Основное содержание традиции «столичного трансфера» заключается в определении широкого круга идеологически окрашенных категорий столичного статуса конкретного населённого пункта. Важнейшими из них являются историческая обоснованность приобретения городом столичного статуса, нередко сопровождаемая мифологизацией исторического прошлого; подчеркивание темпоральной функциональности (введение определений временной, зимней и летней столицы); сегментированием столичного города на «старую» и «новую» части там, где это возможно; выделение конфес-

(10. 03. 1918), помимо прочего заявлялось о том, что «Петроградский Совет считает необходимым заявить, что хотя в связи с интернациональным положением и становится нужным перенесение правительственного центра в наиболее безопасное место, вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву может быть и будет решен совсем Чрезвычайным Съездом Советов, открывающийся в Москве 12 марта». Решение о столице — Москве — было принято 16 марта на Чрезвычайный IV съезд Советов, но при этом говорилось о временном характере этого статуса (см.: Ковалёва 2001).

сиональной и политической значимости конкретного города — столицы как некоего государственного «центра силы». В этой связи обращается особое внимание на его географическое расположение (на периферии или в глубине национальной территории) и геостратегические позиции с точки зрения обеспечения его безопасности в условиях военного конфликта. Однако артикулирование необходимости «столичного трансфера» происходит в определенном соответствии с теоретическими постулатами так называемой критической геополитики,² а именно: воздействие идейных конструкций, сформулированных в общественном дискурсе по геопространственным вопросам государственного строительства узкой группой либо представителей политического класса, либо интеллектуалов, оказывает влияние на более широкие политические слои в обществе, которые, в свою очередь, влияют на формирование общественных геопространственных представлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Заяц Д.В.* Изменение административно-территориального деления союзных республик // География. 2001. № 28. С. 24–30.
- Ковалёва Т.В.* Из «разжалованной столицы...» (по материалам оппозиционной прессы 1918 г.) // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. № 2. С. 35–49.
- Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2001. № 15. С. 1–32.
- Тархов С.А.* Переносы столиц // География. 2007. № 5/6. С. 7–10.
- Улунян Ар.А.* Русская геополитика: внутри или вовне? (Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX века) // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 61–70.
- Mullins W.A.* On the Concept of Ideology in Political Science // The American Political Science Review. 1972. Vol. 66. No. 2. P. 498–510.
- Ó Tuathail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minnesota, 1996.

² Её основы были сформулированы американским учёным ирландского происхождения Джэрардом Тоэлом в 90-х гг. XX в. (Ó Tuathail 1996).

А.П. ЧЕРНЫХ

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ ПОРТУГАЛИИ В БРАЗИЛИЮ В 1808 ГОДУ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПОСЛЕДСТВИЯ

В 1807 г. Наполеон подписал с Испанией Договор в Фонтенбло, предусматривавший нападение на Португалию и её раздел на три микросоударства. Португальскую королевскую семью предполагалось заключить в тюрьму и принудить к отречению от трона. Параллельно с этим планировалось захватить португальские заморские территории и, в частности, Бразилию, где французские интересы уже активно проявили себя (Договор в Фонтенбло, Ст. 13).

Когда в ноябре 1807 г. в страну вторглись французские войска, во избежание плена королевская семья и двор отплыли в Бразилию (29.11.1807), куда прибыли в марте 1808 года.

Летом 1808 г. в Португалии вспыхнуло антифранцузское восстание. В Порту создали Жунту, призвавшую на помощь Великобританию. Англо-португальская армия вытеснила французов и в марте 1811 г. они были вынуждены покинуть Португалию. Однако королевская семья и двор в 1811 г. не торопились возвращаться в Европу. Если вынужденный переезд короны и двора в Бразилию в принципе объясним военной необходимостью, то чем объяснить задержку их возвращения?

Идея переноса короны в Бразилию давно циркулировала в Португалии. Есть упоминания об этом в 1580 г. в связи с одним из претендентов на корону, Д. Антониу приором Крату (1531–1595) накануне вступления войск герцога Альбы.

После восстановления независимости в 1640 г., когда возникла опасность испанского вторжения, к проекту переезда в Бразилию обращалась королева-регент Луиза де Гусман. В XVII в. идею переноса центра португальской государственности в Бразилию выдвигал известный португальский проповедник о. Антониу Виейра (1608–1697). В труде “*Esperanças de Portugal*,

quinto Império do Mundo” (Torgal 1982: 275) он говорил о создании вслед за четырьмя великими империями древности Пятой империи, под которой подразумевалась Португальская империя. Она должна была стать всемирным королевством (*reino universal*) и объединить все континенты, расы и культуры. Её духовным главой должен был быть папа римский, а наиболее вероятная кандидатура на светское правление — король Португалии Жоан IV (1604–1656) (Besselar 1981: 72), который должен был отправиться царствовать в Бразилию (Torgal 1982: 272). Это было не только посланием самого Виейры современникам, но и выражением мысли, бродившей в умах его соотечественников.

Позднее идею переноса португальской монархии в Бразилию вновь выдвигал, обращая её уже к Жоану V (1689–1750), дипломат Луиш да Кунья (1662–1749). В 1736 г. он опубликовал произведение “Instruções Políticas” (Luís da Cunha 1736), где в жанре «видения» или «сна» предполагал местом пребывания двора «многоконтинентальной португальской монархии» Рио де Жанейро, который «станет более роскошным, чем Лиссабон». В числе аргументов присутствовала и близость к золотым и алмазным шахтам, и расположение на торговых путях между всеми португальскими владениями.

В 1797 г. Р. де Соуза Коутинью (1755–1812) в произведении “Memória sobre o melhoramento dos domínios de Sua Majestade na América” попытался определить новые правила взаимодействия метрополии с заморскими владениями и сформулировал новую политику управления всей португальской империей (De Sousa Coutinho 1993). Идея переезда королевской семьи в Бразилию публично обсуждалась в 1803–1804 гг. (Pereira 1953–1958; Oliveira Lima 1996: 46).

При всей рациональности этих проектов как меры безопасности в конкретных обстоятельствах, корни идеи переезда лежат глубже. В португальской традиции все владения вне Европы трактовались не как «колонии», а как «заморские территории», «заморские владения», “estados da América” и т.п. Многие из этих проектов вдохновлялись циркулировавшей в обществе с конца XVI в. идеей «возрождения» Португалии.

Восприятие Бразилии в Португалии менялось вместе с её ролью. В 1642 г. был образован занимавшийся вопросами коло-

ниальной политики Совет по заморским территориям (*Conselho Ultramarino*). После прихода в Лиссабон в 1693 г. известий об открытии в Бразилии золота управление шахтами и приисками было перенесено в Рио де Жанейро, в связи с чем роль этого города резко возросла. К 1712 г. город, по словам современника, стал «одним из самых драгоценных камней, которые украшают корону Вашего Величества» (Bicalho 2011: 46).

В течение XVIII в. Бразилия превратилась в оплот и гарантию существования лузитанской монархии. Возрос её административный статус: с 1762 г. Рио де Жанейро стал местом пребывания вице-короля. В 1763 г. из г. Салвадора в Рио была перенесена столица Бразилии, что отразило превращение совокупности самостоятельных капитаний в единое государственное образование. Рио де Жанейро стал вторым, после Лиссабона, городом в португальских владениях. Повышение роли Рио связано с открытием и разработкой золота в Минас-Жерайс, превращением в центр международной торговли. «Сон» Луиша да Кунья стал к 1808 г. реальностью (Bicalho 2011: 53). Переезд двора только подтвердил его действительно высокий статус.

Сам факт переноса столицы монархии в Бразилию означал прибытие практически всей государственной структуры метрополии. Аспекты воздействия были разнообразны: экономические, культурные и проч. Был основан первый банк (1808 г.), королевская типография, Королевская военная академия (1810), ряд заводов и производств, Королевская библиотека (1810) и многое другое.

Но главные перемены — политические. Титул государя Бразилии (*Príncipe do Brasil*) носил в качестве наследника уже Жозе V. Переезд двора и присутствие верховной власти в Рио де Жанейро в 1808 г. резко повысили политический статус Бразилии, подвинув её, в конце концов, к самостоятельности.

Это показательно на косвенном примере геральдики: в 1810 г. регент Жоан изменил традиционную структуру герольдии и создал должность гербового короля Америка, Азия и Африка. В 1815 г. регент возвёл Бразилию в статус королевства, равного Португалии и Алгарве, сформировав единое тройное королевство (*Reino Unido de Portugal e do Brasil e Algarves*), и регламентировал геральдику Бразилии. Герб этого Объединённого

королевства геральдически отразил то, что Бразилия была опорой португальской монархии (Metelo de Seixas 2012: 58–59). Он почти не использовался, так как очень скоро политические события сделали идею объединения португальской и бразильской корон не актуальной.

Переезд двора оказал сильное воздействие на развитие Бразилии. Бразилия подчинялась португальскому Колониальному пакту, который наряду с экономической включал и политическую подчинённость. Кроме того, он ограничивал экономическую активность колониальной элиты. Подписанный в Салвадоре в 1808 г. Декрет об открытии портов дружественным нациям (*O Decreto de Abertura dos Portos às Nações Amigas*) обозначил окончание действия ограничительного Колониального пакта и положил конец концепции *mare clausum*.

Планы короны создать новое португальское государство с центром в Бразилии усиливали требования возвращения короля в метрополию. В 1820 г. разразилась Португальская революция с требованием введения конституционного строя. Конституция 1822 г. объявила Португалию конституционной монархией, принцип суверенности короля заменила принципом суверенности нации, лишила короля законодательной власти и ограничила его полномочия как главы исполнительной.

Вернувшийся в 1821 г. в королевство-метрополию Жоан VI (король в 1816–1826) оставил в Бразилии регентом сына Педру. Провозглашение Жоана VI не конституционным, как планировалось, а абсолютным монархом и принятая им Конституционная хартия оказались чреватые политическим противостоянием, которое надолго стало основным содержанием политической жизни Португалии.

Оценка роли заморских территорий в структуре португальской монархии требует избегать модернизации. Наличие так называемой колонии, несмотря на золото и алмазы, не обогащало Португалию. Напротив, колонии истощали метрополию с точки зрения людских ресурсов. Идея переноса центра империи в Бразилию всегда возникала в кризисные моменты, и была связана с себастьянистской мечтой возрождения самой Португалии.

За годы пребывания двора в Бразилии всё это владение было административно-политически обновлено. Для бразильской эли-

ты возвращение короля в Европу означало возвращение к статусу колонии. Бразилия провозгласила себя самостоятельной, и попытка вернуть её военным путём не удалась в зародыше. Если перенос столицы в Бразилию способствовал обретению Бразилией государственной самостоятельности, то в Португалии отсутствие короля способствовало развитию революции 1820 г., погрузившей общество в гражданские войны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Besselar J. Van den.* António Vieira: o homem, a obra, as ideias. Lisboa, 1981.
- Bicalho M.F.* A cidade de Rio de Janeiro e o sonho de uma capital americana: da visão de D. Luís da Cunha à sede do vice-reinado (1736–1763) // *História*. São Paulo, 2011. Vol. 30. N 1. P. 37–55.
- D. Luís da Cunha.* Instruções Políticas. Lisboa, 1736; Lisboa, 2001.
- De Sousa Coutinho R.* Memória sobre o melhoramento dos domínios de Sua Majestade na América, 1797 // *D. Rodrigo de Souza Coutinho*. Textos Políticos, Económicos e Financeiros, 1783–1811 / Dir. de edição de A. Diniz da Silva. Lisboa, 1993. T. II.
- Metelo de Seixas M.* A heráldica em Portugal no século XIX: sob o signo da renovação // *Análise Social*. 2012. Vol. XLVII. N 202. P. 56–91.
- Oliveira Lima M. de.* D. João VI no Brasil. Rio de Janeiro, 1996.
- Pereira Â.* D. João Príncipe e Rei. Lisboa, 1953–1958. Vol. 1–4.
- Torgal L.R.* Ideologia política e teoria do estado na Restauração. Coimbra, 1982. Vol. II.

ПЕКИН КАК ГЛОБАЛЬНАЯ СТОЛИЦА

Теория глобальных городов возникла в 1990-х годах на стыке урбанистики, глобалистики, истории, экономической географии и в настоящее время активно развивается (Слука 2005). В контексте исследования пространственного аспекта процесса современной глобализации изучается формирование наднациональной урбанистической сети. Исследователи отмечают, что «в рамках миро-системы под влиянием транснационализации и глобализации, опирающихся на информатизацию, множатся сетевые структуры, все более нивелирующие пространственную иерархию» (Мироненко 2010: 5). Самая общая дефиниция такого города звучит как «город, важный в контексте экономической глобализации» (Derudder 2006: 2031). Глобальные города выступают узлами, в которых принимаются важнейшие мировые решения, и которые благодаря использованию выгод глобализации наращивают свой отрыв от остальных центров. Многие ведущие глобальные города за счёт взаимодействия с другими городами получают больше, чем от взаимодействия с остальным экономическим пространством своей страны. Единого подхода к формированию списка глобальных городов пока не существует, выделяются узкий (по филиальным сетям сервисных фирм) и широкий (с оценкой всех сторон городской конкурентоспособности) подходы.

Успешное экономическое развитие КНР последних десятилетий буквально выталкивает ведущие города страны на более высокие позиции в городской иерархии (Чубаров, Слука 2010). Как и в других глобальных городах Китая (Гонконг, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь) характерными чертами развития Пекина являются стремительный рост ВВП, сервисно-финансовой и внешнеторговой составляющей. Буквально за несколько лет городской аэропорт вышел на второе место в мире по величине пассажирооборота. Однако подлинная специфика продвижения

Пекина в мировой городской иерархии составляют те стороны, развитию которых он обязан своей столичности.

Благодаря своему столичному статусу Пекин за последнее десятилетие превратился в управленческий и культурно-образовательный центр мирового уровня. Этот город является традиционным центром общественной жизни Китая и безусловным символом его единства и государственной мощи. Высокая степень централизации — это одновременно и исторический феномен (правление императорских династий), и наследие строительства социализма по советскому образцу (плановая экономика и однопартийная система). Пекин является центром принятия важнейших решений по всем направлениям государственного строительства, здесь сосредоточены все высшие государственные и партийные органы, штаб-квартиры крупнейших корпораций, главные культурные, научные, образовательные, религиозные и спортивные организации КНР. В начальный период проведения политики реформ и открытости город оказался наиболее подготовленным к изменениям, долгая история дипломатического и политического центра дала Пекину значительное преимущество перед другими городами страны в плане международной известности, туристического потока, внутригородской инфраструктуры. Начатая в ходе реформ деиндустриализация к середине 1990-х годов сделала его вторым после Гонконга постиндустриальным мегаполисом (сектор услуг обошел остальные сектора).

В Пекине размещаются все высшие государственные органы, в том числе в области финансов, прав собственности и контроля. Там расположены и единый регулятор деятельности предприятий с крупным госучастием (комитет Госсовета по контролю и управлению государственным имуществом), и Китайская биржа собственности, через которую проходит больше половины всех операций по приватизации и реорганизация правительственной собственности. При этом здесь же расположены три главных финансовых регулирующих органа (Государственный комитеты КНР по контролю и управлению банковскими делами, над ценными бумагами и по страхованию), штаб-квартиры четырёх основных банков и пяти основных страховых компаний.

В Пекине расположена одна пятая из пятисот крупнейших компаний страны, но при этом на их долю приходится 51% их

операционного дохода. Концентрация наиболее крупных и доходных компаний в Пекине объясняется необходимостью для них располагаться в непосредственной близости от мест принятия важных решений, а также историей их образования из соответствующих правительственных департаментов. За последние десять лет китайская столица вышла на второе место в мире по числу штаб-квартир крупнейших мировых компаний, что делает его центром принятия корпоративных решений мирового уровня. Таким образом, Пекин занимает доминирующие позиции и в политической системе страны, и в сфере корпоративного управления КНР, что делает его одним из важнейших центров принятия решений на планете.

Вторая ключевая компетенция Пекина в мировой системе — научно-образовательный центр. В Пекине расположены более 70 вузов, 42 из которых имеют статус национальных (половина от всех таких вузов в стране). За последние пять лет Пекин выдвинулся как глобальный центр изучения китайского языка, каждый десятый студент в городе — иностранец (в абсолютных величинах — около 100 тыс. чел.), это четверть всех иностранных студентов в КНР. В Пекине расположены ведущие китайские университеты (Пекинский и Цинхуа), более 400 исследовательских центров, лабораторий, издательств, библиотек и других объектов научной инфраструктуры. В столице расположено 118 государственных НИИ, включая головные институты Академии наук КНР (39 из 120 НИИ), Академии Сельскохозяйственных наук (17 из 39 НИИ), Академии медицинских наук (13 из 19 НИИ), Академий социальных и инженерных наук.

Кроме этого, Пекин, без сомнений, является основным медийным хабом на территории Китая, где расположены китайское государственное телевидение (CCTV), радиослужба, оба крупнейших новостных агентства — Синьхуа (более ста зарубежных отделений) и China News Service, издаётся большая часть влиятельных газет и журналов (13% всех газет, треть всех журналов, половина всех книг). С этой точки зрения Пекин полностью соответствует замечанию одного основоположников теории Дж. Фридманна о том, что «...функцией мирового города является идеологическое проникновение и контроль. Нью-Йорк и Лос-Анджелес, Лондон и Париж, в меньшей степени Токио — все они центры

возникновения и распространения информации, новостей, развлечений и других элементов культуры» (Friedmann 1986: 73). В этом плане Пекин постепенно выходит на первый план в качестве одного из ключевых элементов китайской стратегии «мягкой силы» (постепенное увеличение значимости Китая на мировой арене путём популяризации его культуры и повышения привлекательности образа жизни). Одним из наиболее ярких примеров успеха этой стратегии является рывок Пекина на рынке современного искусства, где город сейчас уступает лишь Нью-Йорку.

Траектория Пекина как «глобальной столицы», весьма вероятно, имеет много общего с другими столицами крупных и влиятельных стран, являющихся центрами концентрации местных ТНК, обладающих развитым сектором услуг, в том числе культурных, а также активно участвующих в формировании информационной повестки дня (Париж, Москва). Значительная часть таких функций получает в них своё развитие именно в силу преимуществ столичного статуса города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мироненко Н.С.* Основные черты пространственной структуры мирового хозяйства как системы // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 3–13.
- Слука Н.А.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005. 168 с.
- Чубаров И.Г., Слука Н.А.* Крупнейшие агломерации КНР в системе глобальных городов // Вестник МГУ. Сер. 5: География. 2012. № 2. С. 32–39.
- Derudder B.* On Conceptual Confusion in Empirical Analyses of a Transnational Urban Network // Urban Studies. 2006. Vol. 43. No. 11. P. 2027–2046.
- Friedmann J.* The World City Hypothesis // Development and Change. 1986. № 17 (1). P. 69–84.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В.А. АРУТЮНОВА-ФИДАНИЯ</i>	
К вопросу о геополитических константах: Древние столицы Армении.....	3
<i>Т.И. ГЕРАСИМЕНКО</i>	
Роль столицы в формировании и трансформации территориальной структуры социально-экономического пространства.....	8
<i>И.А. ДОБРИЦЫНА</i>	
Трансформация образа столичного города в условиях неолиберального капитализма.....	13
<i>Д.Н. ЗАМЯТИН</i>	
Феномен / ноумен столицы: Историческая география и онтологические модели воображения.....	23
<i>Н.Ю. ЗАМЯТИНА</i>	
Положение столицы как индикатор институциональной модели.....	28
<i>А.А. ИСЭРОВ</i>	
Перенос столицы и англо-саксонская политическая культура.....	36
<i>В.Л. КАГАНСКИЙ</i>	
Фантом переноса столицы в современной России: Перенос столицы versus децентрализация страны?.....	45
<i>С.Б. КОЖИРОВА</i>	
Казахстанский опыт переноса столицы: цивилизационный, геополитический, экономический аспекты....	51
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Столицы и границы Халифата (VII–X века).....	58
<i>М.П. КРЫЛОВ, П.М. КРЫЛОВ</i>	
Многоцентрие и пространственная динамика центров регионов: Опыт историко-географического моделирования и типологии....	62
<i>П.М. КРЫЛОВ</i>	
Транспортно-географическая оценка исторического опыта переноса столиц.....	69
<i>О.А. ЛАВРЕНОВА</i>	
Столица в антропном космосе: Метафорический аспект.....	75
<i>А.А. МАЙЗЛИШ</i>	
В конкуренции с Парижем: Бургундские города в борьбе за роль политического центра.....	81

<i>А.С. МАКАРЫЧЕВ</i>	
От Бонна к Берлину: Идентичность, нормализация, гегемония.....	87
<i>К.А. МЕДЕУОВА</i>	
Этическое измерение столичных проектов XX века.....	92
<i>Е.А. МЕЛЬНИКОВА</i>	
От эмпория к столице: Средняя Швеция V–XIII веков.....	97
<i>И.Ю. ОКУНЕВ</i>	
Изменение роли столицы в федеративном государстве: Мировой и российский опыт.....	103
<i>Л.С. ОКУНЕВА, О.В. ОКУНЕВА</i>	
Три столицы в истории Бразилии: Перенос столичных функций в исторической ретроспективе (XVI–XX века).....	106
<i>О.Б. ПОДВИНЦЕВ</i>	
Вопрос о переносе столицы в современной России: Факторы внесения в политическую повестку дня и вытеснения из нее.....	114
<i>Б.Б. РОДОМАН</i>	
Надо ли уменьшать эксцентриситет России? Оценка прожектов переноса столицы с точки зрения теоретической географии.....	120
<i>С.Е. СИДОРОВА</i>	
Из торговой конторы в императорский дворец: Перенос столицы Британской Индии из Калькутты в Дели.....	125
<i>В.Н. СТРЕЛЕЦКИЙ</i>	
Феномен столичности в полицентричной стране: Геоисторический контекст и современные реалии (на примере Германии).....	132
<i>М.Ю. ТИМОФЕЕВ</i>	
Иваново-Вознесенск как третья пролетарская столица: трансформация бренда.....	143
<i>АР.А. УЛУНЯН</i>	
Исторические особенности идеологической традиции геопространственного трансфера столицы.....	147
<i>А.П. ЧЕРНЫХ</i>	
Перенос столицы Португалии в Бразилию в 1808 году: Обстоятельства и последствия.....	152
<i>И.Г. ЧУБАРОВ</i>	
Пекин как глобальная столица.....	157
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	161

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Материалы конференции 28–29 октября 2013 г.

Под общей редакцией
Ирины Геннадиевны КОНОВАЛОВОЙ

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.
Подписано в печать 30 сентября 2013 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 12 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 753

Институт всеобщей истории РАН
Москва, 119991, Ленинский пр., д. 32а